476428 р
№ 1945
Библ. Педагогическаго Института Самар. Губ. Земства
1948 г.

ПѢСНИ ОРЕНБУРГСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

IV.

ПѢСНИ ОБРЯДОВЫЯ. ДУХОВНЫЕ СТИХИ. АПОКРИФЫ. ЗАГОВОРЫ.
ОЧЕРКИ ОБРЯДОВЪ. ЦАРЬ МАКСИМИЛІАНЪ. ДОБАВЛЕНІЯ.

СОБРАЛЪ
А. И. Мякутинъ.

ИЗДАНІЕ
ОРЕНБУРГСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія К. Биркенфельда (В. О., 8-я л., № 1).
1910.

476428
7945
4

476428

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ ЧИТАТЕЛЕМ БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами „строгие" порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ „ЗАЧИТАЛ" НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского „Записки Института ЛЕНИНА" т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной библиотеки

ЕО 13578 Зак. 50 тир. 50000. Тип. КуАИ

Э
инв 6489
№ 1245
398
М 99
БИБЛ. ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ... ОБЛ. ГР...
КНИГИ ИЗ СОБРАНІЯ П. К. СИМОНИ.
1940 г.
Куйбышевская
№ 476428
Обл. Библиотека

ПѢСНИ ОРЕНБУРГСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

IV.

ПѢСНИ ОБРЯДОВЫЯ. ДУХОВНЫЕ СТИХИ. АПОКРИФЫ. ЗАГОВОРЫ.
ОЧЕРКИ ОБРЯДОВЪ. ЦАРЬ МАКСИМИЛІАНЪ. ДОБАВЛЕНІЯ.

СОБРАЛЪ
А. И. Мякутинъ.

ИЗДАНІЕ
ОРЕНБУРГСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія К. Биркенфельда (В. О., 8-я л., № 1).
1910.

Печатано по распоряженію Наказнаго Атамана Оренбургскаго казачьяго войска

Четвертая часть «Пѣсенъ оренбургскихъ казаковъ», печатаемыхъ по распоряженію Наказнаго Атамана Оренбургскаго казачьяго войска генералъ-лейтенанта Ожаровскаго и при содѣйствіи Начальника Штаба того же войска генералъ-майора Нестеровскаго, заключаетъ въ себѣ обрядовыя пѣсни и духовные стихи, при чемъ въ данномъ случаѣ подъ общимъ названіемъ обрядовыхъ пѣсенъ разумѣются такія, которыя сопровождаются исполненіемъ какихъ бы то ни было ритуальныхъ дѣйствій, хотя бы даже, напримѣръ, игрой или танцами.

Въ настоящей части примѣчанія къ пѣснямъ не отнесены въ особый отдѣлъ, какъ-то дѣлалось въ предшествовавшихъ частяхъ, а помѣщены, для большаго при чтеніи удобства, непосредственно подъ соотвѣтствующими пѣснями внизу страницъ.

Для того, чтобы полнѣе представить міровоззрѣніе и бытъ оренбургскихъ казаковъ, въ IV-й части приведены циркулирующіе въ казачьей средѣ апокрифы, заговоры и народная комедія «Царь Максиміліанъ» и даны описанія нѣкоторыхъ обрядовъ и обычаевъ.

Въ концѣ книги, въ отдѣлѣ «Добавленія», помѣщены тѣ пѣсни, которыя были собраны позднѣе напечатанія соотвѣтствующихъ отдѣловъ или которыя, по разнымъ соображеніямъ, ранѣе не предполагалось помѣщать.

Настоящею частью оканчивается трудъ по печатанію «Пѣсенъ оренбургскихъ казаковъ», почему дѣлается общій подсчетъ работы: въ I-й части напечатано 248 пѣсенъ, во II-й части—166, въ III-й—205, въ IV-й—~~912~~, а всего 910 пѣсенъ; въ III-й и въ IV-й частяхъ при-

ведено 35 стихотвореній, касающихся Оренбургскаго казачьяго войска; кромѣ того, въ IV части помѣщено 3 апокрифа, 13 заговоровъ, 8 очерковъ обрядовъ и обычаевъ и одна народная комедія. Отзывы о работѣ даны въ «Оренбургской газетѣ» (1905 г. № 2374), въ литературныхъ приложеніяхъ къ «Русскому Инвалиду» за 1904 годъ (въ концѣ года), за 1905 годъ (приложеніе къ № 185) и за 1907 годъ (приложеніе № 86) и въ «Новомъ Времени» 1905 года № 10686.

Указатель лицъ, сообщившихъ пѣсни, стихотворенія и проч., и станицъ, къ которымъ они принадлежатъ.

Алексѣевъ, Н. М., чиновникъ, Березинская станица, стр. 252.
Ал. М. (псевдонимъ) стр. 349, 352.
Андреевъ, А Д., подъесаулъ, Ильинская, стр. 345, 346, 346.
Антроповъ, Михаилъ, приказный, Кундравинская, стр. 110.
Арефьева, Лукерья, казачка, Магнитная, 152, 153, 154, 154, 155, 157, 158, 160 161, 161, 165.

Барбусова, Лидія, казачка, Оренбургская, 23, 23, 116.
Батюшкина, Анна, казачка, Оренбургская, 38, 104, 128.
Батюшкина, Елена, казачка, Оренбургская, 39, 130.
Бухаринъ, Н. К., войск. старш. († 29-го іюня 1894 г.), 20, 26, 87, 103, 117, 126, 131.
Бѣлякова, Анастасія, казачка, Оренбургская, 4, 5, 27, 43, 73, 102, 104.
Бѣляковъ, Степанъ, казакъ, Оренбургская, 106.
Бѣляниновъ, Алексѣй, казакъ Верхнеозерная, 126.

Вишняковъ, Иванъ, нестр. старш. разр., Гирьяльская, 339.
Вопиловъ, Павелъ, нестр. старш. разр., Кундравинская, 42, 42, 75, 77, 77, 78, 89, 109, 115, 120, 244.
Выровщиковъ, Савелій, казакъ, Сакмарская, 27, 37.

Головинъ, Н. С., подъесаулъ, Оренбургская, 28, 39, 52, 54, 62, 65, 67, 72, 85, 86, 91, 94, 109, 128, 310, 313.
Гурьевъ, Гавріилъ, нестр. старш. разр., Разсыпная, 147, 150, 160, 164, 172, 175, 178, 180, 191, 193, 194, 311.

Ефимовъ, Филиппъ, урядникъ, Магнитная, 22, 22, 32, 33, 34, 40, 43, 58, 59, 59, 59, 60, 60, 61, 61, 66, 67, 74, 75, 79, 82, 85, 87, 88, 93, 94, 97, 100, 106, 107, 112, 118, 119, 119, 121, 122, 123, 124, 127. 129, 138, 139, 140, 141, 142, 144, 152, 153, 154, 154, 155, 156, 157, 158, 160, 161, 161, 165, 235, 245, 312, 314, 314, 315, 315, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 327, 327, 328, 329, 331, 332, 332, 333, 334, 335, 336, 342.

Качалинъ, Владимиръ, казакъ, Оренбургская, 14, 127.
Киселева, Ольга, казачка, Нижнеозерная, 17, 18.
Киселевъ, Георгій, ветер. фельдшеръ, Нижнеозерная, 45, 45, 46, 47, 51, 88, 96, 105, 107, 117, 216, 246.
Комлевъ, Василій, трубачъ, Кундравинская, 310, 311, 335.
Коптяпинъ, Иванъ, урядникъ, Кундравинская, 110, 111.

Лобановъ, М. Т., подъесаулъ, Буранная, 326.
Лосева, А. А., казачка, Устьуйская, 36, 52, 56, 58, 63, 84, 92, 97, 102, 108, 113, 113, 311, 316.
Льтниковъ, Ф. М., вольноопредѣляющійся, Донецкая, 302.

Масленниковъ, Федоръ, казакъ, Городищенская, 13, 309.
Матвѣевъ, Григорій, казакъ, Звѣриноголовская, 57, 91, 100, 101, 114, 343.
Матвѣевъ, Павелъ, казакъ, Звѣриноголовская, 29, 37.
Мякутина, Александра, казачка, Богуславская, 13.
Мякутина, А. Е., жена полковника, Богуславская, 13, 343.
Мякутина, Елена, гимназистка, Богуславская, 4, 8, 13.
Мякутина, М. Н., жена есаула, Богуславская, 4, 6.
Мякутина, Нина, гимназистка, Богуславская, 9.
Мякутина, П. Ив., вдова подполковника, Богуславская, 29, 99, 105, 115.
Мякутинъ, В. Н., хорунжій, Богуславская, 10, 19, 23, 23, 115.
Мякутинъ, Георгій, кадетъ (нынѣ сотникъ), Богуславская, 3, 309.
Мякутинъ, Ив. Ал., полковникъ, Богуславская, 27.
Мякутинъ, Николай, кадетъ (нынѣ хорунжій), Богуславская, 8, 8, 9, 9, 9, 10, 11, 12, 12, 256, 334.
Мякутинъ, Серпый, кадетъ (нынѣ сотникъ), Богуславская, 3, 5, 6, 10, 12, 110, 111.

Н. М. (псевдонимъ) 347.
Новокрещеновъ, урядникъ, Гирьяльская, 326.

Пашинъ, казакъ, Міасская, 57, 68, 73.
Перовъ, Савва, урядникъ, Оренбургская, 308.
Пичугинъ, Д. Е., сотникъ, 36, 52, 56, 57, 58, 63, 84, 86, 91, 92, 97, 100, 101, 102, 108, 113, 113, 311, 316, 335.
Подкорытовъ, С. И., приказный, Долгодеревенская, 52, 54, 313.
Полъсовъ, Дмитрій, казакъ, Нижнеозерная, 127.
Прытковъ, Василій, ветер. фельшеръ, Нижнеозерная, 248.

Семенова, Прасковья, казачка, Нижнеозерная, 323.
Ситниковъ, Степанъ, вахмистръ, Нижнеозерная, 137.
Сошникова, Дарья, казачка, Нижнеозерная, 24.
Стрижовъ, Василій, бомбардиръ, Нижнеозерная, 330.

Трунинъ, М. Т., хорунжій, Донецкая, 302.
Тутаевы, Р. и Ф., казаки, Нижнеувельская, 21, 337, 340.

Чумаковъ, П., урядникъ, Нижнеозерная, 336.

Шаминъ, Тимофей, урядникъ, Устьуйская, 28, 39, 52, 62, 65, 67, 72, 85, 91, 94, 109, 128.

Сокращенныя и полныя названія печатныхъ источниковъ.

1) *Соболевскій.* — Великорусскія народныя пѣсни. Изданы профессоромъ, А. И. Соболевскимъ. Спб. 1895—1900 г.

2) Мякушинъ. — Сборникъ уральскихъ казачьихъ пѣсенъ. Собралъ и издалъ Н. Г. Мякушинъ.

3) *Извѣстія Оренбургскаго Отдѣла* Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Г. Оренбургъ.

4) *Якушкинъ.* — Сочиненія П. И. Якушкина, изданныя въ 1884 года В. Михневичемъ. Спб.

5) *Оренбургск. губ. вѣдом.* — Оренбургскія губернскія вѣдомости, газета, издаются въ г. Оренбургѣ.

6) *Челябинскій уѣздъ. «Оренбургскій край» 1894 г. № 164.*—Статья: «Игрища, устраиваемыя въ казачьихъ поселкахъ Челябинскаго уѣзда», помѣщенная въ № 164 газеты «Оренбургскій край» за 1894 годъ.

7) *50 пѣсенъ русскаго народа.*—50 пѣсенъ русскаго народа для мужского хора. С.-Петербургъ, 1901 г. Изданіе Пѣсенной Комиссіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

8) *Новая линія, 1871 г., В. Плотниковъ.*—Записки Оренбургскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Выпускъ II, 1871 г., Г. Казань. «Очеркъ свадебныхъ обрядовъ у оренбургскихъ новолинейныхъ казаковъ» (отъ Наслѣдницкой станицы до г. Троицка) члена-сотрудника В. Плотникова.

9) *Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ.*—Статья А. Завьялова: «Свадебные обряды казаковъ Челябинскаго уѣзда», помѣщенная въ №№ 220, 223 и 226 газеты «Оренбургскій край» за 1894 годъ.

10) *Русская христоматія Галахова.* — Русская христоматія А. Галахова, изданіе 1901 года.

11) *Желѣзновы.* — Пѣсни уральскихъ казаковъ, собрали Александра и Владиміръ Желѣзновы. Спб., 1899 года.

12) К. Кузнецовъ. «Оренбургское казачье войско какъ община», 1909 г., г. Верхнеуральскъ. *(Сокращенія не дѣлалось).*

13) *Бигдай.*—«Пѣсни кубанскихъ казаковъ». Москва. Дозволено печатать въ 1898 году. Собралъ Бигдай.

14) *Оренбургскій край, 1894 г. («Казакъ плѣнникъ»).* — Статья: «Казакъ плѣнникъ» (быль), помѣщенная въ № 181 газеты «Оренбургскій край» за 1894 годъ. Статья эта впослѣдствіи издана отдѣльной брошюрой подъ названіемъ: «Казакъ-плѣнникъ, быль изъ прошлаго оренбургскихъ казаковъ», 1910 г., г. Оренбургъ. Авторъ—Ф. Н. Барановъ.

15) *Часть I.* —
16) *Часть II.* —
17) *Часть III.* —

«Пѣсни оренбургскихъ казаковъ»: ч. I, пѣсни историческія; ч. II, пѣсни былевыя; ч. III, пѣсни бытовыя. Собралъ А. И. Мякутинъ. Изданіе Оренбургскаго казачьяго войска.

Указатель произведеній, взятыхъ изъ печатныхъ трудовъ.

1. *К. Кузнецовъ.* «Оренбургское казачье войско какъ община». 1909 годъ, г. Верхнеуральскъ, стр. 305.

2. *Мякушинъ*, 138.

3 «Новая линія. 1871 г., *В. Плотниковъ*», 40, 40, 42, 43, 44, 44, 48, 49, 50, 69, 70, 71, 74, 76, 76, 78, 82, 95, 108.

4. «*Оренбургскій край*», 1894 г., «Казакъ плѣнникъ», 338.

5. «*Оренбургск. губ. вѣдом.*», 1896 г., № 43, стр. 19, 20.

6. *Соболевскій* т. VI, 305.

7. «Челябинскій уѣздъ, 1894 г., *А. Завьяловъ*», 41, 53, 54, 56, 63, 64, 66, 68, 70, 79, 80, 82, 83, 83, 89, 90, 92, 93, 95, 95, 98, 109, 131, 132, 135

8. Челябинскій уѣздъ. «*Оренбургскій край*» 1894 г., № 164, стр. 25, 26, 28, 30, 30, 31, 31.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

1. **Предисловіе** III
2. **Указатель лицъ, сообщившихъ пѣсни, стихотворенія и проч., и станицъ, къ которымъ они принадлежатъ** V
3. **Сокращенныя и полныя названія печатныхъ источниковъ** . VII
4. **Указатель произведеній, взятыхъ изъ печатныхъ трудовъ** . . VIII

ОТДѢЛЪ I.

Игры съ маленькими дѣтьми.

1. **Пѣстованіе.**

А. Тюшки-тетюшки 3
Б. Ахъ! тюхъ-тюшки 3

2. **Игра съ ручками ребенка.**

Кудерики, кудерики 4

3. **Игра въ ладошки.**

***А*1.** Ладошки, ладошки! 4
***А*2.** Ладошки, ладошки! 4

4. **Игра съ пальчиками ребенка.**

***А*1.** Сорока бѣлобока 5
***Б*2.** Сорока бѣлобока 5

5. **Искаціе въ головѣ.**

Нѣтъ ни вошки 6

6. **Игра въ „верблюда“.**

Чокъ-чокъ 6

ОТДѢЛЪ II.

Дѣтскія игры и пѣсенки.

1. **Катаніе.** стр.

*А*₁. Буби-кони. 8
*А*₂. Буби-кони на приколѣ 8
Б. Катилось яблоко мимо сада 8
В. Бубеньчики 9
Г. Ѣхалъ мужикъ по дорогѣ 9
Д. Шла кукушка мимо сѣти 9
Е. Разъ, два, три, четыре! 9
Ж. Между нами, дураками, есть одинъ дуракъ 10
З. Разъ, два, три, четыре, пять! 10

2. **Игра въ „гуси-лебеди“.**

Гуси-лебеди, домой 10

3. **Игра въ „монахи».**

Тукъ-тукъ! 11

4. **Игра въ „коршуны“.**

Коршунъ, коршунъ, колесомъ! 11

5. **Бѣганіе по дождю.**

А. Дождикъ, дождикъ, перестань 12
Б. Дождь дождемъ. 12
В. Дождикъ, дождикъ, пуще 13

6. **Привѣтъ веснѣ.**

Жавороночки, прилетите 13

7. **Дразнятъ стриженнаго.**

Стрижка, ярыжка 13

8. **Дразнятъ того, кто въ постъ ѣстъ скоромное.**

Скоромишка-кишка 14

ОТДѢЛЪ III.

Пѣсни хороводныя, игровыя и семиковыя.

1. **Хороводъ.**

А. Около Дону, около Дону 16
Б. Скачетъ, пляшетъ чижичекъ 17
В. Ты, плетень, заплетайся. 18
Г. Заплетися, плетень. 19
Д. Вейся ты, вейся, капустка 20

стр.

Е. Ужъ ты, вѣнчикъ ли, мой вѣночекъ 20
Ж. Какъ у нашихъ у воротъ 21
З. Чижикъ, пыжикъ, у воротъ 21
И. Не дождемъ березу обливаетъ 22
І. Какъ за рощей за зеленой 22

2. **Дѣвицы и женихи.**

*А*1. Выходили милы дѣвицы 23
*А*2. Выходили красны дѣвицы изъ воротъ 24

3. **Предупрежденіе старшей сестры.**

Какъ по лугу, лугу зеленому 24

4. **Размолвка.**

Какъ по мелкой порошѣ 25

5. **Селезенька.**

Поплыви-ка ты, поплыви 26

6. **Хожденіе „напомъ“.**

На прекрасномъ вечерѣ 26

7. **Приглашеніе кавалера для игры или танцевъ.**

А. Я по горницѣ хожу 26
*Б*1. Во саду ли, въ огородѣ 27
*Б*2. Во саду ли, въ огородѣ 28
В. Подушечка, подушечка пуховая 28

8. **Свиданіе.**

*А*1. Гдѣ мы съ миленькимъ не хаживали 29
*А*2. Гдѣ мы съ миленькимъ не хаживали 29

9. **Игра „хоронить золото“.**

Ужъ я золото хороню 30

10. **Игра „конями“.**

Кони, вы, кони 30

11. **Игра „Дрёма“.**

*А*1. Сидитъ Дрема 31
*А*2. Сидитъ Дрема 32

12. **Семикъ.**

А. Я по край полу ходила 32
Б. Кони, вы, кони 33

ОТДѢЛЪ IV.

Свадебныя пѣсни.

А. Сватовство. Сговоръ.

1. **Предложеніе.** стр.

Вблизи дома садъ цвѣтетъ 36

2. **Молодецъ задумалъ жениться.**

При долинѣ кустъ калиновый стоитъ 36

3. **Молодецъ и молодица.**

Передъ нашими воротами. 38

Б. Помолвка (просватаніе).

1. **Пѣсни при помолвкѣ.**

А. Ужъ вы, соколы, соколы перелетные 38
Б. Какъ у свѣта на дворѣ 39
В. Какъ по круту, круту бережочку 39

2. **Причитаніе невѣстой подругъ послѣ помолвки.**

Не прогнѣвайся ты, моя голубушка 40

3. **Причитаніе невѣстой близкихъ замужнихъ женщинъ послѣ помолвки.**

Ты поди-ка, добро пожаловать. 40

4. **Пѣсня дѣвушекъ за обѣдомъ во время просватанія.**

Какъ при первомъ было вечерѣ 41

В. «Рукобитье».

1. **Причитаніе невѣсты и пѣсня дѣвушекъ во время „рукобитья“.**

Не давай-ка, родимый тятенька 41

2. **Причитаніе невѣсты во время „рукобитья“.**

Не губите мою буйную головушку 42

3. **Причитаніе невѣсты и пѣсня дѣвушекъ во время угощенія послѣ „рукобитья“.**

Не принимай-ка, родимый тятенька 42

Г. «Запой» (или «пропой»).

1. Пѣсни отцу, матери и роднымъ невѣсты на „пропоѣ“.

стр.

*А*1. Тятенька, пей 42
*А*2. Батюшка, зелено вино пей 43
*А*3. Батюшка, пей 43
*А*4. Матушка, пей 44
*А*5. Братецъ, пей. 44

Д. Вечорки.

1. Приглашеніе жениха на вечорку.

*А*1. Ты не плачъ, не горюй. 44
*А*2. Какъ за Ураломъ село—на крутомъ бережкѣ 45

2. Женихъ въ первый разъ послѣ просватанія въ гостяхъ въ домѣ невѣсты.

А. Среди было царства Россійскаго. 46
Б. Какъ во нынѣшнемъ во славномъ во году 46

3. Невѣста причитаетъ свою мать послѣ первой вечорки.

Я спрошу тебя, родима маменька. 47

4. Невѣста будитъ подругъ послѣ первой вечорки.

Я спала, высыпалася 48

5. Невѣста причитаетъ любимую подругу, чешущую ей голову.

Потрудись-ка ты, моя голубушка 49

6. Пѣсня дѣвушекъ, когда онѣ ѣдутъ къ жениху за мясомъ на пельмени.

На горѣ то было, на горочкѣ 50

Е. Величальныя пѣсни.

1. Пѣсни жениху послѣ помолвки.

*А*1. Ой на горѣ на высокой на крутой. 51
*А*2. На горѣ, горѣ, на высокой крутой 52
*А*3. На горѣ, горѣ 53
*А*4. Изъ поля, полечка, убита дороженька 54
Б. Какъ у голубя голова болитъ. 54
В. Кто у насъ хорошій 55
Г. Ужъ ты, мать ли моя родимая 56
Д. Ты пчела-ли моя, пчелонька 56
Е. Ой ты, винная ягодка 57

2. **Пѣсни невѣстѣ по просватаніи.** стр.

А. Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго 57
Б. Изъ лугу, лугу, лугу зеленаго. 58
В. Что не ласточка, не косаточка 58

3. **Общія пѣсни свадебжанамъ.**

А. Ты не стой, мой теремъ со златой маковицей 59
Б. Виноградъ по горамъ растетъ. 59
В. Черна ягодка смородина 60
Г. У большого у боярина 60

4. **Величальныя пѣсни холостымъ свадебжанамъ.**

А. Ужъ ты, винная ягодка 60
Б. При полѣ калинушка стояла 61
В. Какъ у насъ было во зеленомъ саду 62
Г. Долина, долинушка, долина широкая 62

5. **Величальныя припѣвки женатымъ мужчинамъ.**

А. Въ огородѣ трава зеленымъ-зелена 63
*Б*1. Гуля, гуля, голубокъ 64
*Б*2. Гулю-гулю, голубокъ 64

6. **Величальная припѣвка замужнимъ женщинамъ.**

Какъ по сѣнямъ, по сѣничкамъ 65

7. **Пѣсня вдовѣ свадебжанкѣ.**

Подосенняя щука по озерамъ ходила 66

8. **Пѣсни свахѣ.**

А. Что ничто не вѣдано 67
Б. Ужъ ты, сваха ли, свахонька 67

9. **Пѣсня отцу и матери жениха.**

По меду, меду, по сыченому 68

10. **Шуточная припѣвка молодцу, плохо расплатившемуся съ дѣвушками.**

Нашъ (имя молодца) вопстый 68

Ж. Дѣвушки собираютъ угощеніе.

1. **Подруги выпрашиваютъ „невѣстѣ на пропитаніе“ въ канунъ дѣвичника.**

Не смѣть, не смѣть приступитися. 69

2. **Пѣсня сосѣдямъ („заря“ или „смерть“) при собираніи угощенія для бѣдной невѣсты.**

Ой смерть-то, смерть, приступилась 69

3. «Дѣвичникъ» (или «вечеринка»).

1. **Пѣсня крестному отцу жениха на дѣвичникѣ.** стр.

Не возбушуй, холоденъ вѣтеръ. 70

2. **Пѣсня отцу и матери жениха на дѣвичникѣ.**

По меду, меду сычатому 70

3. **Пѣсни невѣстѣ на дѣвичникѣ.**

*А*1. Какъ при первомъ было вечерѣ 71
*А*2. Какъ на первомъ-то вечерѣ 72
*А*3. При послѣднемъ было вечерѣ. 73
*А*4. При послѣднемъ было вечерѣ 73
Б. Черна ягодка смородинка 74

4. **Пѣсня гостямъ на вечерникѣ.**

Не было вѣтру, да навѣяло 74

5. **Пѣсня почетнымъ гостямъ на дѣвичникѣ.**

Какъ по сѣнямъ было, сѣничкамъ 75

6. **Пѣсня дружкѣ на дѣвичникѣ.**

Друженька, ты, друженька хорошенькій 76

7. **Пѣсня свахамъ на дѣвичникѣ.**

Сваха сватала, хвастала 76

8. **Свадебныя величальныя припѣвки жениху и невѣстѣ на вечерникѣ.**

А. Ужъ ты, винная ягодка 77
Б. При горѣ, горѣ 77
В. Какъ на горѣ было, горочкѣ 77
Г. Какъ во теремѣ гусли лежали 78

И. «Дары».

1. **Пѣсня во время обнесенія невѣстой „даровъ“ на вечерникѣ передъ вѣнчаніемъ.**

По городу, городу звоны пошли 79

2. **Пѣсня невѣстѣ при даренія гостей.**

Ой, ласточка 79

3. **Пѣсня послѣ одаренія невѣстой всѣхъ родственниковъ въ то время, когда ея родители начинаютъ угощать гостей.**

При послѣднемъ было вечерѣ 80

I. Расплетаніе косы.

1. Пѣсня при расплетаніи косы.

стр.

А. Рябина моя, рябинушка 81
Б. Государь ты, мой тятенька 82

2. Причитаніе невѣстой своего отца при расплетаніи косы.

Приступись-ка, родимый батюшка. 82

3. Причитаніе невѣстой своей матери при расплетаніи косы.

А. Носила ты меня, родимая маменька 83
Б. Ты, родимая моя маменька. 83

K. Баня.

1. Пѣсня невѣстѣ передъ тѣмъ, какъ вести ее въ баню.

*А*1. Кто у насъ хорошъ 84
*А*2. Кто у насъ хорошій 84

2. Пѣсня дѣвушекъ при „катаніи съ красотой".

Не на умѣ было, не на разумѣ 85

Л. Проводы приданаго («постели»).

1. Пѣсня на проводы приданаго, а также и невѣсты къ вѣнцу (жалобная).

Выйду ль я на гору. 86

M. Собираніе поѣзда.

1. Пѣсня дружкѣ во время собиранія поѣзда.

Ужъ ты, дружка ли, друженька 86

H. Сборы невѣсты подъ вѣнецъ.

1. Пѣсни подругъ, когда невѣсту наряжаютъ къ вѣнцу.

*А*1. Матушка Дарья—рѣка! 87
*А*2. Ужъ ты матушка Дарья—рѣка 88
Б. Ужъ какъ на морѣ, морѣ 88

2. Пѣсня дѣвушекъ въ ожиданіи поѣзжанъ передъ вѣнцомъ.

Во столовой новой горенкѣ 89

стр.

О. Дѣвушки приглашаютъ жениха ѣхать съ поѣздомъ къ невѣстѣ.

1. Приглашеніе жениха дѣвушками ѣхать съ поѣздомъ къ невѣстѣ.

Миръ въ домѣ. Живете здорово. Всѣ крещены 89

П. Поѣздъ ѣдетъ къ невѣстѣ.

1. Величальная пѣсня передъ отъѣздомъ поѣзда къ невѣстѣ.

Исполать тебѣ, добрый молодецъ 90

2. Пѣсня жениху, когда онъ собирается за невѣстой.

*А*1. Всѣ кони рядомъ, всѣ рядомъ таки рядомъ 90
*А*2. Кони бѣгутъ всѣ черноворонные 91

3. Пѣсня отцу жениха передъ выѣздомъ поѣзда.

Не лежи, боберъ, на крутыхъ берегахъ 92

4. Пѣсня поѣзжанамъ, когда они въѣдутъ во дворъ невѣсты.

Кругомъ лугомъ, вкругъ широкаго двора 92

5. Пѣсня при входѣ поѣзжанъ въ комнату.

Не знала, не вѣдала 92

6. Пѣсня шаферамъ, когда поѣздъ пріѣдетъ за невѣстой.

У большого у боярина 93

7. Пѣсня свахамъ, когда поѣздъ пріѣдетъ за невѣстой.

Ужъ ты, сваха ли, свахонька 93

Р. Продажа косы.

1. Пѣсни тысяцкому.

А. Ужъ ты, тысяцкій, догадайся 94
Б. Ой ты, тысяцкій догадайся 94
В. Въ огородѣ у насъ не лукъ ли 95

С. Угощеніе поѣзжанъ въ домѣ невѣсты передъ отъѣздомъ въ церковь.

1. Величальная пѣсня жениху во время угощенія передъ отъѣздомъ въ церковь.

Ужъ ты, батюшка (имя и отчество) 95

Т. Благословеніе.

1. **Приглашенія дружки благословить.** стр.

*А*1. Тысяцкій, тысяцкій, большой бояринъ 96
*А*2. Какъ голубь безъ голубки. 96

2. **Пѣсня жениху сиротѣ передъ благословеніемъ къ вѣнцу.**

*А*1. Какъ у дуба у зеленаго 97
*А*2. Какъ у дуба, дуба зеленаго 97

3. **Пѣсни невѣстѣ сиротѣ передъ благословеніемъ къ вѣнцу.**

*А*1 Ты, рѣка ли моя, рѣченька 98
*А*2. Ты рѣка ли, моя рѣченька. 99
*Б*1. Какъ у дубу, дубу сырого. 100
*Б*2. Вокругъ дубу, вокругъ сырого 100

У. Выѣздъ въ церковь.

1. **Пѣсни невѣстѣ передъ отъѣздомъ къ вѣнцу.**

А. Дорогая ты наша гостенька 101
Б. Ты, рѣка ли моя, рѣченька 102

2. **Прощаніе невѣсты.**

А. На полѣ лебедушка плакала 103
Б. Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго 103

3. **Отъѣздъ къ вѣнцу. Поютъ во дворѣ.**

А. Какъ по морю, морю синему 104
Б. Дорогая наша гостенька 105

4. **Пѣсни дружкѣ.**

А. Друженька молоденькій 105
Б. Какъ у друженьки кудерцы 106
В. Ужъ ты, дружка ли, друженька 106

5. **Приглашеніе дружки трогаться въ церковь.**

*А*1. Бояре, бояре, по мѣстамъ 107
*А*2. Господа поѣзжане, прошу по мѣстамъ 107

6. **Мать груститъ по дочери послѣ отъѣзда невѣсты къ вѣнцу.**

Унесло, улелѣяло. 107

Ф. Возвращеніе изъ церкви.

1. **Пѣсня поѣзжанъ.**

Въ огородѣ трава зелена-зеленымъ. 108

2. Пѣсня по пріѣздѣ молодыхъ отъ вѣнца.

стр.

*А*1. Соколы, соколы 108
*А*2. Ужъ вы, соколы, соколы 109

X. «Окручиваніе» новобрачной.

*А*1. Ужъ ты, сѣмечко, сѣмечко 110
*А*2. Сѣмечко, сѣмечко 110

Ц. «Бѣшеное утро».

1. Пѣсня послѣ вѣнца утромъ.

Не будите молоду 112

2. Возбуживаніе друга милаго.

Какъ по сѣнямъ было сѣничкамъ 112

3. Пѣсни „молодымъ“.

А. Гулю-голубочекъ 113
Б. У дубу-дубу 114

4. Припѣвка „молодой“.

У меня, молодой, конь заносистый 115

Ч. «Горной столъ». Подношеніе «сыровъ».

1. Дружка проситъ благословенія садиться за „столъ“.

Помолитесь Богу 115

2. Свадебный пиръ.

Средь было царства Каменной Москвы 115

3. Величальная пѣсня всѣмъ присутствующимъ на свадебномъ пирѣ во время поднесенія „сыровъ“.

*А*1. Александръ Ивановичъ 116
*А*2. Подходитъ новобрачный князь 117

4. Приговоръ дружки и полудружья при обносѣ гостей „сырами“.

Прошу покорно 117

Ш. Блины (или яичница) у тещи.

1. Пѣсня молодому на блинахъ у тещи.

Теща для зятя удобрилася 118

Щ. Хожденіе по гостямъ.

1. **Приглашеніе гостей.** стр.

А. Гости званы 119

Б. Сватушки, сватушки 120

2. **Пѣсня при встрѣчѣ гостей хозяевами.**

Ужъ вы, гости, мои гости 120

3. **Проголосная пѣсня. Поется въ гостяхъ.**

Посидите, мои гости, побесѣдуйте 121

Ѣ. Пированіе.

1. **Пѣсня во время общаго веселья.**

Закутило, замело. 122

2. **Свадебная плясовая пѣсня.**

Молодка моя молоденькая 123

ОТДѢЛЪ V.

Пѣсни плясовыя.

1. **Дѣвица и проѣзжій казачокъ.**

Какъ на горѣ—калина. 126

2. **Купчикъ на Макарьевской.**

Какъ по улицѣ купчикъ идетъ. 126

3. **Казачка.**

Посѣю лебеду на берегу 127

4. **Кучерявый Иванъ.**

Не лѣсъ трещитъ, не комаръ пищитъ 127

5. **Встрѣча казака.**

Ты, Настасья, ты, Настасья! 128

6. **Желаніе выпить по чарочкѣ.**

Застучи, моя дубинка 129

7. **Объясненіе въ любви.** стр.

Не ходи, козелъ кудрявый 129

8. **Бѣлъ козелъ промѣненъ на дорогой товаръ.**

А батюшка, бѣлъ козелъ! 130

9. **Танецъ „голубецъ“.**

Голубь, голубецъ, голубь сизенькій! 131

10. **Танецъ „въ круговую“.**

Какъ по вешней по тропинкѣ 131

11. **Танецъ „въ парочки“** (родъ кадрили).

I. Жигунъ, жигунъ, жигунецъ 132
II. Я по травкѣ шла 132
III. Ой ты, Настя, Настенька! 133
IV. У людей-то жены 133
V. Никогда тоски не бывало 134
VI. Запилъ Ванька, загулялъ 135

12. **Поляночка.**

*А*1. Во зеленомъ во саду 136
*А*2. Во зеленомъ во саду 137

13. **Казынька.**

Казынька-казачокъ 138

14. **Неурядливая жена.**

Чужи жены лапушки 138

15. **Комаръ.**

Полетѣлъ-то комаръ на село-то 139

16. **Казачья жена.**

Бѣлолица, круглолица 140

17. **Пастушокъ и дѣвица.**

Какъ подъ лѣсомъ, подъ лѣсочкомъ 141

18. **Молодёжь.**

Полно, Вась, полно, Вась 142

ОТДѢЛЪ VI.

Духовные стихи.

1. **Стихи о смертной памяти.**

стр.

О коль наше на семъ свѣтѣ 146

2. **Господь — упованье человѣка; земное—тлѣнъ.**

*А*1. Слава, слава въ вышнихъ Богу 147
*А*2. Слава, слава въ вышнихъ Богу 150

3. **Смерть и возмездіе за грѣхи.**

Я вчера съ другомъ сидѣлъ. 152

4. **Смерть на чужбинѣ.**

Что уныло занываешь 153

5. **Бесѣда Христа съ самарянкой.**

Еще въ грядущемъ много дѣлъ 154

6. **Распятіе Христа.**

На горѣ то было на Сіонскою 155

7. **Воскресеніе Христа.**

А. Спитъ Сіонъ и дремлетъ злоба 155
Б. Ужъ былъ лазурный небосклонъ. 157

8. **Сошествіе Духа Святого на апостоловъ.**

Господь вознесся... Въ жизни новой. 157

9. **Стихъ Вознесенію Господню.**

Наступилъ по воскресеніи 158

10. **Христіанка.**

Прошли минуты заблужденья 160

11. **Господь хранитель.**

Боже, зри мое смиренье 161

12. **Господь дастъ миръ душѣ страдальцевъ.**

Къ твоей Святынѣ я принесъ 161

13. **Пѣснь Богородицѣ.**

Пасли пастухи овецъ на горѣ 162

14. **Молитва Пресвятой Матери.**

стр.

Къ тебѣ, о Матерь Пресвятая 164

15. **Плачъ Іосифа Прекраснаго.**

Кому повѣмъ печаль мою 165

16. **Молитва преподобнаго отца нашего Іосифа, царевича Великія Индіи.**

Боже, Отче Всемогущій 172

17. **Райская птичка.**

Жилъ юный отшельникъ. Онъ въ кельѣ молясь 175

18. **Гора Аоонъ.**

Гора Аоонъ, гора святая 178

ОТДѢЛЪ VII.

Апокрифы.

1. **Сонъ Пресвятой Богородицы** 182
2. **Списокъ о страстяхъ Господа нашего Іисуса Христа, колико ранъ претерпѣ нашего ради спасенія** 192
3. **Пять пятницъ** 193

ОТДѢЛЪ VIII.

Заговоры.

1. **Заговоръ передъ явкой начальству** 196
2. **Заговоръ отъ неправедныхъ судей** 196
3. **Заговоръ отъ кражи** 197
4. **Заговоръ противъ лиходѣя** 197
5. **Заговоръ противъ ненависти** 198
6. **Заговоръ къ любви** 198
7. **Заговоръ отъ дряннои болѣзни сибирки** 199
8. **Заговоръ отъ лихорадки** 200
9. **Другой заговоръ отъ лихорадки** 200
10. **Заговоръ во спасеніе во всѣхъ отношеніяхъ.** 201
11. **Заговоръ о принятіи во всѣхъ отношеніяхъ.** 201
12. **Помощь при укусѣ бѣшеной собаки** 202
13. **Помощь при родахъ** 202

ОТДѢЛЪ IX.

Очерки нѣкоторыхъ обрядовъ и обычаевъ.

стр.

1. **Женитьба въ станицѣ Нижнеозерной** 204
2. **Описаніе свадьбы въ станицѣ Магнитной** 216
3. **Подробности свадебнаго обихода и свадебныхъ обычаевъ въ станицѣ Кундравинской** 236
4. **„Кстины“ (крестины)** 244
5. **Обрядъ у женщинъ надъ младенцемъ при леченіи „собачьей старости“** 245
6. **Суевѣріе въ домового** 246
7. **Посидѣнки. Вечорки. „Кузьминки“** 248
8. **Игры и забавы казачатъ** [1]) 253

ОТДѢЛЪ X.

Царъ Максиміанъ.

. **Царь Максиміанъ** (или **„Тронъ царя Максиміана**). 258

ОТДѢЛЪ XI.

Добавленія.

А. Пѣсни историческія.

1. **Заселеніе казаками Новолинецкой линіи въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія.**

Я вчоръ своего милаго. 304

2. **Генералушки неудачнымъ приказомъ отняли у казаченекъ волю.**

Намъ недорого, хозяинъ, пиво хмельное твое 305

3. **Пѣсня казаковъ, слѣдовавшихъ въ Хиву въ 1839 году.**

Заскучалъ Перовскій дома 306

[1]) Въ этой статьѣ имѣется опечатка: на стр. 253 въ 19 строкѣ сверху вмѣсто словъ: «разумѣется сака и плоцка», надо читать «разумѣется ника и плоцка».

Самар. Губ. Солеты.

Б. Былина. стр.

1. **Старому казаку захотѣлось показаковать.**
Ты старинушка, старинушка. 307

В. Пѣсни разбойничьи.

1. **Есаулъ разбуживаетъ казаковъ разбойниковъ.**
На зарѣ было да разъ на зоренькѣ 308

2. **Молодая вдова выдана замужъ за море.**
На горѣ хуторочекъ стоитъ 309

3. **Побѣгъ изъ тюрьмы.**
Какъ задумалъ воръ разбойникъ 309

Г. Пѣсни былевыя безымянныя.

1. **Убили молодого казака.**
Гей въ Таганрогѣ, гей въ Таганрогѣ 310

2. **Передвиженіе на Дальній Востокъ.**
Покачнулись горы, долы 311

3. **Генералушку сшибло парусомъ въ море.**
Какъ со вечера погодушка дула, сподувала 312

Д. Пѣсни семейныя.

1. **Мать и сынъ.**
Мамонька Коленькѣ говаривала 313

2. **Худа доленька молодца.**
Гулялъ Ванюшка дружокъ недѣльку. 313

3. **Дрянь худа жена.**
Ужъ ты, молодость, моя молодость 314

4. **Не по совѣсти жена.**
Эй-да какъ у Ванюшки заболѣла голова 315

5. **Старый мужъ.**
Вышла дѣвка на три горя горевать 315

Е. Пѣсни любовныя (лирическія).

1. **Рыцарская любовь.** стр.

Полюбилъ я душу-дѣвицу 316

2. **У молодца кручина на сердцѣ.**

Ты, кручина ли, моя кручинушка великая 316

3. **Молодцу нѣтъ отрадушки.**

Ты воспой-ка, воспой 317

4. **У милой переболѣло сердце по любезномъ дружкѣ.**

Эй-да ты не пой-ка, не пой 318

5. **Дѣвица груститъ по миломъ дружкѣ.**

А. Въ сегодняшній день скуки 319
Б. Раззалетная вольная пташечка 320

6. **Любушка не послушала наказа своего милаго друга.**

Говорилъ-то мой милъ да другъ наказывалъ 321

7. **Разнесчастная дѣвченка уродилась безъ дружка.**

Проходи-ка ты, мое скучное времечко 322

Ж. Пѣсня колыбельная.

1. **Спи, внучекъ, пока заботъ не знаешь.**

Баю, баю, баю 323

З. Пѣсни бытовыя вообще.

1. **У вдовушки растетъ хорошая дочь.**

Какъ за рѣченькой слободушка стоитъ 324

2. **У молодца изныло сердечко при разыскиваніи скрывшейся милой.**

*А*1. Ты, соловушекъ лѣсной 324
*А*2. Соловушекъ маленькій, голосочекъ тоненькій 325

3. **Дружокъ вернулся къ грустившей по немъ милой.**

Ужъ ты, ноченька моя, ночка 326

4. **Расхорошенькій мальчишка покинулъ милую на чужой сторонѣ.**

Расхорошенькій шельма мальчишка 327

5. **Молодецъ проспалъ свою голубушку.** стр.

Вечоръ у меня голубка была 327

6. **Мальчикъ разставаться сталъ съ дѣвицей, спознавъ чужу сторону.**

Хорошъ мальчикъ уродился. 328

7. **Молодецъ любуется глядя на милую.**

Хожу я улицей 329

8. **У красавицы была побраночка съ миленькимъ.**

Чернобровый, черноглазый, душа мой 330

9. **Дѣвченочка сушитъ, крушитъ молодца.**

Сухота ли, сухота 331

10. **У размолоденькой дѣвченки умъ-разумъ несетъ туда, куда подуетъ вѣтеръ.**

Размолоденька шельма дѣвченка 332

11. **Дѣвица померла отъ любви.**

Сонъ мой милый, сонъ счастливый 333

12. **Машенька навадилась гулять.**

Ужъ ты, Машенька, несчастная 333

13. **Смерть полюбовника.**

Ждала, ждала дѣвченочка 334

И. Пѣсни при проводахъ казака на службу.

1. **Проводы мужа на службу.**

Ужъ ты, Ваня, разудала голова 335

2. **Казакъ соѣзжаетъ съ квартирушки.**

Ты, долина ли, моя долинушка, раздолье широкое 336

3. **Отправленіе на службу.**

Какъ на горкѣ, на горочкѣ 336

I. Пѣсни строевыя.

1. **Житье-бытье казачье на войнѣ.**

Сядемъ, братцы, въ круговую 337

2. **Служба канонира.**

стр.

Мнѣ сказали въ кананерахъ хорошо. 337

3. **Казаки у жида въ шабашъ.**

Изъ-за лѣсу, изъ-за горъ. 338

4. **Казаки въ харчевнѣ.**

Какъ во Брестѣ, Брестѣ 339

5. **Батарейные казаки и цѣловальникъ.**

Какъ по рѣчкѣ, по песку. 340

6. **Кутёжъ.**

Ванюша, Ванюша. 342

К. Дѣтскія игры и пѣсни.

1. **Въ церкви оборвали колокола.**

У Петра, у Николы. 343

Л. Стихотворенія, относящіяся до Оренбургскаго казачьяго войска.

1. **Надпись казачьяго офицера на фотографической карточкѣ для друга.** *А. Андреевъ.*

Сигналъ «сберитесь» твердо знали 344

2. **Письмо молодого казачьяго офицера другу.** *А. Андреевъ.*

Меня ты часто въ нашихъ спорахъ 345

3. **NN.** *А. Андреевъ.*

Слава тебѣ, пыль вѣковъ отъ хартій отрясающій 346

4. **Городокъ.** *Н. М.*

Наша площадь войсковая. 346

5. **Яикъ.** *Ал. М.*

Одинъ живой свидѣтель славный. 347

6. **Оренбургская казачья пѣсня.** *Ал. М.*

Вдалекѣ, вдалекѣ. 350

ОТДѢЛЪ I.

ИГРЫ СЪ МАЛЕНЬКИМИ ДѢТЬМИ.

Пѣстованіе. *А.*

Тюшки-тетюшки,
Овсяны лепешки!
Пшеничный пирожокъ
На опарушкѣ мѣшонъ,
Высокохонько взошелъ!

Ст. Богуславская, 1900 г., кадетъ Сергѣй Мякутинъ.

Б.

Ахъ! тюхъ-тюшки!
На горѣ стручки,
Все лопаточки;
Еще были ба(ы)
Да у Машеньки
Двѣ подруженьки;
Еще звали ба(ы)
Онѣ Машеньку
Да на улочку.

Ст. Богуславская, 1900 г., кадетъ Егоръ Мякутинъ.

Игра съ ручками ребенка.

Кудерики, кудерики!
Сова летитъ, сова летитъ!
Лунь плыветъ, лунь плыветъ!

Ст. Богуславская, 1908 г., гимназистка Елена Мякутина.

Игра въ ладошки. A_1.

Ладошки, ладошки!
Гдѣ были?—У бабушки.—
Что ѣли?—Кашку.—
Что пили?—Бражку.—
Чѣмъ еще бабушка потчевала?—
Вѣничкомъ-голичкомъ:
Не ходи-ка босичкомъ;
Носи черевички,
Пока невеличка.

Ст. Оренбургская (Бердскій поселокъ), 1906 г., казачка Анастасія Ивановна Бѣлякова.

A_2.

Ладошки, ладошки!
Гдѣ были?—У бабушки.—
Что ѣли?—Кашку.—
Что пили?—Бражку.—
Кашка сладенька,
Бабушка добренька.
Попили, поѣли,
Домой полетѣли,
На головку сѣли,
Ладошки запѣли.

Ст. Богуславская, 1908 г., жена есаула Марія Николаевна Мякутина.

Игра съ пальчиками ребенка.

A_1.

Сорока бѣлобока
На порогъ скакала,
Дѣтей скликала,
Кашу варила,
Дѣтокъ кормила:
Этому ложечку,
Этому тарелочку,
Этому чашечку,
Этому вилочку,
А этому не достало...
Шу! полетѣли,
На головушку сѣли.

Ст. Богуславская, 1900 г., кадетъ Сергѣй Мякутинъ.

A_2.

Сорока бѣлобока
Кашу варила,
На порогъ скакала,
Гостей скликала.
Гости не пріѣхали,
Каша сожглась.
Она дѣтокъ начала кормить:
Этому на ложечку,
Этому на тарелочку,
Этому на чашечку,
Этому на вилочку;
Этому нѣтъ ничего:
Онъ баньку не топилъ,
Наденьку не мылъ
И кашку не варилъ.
Шу! полетѣли,
На головку сѣли.

Ст. Оренбургская, 1907 г., казачка Анастасія Ивановна Бѣлякова.

Исканіе въ головѣ.

Нѣтъ ни вошки,
Нѣтъ ни блошки;
Есть одинъ червячокъ,
Да и тотъ золотой.
Убить или на волю пустить?

Ст. Богуславская, 1900 г., кадетъ Сергѣй Мякутинъ.

Игра въ «верблюда».

Чокъ—чокъ
На бочокъ,
Я поѣхалъ
На толчокъ.

Ст. Богуславская, 1909 г., жена есаула М. Н. Мякутина.

ОТДѢЛЪ II.

ДѢТСКІЯ ИГРЫ И ПѢСЕНКИ.

Кананіе (счетъ). A_1.

Буби-кони
На приколѣ.
Чѣмъ конь погонялъ?
Русь... князь...
Убирайся прямо въ грязь.

Ст. Богуславская, 1906 г., гимназистка Елена Мякутина.

A_2.

Буби-кони на приколѣ,
Чѣмъ конь погонялъ?
Злато, пико, поберпко,
Русь, князь...
Убирайся носомъ въ грязь.

Ст. Богуславская, 1905 г., кадетъ Николай Мякутинъ.

Б.

Катилось яблоко мимо сада;
Кто его подыметъ,
Тотъ и выйдетъ.

Ст. Богуславская, 1904 г., кадетъ Николай Мякутинъ.

В. Бубеньчики,
Рубеньчики,
Летѣли
Голубеньчики
На Божью росу,
На попову полосу.
Тамъ чашки, орѣшки,
Медокъ, сахарокъ,
Пойди-выйди,
Королекъ.

Ст. Богуславская, 1905 г., кадетъ Николай Мякутинъ.

Г. Ѣхалъ мужикъ по дорогѣ,
Сломалъ колесо на порогѣ.
Сколько гвоздей нужно для починки колеса[1])?

Ст. Богуславская, 1904 г., кадетъ Николай Мякутинъ.

Д. Шла кукушка мимо сѣти,
За ней вышли малы дѣти.
Кукъ!

Ст. Богуславская, 1904 г., кадетъ Николай Мякутинъ.

Е. Разъ, два, три, четыре!
Наши ротны командиры
Разставляли на квартиры.

Ст. Богуславская, 1908 г., гимназистка Нина Мякутина.

[1]) Играющій, на котораго пришлось это послѣднее слово, долженъ сказать число гвоздей. Напримѣръ: 20, 5, 10 и т. д., послѣ чего между играющими дѣлается пересчётъ.

Ж. Между нами, дураками, есть одинъ дуракъ.
Разъ, два, три, это, вѣрно, ты;
Четыре, пять, это, вѣрно, ты опять;
Шесть, семь, это, вѣрно, ты совсѣмъ;
Восемь, девять, десять, вышелъ свѣтлый мѣсяцъ.

Ст. Богуславская, 1905 г., кадетъ Николай Мякутинъ.

З. Разъ, два, три, четыре, пять.
Вышелъ зайчикъ погулять.
Вдругъ охотникъ выбѣгаетъ,
Прямо въ зайчика стрѣляетъ.
Пифъ-пафъ! ой-ой-ой!
Умираетъ зайчикъ мой.

Ст. Богуславская, 1907 г., хорунжій В. Н. Мякутинъ.

Игра въ «гуси-лебеди».

«Гуси—лебеди, домой»!—
«Боимся». —
«Кого»?—
«Волка». —
«Гдѣ онъ»?—
«Подъ горой». —
«Что дѣлаетъ»?—
«Гусины лапки щиплетъ». —
(Всѣ): «Какъ можно скорѣй домой»!—

Ст. Богуславская, 1900 г., кадетъ Сергѣй Мякутинъ.

Игра въ «монахи».

Тукъ-тукъ! —
Кто тутъ? —
Я монахъ
Въ черныхъ штанахъ! —
Зачѣмъ пришелъ? —
За краской. —
За какой? —
За бѣлой. —
По бѣлой дорожкѣ
На одной ножкѣ.

Ст. Богуславская, 1904 г., кадетъ Николай Мякутинъ.

Игра въ «коршуны».

Игра заключается въ слѣдующемъ. Одинъ изъ дѣтей садится на землю и начинаетъ копать ямку, а остальныя дѣти, взявши другъ друга, за руки, начинаютъ ходить кругомъ сидящаго и поютъ:

«Коршунъ, коршунъ, колесомъ!
Твои дѣти за лѣсомъ.
Они ѣсть хотятъ,
Они пить хотятъ.
Я ихъ накормила,
Я ихъ напоила,
Горшочкомъ накрыла,
Спать уложила;
На камешекъ сѣла,
Три лягушки съѣла».

Послѣ этого дѣти останавливаются, и первый изъ нихъ, въ затылокъ которому стоятъ всѣ остальныя, спрашиваетъ сидящаго:

«Дѣдушка, дѣдушка,
Что ты дѣлаешь?»
— «Ямочку копаю».

«Зачѣмъ тебѣ ямочка»?
— «Копеечку ищу».
«Зачѣмъ тебѣ копеечка»?
— «Иголочку куплю».
«Зачѣмъ тебѣ иголочка»?
— «Мѣшочекъ сошью».
«Зачѣмъ тебѣ мѣшочекъ»?
— «Галечки класть».
«Зачѣмъ тебѣ галечки»?
— «Въ твоихъ дѣтей бросать»!

Съ послѣдними словами сидящій вскакиваетъ и начинаетъ ловить кого-нибудь изъ дѣтей, передній же мальчикъ (или дѣвочка) защищаетъ остальныхъ. Пойманный садится на землю, и игра возобновляется.

Ст. Богуславская, 1900 г., кадетъ Сергѣй и Николай Мякутины.

Бѣганіе по дождю.

А.

Дождикъ, дождикъ, перестань:
Мы поѣдемъ въ Арестань
Богу молиться,
Христу поклониться.
Я у Бога сирота,
Отворяла ворота
Ключикомъ, замочкомъ,
Христовымъ платочкомъ [1]).

Ст. Богуславская, 1904 г., кадетъ Николай Мякутинъ.

Б.

Дождь, дождемъ
Поливай ковшомъ!

---

[1]) Ср. Извѣстія Оренбургскаго Отдѣла, вып. 13, стр. 39.

Иди, иди, дождикъ,
Сварю тебѣ борщикъ!
Съ петрушкой, съ капусткой
И съ желтой морковкой.

Ст. Городищенская, 1900 г., казакъ Ѳеодоръ Масленниковъ.

В.

Дождикъ, дождикъ, пуще:
Дадимъ тебѣ гущи!

Ст. Богуславская, 1905 г., гимназистка Елена Мякутина.

Привѣтъ веснѣ (9-го марта).

Жавороночки, прилетите,
Красно лѣто принесите,
А студеную зимушку унесите:
Намъ зима надоѣла,
Все сѣно поѣла [1])!

Ст. Богуславская, 1905 г., жена полковника Анна Егоровна Мякутина.

Дразнятъ стриженнаго.

Стрижка, ярыжка,
Поповскій гнѣдышка.

Ст. Богуславская, 1910 г., казачка Александра Мякутина.

[1]) Эта пѣсня поется стоя на «повети» (на сѣновалѣ безъ крыши).

Дразнятъ того, кто въ постъ ѣстъ скоромное.

Скоромишка—кишка,
Хуже рыбнаго мѣшка!

Ст. Оренбургская, 1910 г., казакъ В. Г. Качалинъ.

ОТДѢЛЪ III.

ПѢСНИ ХОРОВОДНЫЯ, ИГРОВЫЯ И СЕМИКОВЫЯ.

Хороводъ. *А.* Выходитъ на середину парень и начинаетъ ходить взадъ и впередъ, а дѣвки поютъ:

«Около Дону, около Дону,
Около тихаго Дуная
Молодой казакъ гулялъ,
Пару коней выбиралъ.
Выбирай, казаченька,
Душу милу дѣвицу,
Кто взлюбится приголубится,
Кая лучше всѣхъ, по-милѣе всѣхъ»!

Парень въ это время беретъ, по своему желанію, за руку одну изъ дѣвицъ и ходитъ съ ней, а дѣвки продолжаютъ:

«Около Дону, около Дону,
Около тихаго Дуная
Молодой казакъ гулялъ,
Пару коней выбиралъ.
Выбирай, душа дѣвица,
Кто взлюбится, приголубится,
Кай лучше всѣхъ, по-милѣе всѣхъ».

Дѣвица въ это время беретъ, по своему желанію, за руку одного изъ парней, и всѣ продолжаютъ ходить.

Начинается снова пѣніе для выбора парнемъ дѣвицы, а потомъ для выбора дѣвицей парня, и

такъ поступаютъ до тѣхъ поръ, пока всѣ парни и дѣвицы ни примутъ участіе въ хороводѣ, послѣ чего начинаютъ виться плетнемъ. Въ это время поютъ:

«Вейся ты, вейся, капустка!
Вейся ты, вейся, виловая»!
—«Какъ мнѣ, капусткѣ, не виться?
Какъ мнѣ, виловой, не ломаться?
Вечоръ на капустку
Выпалъ частый дождикъ,
Частенекъ, меленекъ,
Съ росой, холодненекъ,
Ливнемъ поливаетъ,
Капустку ломаетъ».

КНИГИ ИЗ СОБРАНІЯ П. К. СИМОНИ.

Когда завьются, то начинаютъ обратно развиваться; при этомъ поютъ:

«Развейся, вилой коченокъ!
Женися, молодой женишокъ!
Люди женятся, не каются,
Съ молодой женой катаются».

Кончается тѣмъ, что каждый парень цѣлуетъ дѣвицу своей пары.

Ст. Нижнеозерная, 1905 г., казачка Ольга Киселева.

Б. Выходитъ на середину парень и начинаетъ ходить взадъ и впередъ, а дѣвки поютъ:

«Скачетъ, пляшетъ чижичекъ,
Маленькій воробушекъ;
Въ хороводѣ людей мало:

Веселиться не съ кѣмъ стало.
Ванюшка, къ намъ,
Андреевичъ, пожалуй,
Не одинъ—съ товарищемъ,
Кого тебѣ желательно».

Парень выбираетъ дѣвушку, береть ее за руку и ходитъ; дѣвки поютъ:

«Скачетъ, пляшетъ чижичекъ,
Маленькій воробушекъ;
Въ хороводѣ людей мало:
Веселиться не съ кѣмъ стало.
Санечка, къ намъ,
Къ намъ, Ивановна, пожалуй,
Не одна—съ подруженькой,
Кого тебѣ желательно».

Дѣвица беретъ парня за руку, и всѣ продолжаютъ ходить, и т. д. Когда всѣ участвующіе войдутъ въ хороводъ или ихъ наберется достаточное, по размѣрамъ комнаты, количество, то начинаютъ завиваться плетнемъ, а потомъ развиваются подъ пѣніе вышеприведенныхъ пѣсней: «Вейся ты, вейся, капустка»! и «Развивайся, вилой коченокъ»! Хороводъ кончается поцѣлуемъ: каждый парень цѣлуетъ дѣвушку своей пары.

Ст. Нижнеозерная, 1905 г., казачка Ольга Киселева.

В. Когда заплетаются, поютъ:

«Ты, плетень, заплетайся!
Золотой кругъ, завивайся!
Тега, гуси! тега, гуси!
Тега, сѣрые, домой»!

Когда расплетаются, поютъ:

«Гуси не пошли домой:
Я сама гуськомъ, сама сѣренькимъ.
Тега, гуси! тега, гуси!
Тега, сѣрые, мои» [1])!

Ст. Богуславская, 1908 г., хорунжій В. Н. Мякутинъ.

Г.

Заплетися, плетень!
Золотая труба, завернися!
Изъ-за горъ дѣвица выходила,
Изъ-за лѣса гусей выгоняла:
«Тега, гуси, тега, гуси,
Тега, сѣрые, домой!
Я сама гуськомъ,
Сама сѣренькимъ,
Сама сѣренькимъ,
Сама бѣленькимъ,
Старымъ старичкомъ—
Водовозничкомъ»...
Расплетися ты, мой плетешокъ!
Не женися, молодой женишокъ!
Если женишься—спокаешься,
Со мной, дѣвицей, разстанешься.
—Люди женятся—не каются,
На вѣкъ съ женами свыкаются.

(«Оренбургск. губ. вѣдом.» 1896 г. № 43).

[1]) Ср. Якушкина стр. 367.

Д. Вейся ты, вейся, капустка,
Вейся, не ломайся, вилковая!
—Какъ же мнѣ, капусткѣ, виться,
Какъ же мнѣ, вилковой, не ломаться:
На меня, на капустку,
На меня, вилковую,
Вечоръ выпалъ дождикъ
Частенекъ, крупенекъ,
Съ росой, холоднёнекъ...
Развивайся, тугой кочашокъ:
Не женися, молодой женишокъ!
Если женишься—покаешься,
Со мной, дѣвицей, разстанешься.
—Люди женятся—не каются,
На вѣкъ съ женами свыкаются,
Въ новыхъ саночкахъ катаются.

(«Оренбургск. губ. вѣдом.» 1896 г. № 43).

Е. «Ужъ ты, вѣнчикъ ли, мой вѣночекъ,
Въ саду розовый цвѣточекъ!
Мнѣ куда тебя, вѣночекъ, положити?
Положу тебя, вѣночекъ, на головку
Я къ Панкратичу ко милому,
Ко любезному, дорогому».
Примѣчаніе: входятъ въ кругъ и пляшутъ.
«Еще ты мой кумъ, еще я твоя кума.
Гдѣ мы сойдемся,—поклонимся, поздороваемся;
Разойдемся,—распростимся, поцѣлуемся».

Записана Н. К. Бухаринымъ въ Нижнеозерной станицѣ въ 1890 году.

Ж. Какъ у нашихъ у воротъ
Стоитъ озеро воды.
Припѣвъ: Вотъ люли, вотъ люли,
Стоитъ озеро воды.
Молодецъ коня поилъ,
Къ воротамъ приводилъ.
Припѣвъ.
Красна дѣвица-душа,
Сбереги мово коня.
Припѣвъ.
Не оборвалъ бы повода,
Повода шелковые.
Припѣвъ.
Повода шелковые.
Удила серебряныя.
Припѣвъ.
У насъ по двору,
Двору батюшкину.
Припѣвъ.
Красна дѣвица идетъ,
Ровно павушка плыветъ.
Припѣвъ.

Ст. Нижнеудѣльская, 1902 г., казаки братья Р. и Ф. Тутаевы.

З. Чижикъ, пыжикъ, у воротъ,
Воробушекъ маленькій.
Припѣвъ: Ой, братцы, мало насъ,
Ой, братцы, малехонько.
Иванъ, сударь, пойди къ намъ,
Егоровичъ, приступись.
Припѣвъ.

Ты, Анюта, пойди къ намъ,
Дмитріевна, приступись.
Припѣвъ.
Иванъ, сударь, пойди прочь,
Егоровичъ, отступись.
Припѣвъ.
Ты, Анюта, пойди прочь,
Дмитріевна, отступись.
Припѣвъ.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

И. Не дождемъ березу обливаетъ,
На улицѣ (или хороводѣ) дѣвокъ прибываетъ.
Играйте вы, дѣвушки, играйте,
А вы, холостые, не глядите:
Гляденіемъ вамъ дѣвушекъ не взять.
Взять ли вамъ, не взяти по любви,
По батюшкину по хлѣбу-соли,
По матушкину приговору,
По сестрицыному рукодѣлью.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

I. Какъ за рощей за зеленой,
За бѣлымъ цвѣткомъ—за черемушкой,
Не въ гусли гудятъ ли въ звончатыя—
Меня батюшка со игры кличетъ,
Меня свѣтъ родной—со игры домой:
«Поди, дитятко, подь, хорошая;

Тебѣ шубу шьютъ гарнитуровую,
Обложить хотятъ чернымъ соболемъ».
Я нейду, нейду и не слушаю.

Ст. Оренбургская, 1904 г., казачка Лидія Барбусова; записалъ хорунжій В. Н. Мякутинъ.

Дѣвицы и женихи.

А 1.

Выходили милы дѣвицы
Въ хороводъ играть на улицу;
Выносили милы дѣвицы
Соловья позадь рукава,
Молодого позадь бѣльчатаго.
Еще сталъ ли соловей щекотать,
Щекотать, выговаривати:
«Вы поиграйте, милы дѣвицы,
Вы пока живете у батюшки,
У родимой своей матушки:
Неровна ли сваха пришлется,
Неровенъ ли шутъ навяжется:
Или молодъ—горькій пьяница,
Или ровнюшка—ревнивый мужъ,
Или старый шутъ удушливый».
—«Ужъ я стараго потѣшила:
Во сыромъ бору повѣсила
Я на горькую осинушку,
Да на самую вершинушку;
Ты виси, виси-ка, старый шутъ,
Ты виси, виси, удушливый:
Ноньче старые не женятся,
Молодые не охотятся» [1]).

Ст. Оренбургская, 1903 г., казачка Лидія Филипповна Барбусова, записалъ хорунжій В. Н. Мякутинъ.

[1]) Лѣтомъ по вечерамъ дѣвушки ходятъ по улицѣ другъ за дружкой и поютъ эту пѣсню.

A_2. Выходили красны дѣвицы изъ воротъ,
Выносили сокола позадь рукава.
Покрасуйтесь, красны дѣвушки,
Вы пока у батюшки и маменьки,
А то неровёнъ шутъ навяжется:
Либо старый шутъ ревнивый,
Либо горькій пьяница,
Или малый неровнюшка.
Если ровнюшка, я бы съ нимъ гулять пошла;
Какъ со старымъ-то сердце крушится,
За малымъ-то сухота моя,
А за ровней-то красота моя [1]).

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., казачка Дарья Сошникова.

Предупрежденіе старшей сестры.

Какъ по лугу, лугу зеленому,
Туто шли—прошли двѣ сестры молоды,
Двѣ сестры молоды, двѣ голубушки.
Какъ старшая-то меньшой все наказывала:
«Не сиди-ка, сестрица, одна въ терему:
Неровно къ тебѣ, сестрица, залетитъ
Соколикъ, залетитъ—молодецъ забѣжитъ,
Будетъ спрашивать, изъ ума выводить,
Изъ ума выводить, во зеленый садъ манить».
—«Стыдъ головушкѣ моей!
Мнѣ нельзя притти домой,
Сказать маменькѣ родной:
Отцу, матери—безчестье,
Роду-племени—позоръ.
Скажу такъ, скажу сякъ:
Я во садикѣ была,

[1]) Ср. Извѣстія Оренбургскаго Отдѣла, вып. 14, стр. 127 и 137.

Сладки яблоки брала,
На бѣло блюдо клала,
На серебряный подносъ» [1]).

Челябинскій уѣздъ. «Оренбургскій край» 1894 г., № 164.

Размолка.

Какъ по мелкой порошѣ
Шелъ Ваня хорошій,
Шелъ Иванушка хорошій
Чужимъ огородомъ,
Чужою межою;
Онъ чужою межою,
Крайнею грядою;
Нажимаетъ, набираетъ
Комъ бѣлаго снѣгу
И кидаетъ и бросаетъ
Во заднюю стѣну,
Къ милой на колѣни,
Чтобы вышла, выходила
Его любезная.
Она вышла, выходила,
Назадъ воротилась,
Съ Ваней не простилась.
Пошелъ Ванюшка невеселъ,
Голову повѣсилъ;
Онъ головушку повѣсилъ,
Шляпой прикрылся,
Слезами улился.
Онъ слезами уливался,
Словомъ похвалялся:
«Я таковъ тебѣ не буду,
Это не забуду»!

---

[1]) Ср. Извѣстія Оренбургскаго Отдѣла, вып. 14, стр. 148.

— «Воротися, другъ Ванюша,
Воротися, сердце!
Какъ у батюшки гости,
У маменьки гости,
А у братца кавалеры
На коней садятся,
Мои кумушки-подружки,
Онѣ веселятся:
Подружка со подружкой, —
Ты прощай, Ванюшка»!

Челябинскій уѣздъ. «Оренбургскій край» 1894 г., № 164.

Селезенька.

Поплыви-ка ты, поплыви,
Селезенька сизъ, косатый, —
Сизъ, косатый, кудреватый,
Вверхъ по Дунаю;
Встань подъ грушей,
Самъ послушай,
Какъ тамъ пляшутъ
Молоды молодки.
Онѣ этакъ и вотъ этакъ,
Бѣлы ручки опустивши.

Примѣчаніе. Пѣсня повторяется снова, но вмѣсто послѣдней строчки уже поютъ: «Бѣлы ручки подбодривши».

Записана войсковымъ старшиною Н. К. Бухаринымъ въ ст. Нижнеозерной въ 1888 году.

Хожденіе „паномъ".

На прекрасномъ вечерѣ
Молодецъ гуляетъ,

Хорошеньку дѣвченочку
Себѣ выбираетъ.
Вблизъ подходитъ ко дѣвченочкѣ,
Онъ беретъ за ручку.
«Услужи, мой милый, услугу:
Разгуляемъ скуку».
— «Рада бы, молодецъ, стараться:
Семь разъ цѣловаться» [1]).

Ст. Сакмарская, 1902 г., казакъ Савелій Выровщиковъ.

Приглашеніе кавалера для игры или танцевъ.

А.

Я по горницѣ хожу,
Милаго не вижу;
Хотя милаго не вижу,
Голосочекъ слышу.
Какъ увижу я милого
Рядышкомъ сяду,
Рядышкомъ сяду,
Много напряду.

Ст. Оренбургская, 1902 г., казачка Анастасія Ивановна Бѣлякова.
Ст. Богуславская, 1903 г., полковникъ Ив. Ад. Мякутинъ.

Б$_1$.

Во саду ли, въ огородѣ
Дѣвица гуляла,
Своей правою рукою
Молодца выбирала:
Ты пожалуй, дорогой,
Въ садъ со мной гулять,
Мнѣ наскучило одной
По саду гуляти. —

[1]) Ср. Извѣстія Оренбургскаго Отдѣла, вып. 8, стр. 42.

Шелъ бы, ѣхалъ за тобой,
Будешь ли любити?
Я люблю же всей душой,
А ты мнѣ не вѣришь. —
Вѣрю, вѣрю, дорогой,
Повсегда жалѣю,
За любовь твою драгую
Крѣпко поцѣлую.

Ст. Усть-Уйская, 1901 г., урядникъ Тимоѳей Кузьмичъ Шаминъ; сообщилъ подъесаулъ Н. С. Головинъ.

Б$_2$.

Во саду ли, въ огородѣ
Дѣвицы гуляли;
Не однѣ онѣ гуляли,
Съ удалымъ молодцемъ;
Онѣ ростомъ невелички,
Лицомъ круглолички;
Онѣ правыми руками
Милыхъ выбирали.
У дѣвицы-красавицы
Русый локонъ до плеча;
Соискоса былъ онъ завитъ,
Но къ несчастью развился.
Вдругъ молодчикъ подбѣгалъ,
Русый локонъ завивалъ,
За то три разъ цѣловалъ [1]).

Челябинскій уѣздъ. «Оренбургскій край» 1894 г., № 164.

В.

Подушечка, подушечка пуховая!
Гдѣ дѣвушка, красавица молодая?

—

[1]) Ср. Извѣстія Оренбургскаго Отдѣла, вып. 14, стр. 152.

— Кого люблю, того дарю;
Гдѣ сойдемся, тамъ и поклонимся.

Ст. Богуславская, 1908 г., жена подполковника Пелагея Ивановна Мякутина.

Свиданіе. A_1. Гдѣ мы съ миленькимъ не хаживали?
Гдѣ съ хорошенькимъ не гуливали?
Были за моремъ далеко,
На горахъ высоко,
Въ чистомъ полѣ далеко.
Мы гуляли со миленькимъ въ садичкѣ,
Сорвали съ миленькимъ по яблочку,
Разрушили,
Вмѣстѣ скушали;
Сошлись, поклонились,
Поздоровались:
«Ты здорова ль, черноброва?
Здравствуй, ягодка моя!
Долго не былъ у тебя».
Во садочкѣ гуляла,
Кого надо, видѣла [1])!

Ст. Звѣриноголовская, 1901 г., казакъ Павелъ Матвѣевъ.

A_2. Гдѣ мы съ миленькимъ не хаживали,
Гдѣ мы съ хорошенькимъ не гуливали:
На горахъ высоко, въ чистомъ полѣ далеко;
Мы гуляли со миленькимъ по садичку,
Мы сорвали со хорошенькимъ по яблочку;
Мы разрушили, вмѣстѣ скушали,

[1]) Ср. Извѣстія Оренбургскаго Отдѣла, вып. 14, стр. 148.

Сошлись, поклонились, поздоровалися:
Ты здорово, чернобровый! —
Здравствуй, ягодка моя!
Долго не былъ у тебя,
Во садочкѣ гулялъ я:
Поцѣлуй, радость, меня!

Челябинскій уѣздъ. «Оренбургскій край» 1894 г., № 164.

Игра „хоронить золото".

Ужъ я золото хороню,
Чисто серебро хороню, хороню;
Я у батюшки въ терему, въ терему,
Я у матушки въ высокомъ, въ высокомъ.
Гадай, гадай, дѣвица,
Отгадай, красавица,
Въ коей ручкѣ перстень,
Въ коей ручкѣ золотъ [1])?

Примѣчаніе. Подъ эту пѣсню ходятъ по комнатѣ двѣ дѣвушки. Одна изъ нихъ незамѣтно кладетъ какому-нибудь молодцу кольцо. Другая должна отгадать.

Челябинскій уѣздъ. «Оренбургскій край» 1894 г., № 164.

Игра „конями".

Кони, вы, кони,
Лошади казенны!
Отдадимъ васъ, кони,
На царскую службу, —
Службу служити,
Сѣно возити.
Сѣна до колѣна,

[1]) Ср. Извѣстія Оренбургскаго Отдѣла, вып. 14, стр. 162.

Овса до щетки,
Воды до лодыжки.

—

Казакъ дома, казакъ дома?
Казакъ, дома ли живешь?
Не надо ли кобылку?
Кобылка вороная,
Грива золотая.
Пой, корми, не замори [1])!

Челябинскій уѣздъ. «Оренбургскій край» 1894 г., № 164.

Игра „Дрема". *А*$_1$.

Сидитъ Дрема,
Сама дремлетъ;
Не пора Дремѣ
Дремати,
Пора Дремѣ
Вставати.
Вставай, Дрема,
Всѣхъ повыше;
Гляди, Дрема,
По дѣвицамъ, [2])
Бери, Дрема,
Кого любишь;
Сади, Дрема,
Съ собой рядомъ; [3])
Поцѣлуй, Дрема,
Сколько хочешь.

Челябинскій уѣздъ. «Оренбургскій край» 1894 г., № 164.

[1]) Ср. ниже пѣсню *Б* «Семикъ».
[2]) «По молодцамъ», если сидитъ дѣвица.
[3]) Варіантъ: «на колѣни».

A_2.

Сидитъ Дрема, сидитъ Дрема,
Сидитъ Дремушка на стуликѣ.
Плететъ Дрема, плететъ Дрема,
Плететъ Дремушка шелковый платокъ.
Не столь плететъ, не столь плететъ,
Не столь плететъ, сколько дремлется ему.
Пора Дремѣ, пора Дремѣ,
Пора Дремушкѣ со стулика вставать,
Красну дѣвку, красну дѣвку,
Красну дѣвку выбирать, выбирать.
Бери ее, бери ее,
Бери ее за правую руку къ себѣ.
Сади ее, сади ее,
Сади ее на колѣночки себѣ.
Цѣлуй ее, цѣлуй ее,
Цѣлуй ее, сколь желательно тебѣ [1]).

Ст. Магнитная, 1904 г., урялникъ Филиппъ Ефимовъ.

Семикъ. A.

Я по край полу ходила,
Ровно за руку водила.

Припѣвъ: { Калина моя,
Малина моя.

Ровно въ подполъ провалилась,
Ровно въ подполъ провалилась.

Припѣвъ.

[1]) Пѣсня эта поется также и на семикахъ.

Я объ бревна расшибусь,
Я объ бревна расшибусь.

Припѣвъ.

Я объ семь досокъ дубовыхъ,
Я объ семь досокъ дубовыхъ.

Припѣвъ.

Я объ пять перинъ пуховыхъ,
Я объ пять перинъ пуховыхъ.

Припѣвъ.

Объ шестую перовую,
Объ шестую перовую.

Припѣвъ.

О кроватку тесовую,
О кроватку тесовую.

Припѣвъ: { Калина моя,
Малина моя.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Б.

Кони, вы, кони,
Лошади казенны.
Отданы кони
Драгунамъ на службу,
На крайнюю службу,—
Службу служити,
Сѣно возити.
Сѣна до колѣна,
Овса до щетки,
Воды до лодыжки.
Казакъ дома?
Казакъ дома?

Казакъ дома ли Живетъ? [1])

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Денисовичъ Ефимовъ.

[1]) Ср. выше пѣсню «Игра конями».

ОТДѢЛЪ IV.

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ.

А. СВАТОВСТВО. СГОВОРЪ.

Предложеніе.

Вблизи дома садъ цвѣтетъ,
Во саду дорожка;
Поглядѣлъ бы на нее,
Сидя у окошка.
Тутъ Манечка, душа,
По ней проходила,
Во рукахъ она графинъ
Водки проносила.
Молвилъ, молвилъ Алешенька:
«Будь моей судьбою»,
Говорилъ Григорьевичъ:
«Женой молодою».

Ст. Устьуйская, 1902 г., казачка А. А. Лосева; сообщилъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

Молодецъ задумалъ жениться.

При долинѣ кустъ калиновый стоитъ;
На кусточкѣ соловей, птица, сидитъ,
Горьку ягодку калинушку клюетъ
И малиною закусываетъ.
Прилетали къ соловью два сокола,
Звали, звали соловейку съ собой:
«Ты полетимъ, соловейка, со нами,
Что со нами, со ясными соколами.
Мы посадимъ соловейку въ клѣточку

На серебряный нашесточекъ.
Ужъ ты пой, воспѣвай
Да при кручинѣ утѣшай
Молодца Ивана,
При печали—милу дѣвицу,
Душу Марію».
Молодецъ всю ночь не спалъ:
Онъ душу красну дѣвицу утѣшалъ,
На золоты цымбалы проигралъ:
Онъ душу красну дѣвицу утѣшалъ;
А дѣвица восхвалила молодца:
«Еще нѣтъ у насъ такого молодца
Ни въ Казани, ни въ Астрахани
И нѣтъ въ каменной Москвѣ».
Очутился молодецъ у насъ въ славной крѣпости [1]);
Онъ по крѣпости погуливаетъ,
Свой тугой лучекъ натягиваетъ,
Калену стрѣлу накладываетъ,
Онъ ко стрѣлѣ приговариваетъ:
«Ты лети, лети, каленая стрѣла,
Выше лѣсу, по поднебесью;
Ты убей, убей, каленая стрѣла,
Ты бѣлу лебедь на заводи,
Сѣру утицу подъ кустикомъ,
Милу дѣвицу въ высокомъ терему:
Бѣлая лебедь—яство мое,
Сѣра утица—кушанье,
Мила дѣвица—обручница моя». [2])

Ст. Звѣриноголовская, 1902 г., казакъ Павелъ Ивановичъ Матвѣевъ. Ст. Сакмарская, 1903 г., казакъ Савелій Выровщиковъ.

---

[1]) Оренбургскіе казаки часто свои поселенія называютъ крѣпостями.

[2]) Ср. Якушкина стр. 657 и «50 пѣсенъ русскаго народа» № 44.

Молодецъ и молодица.

Передъ нашими воротами,
Передъ нашими широкими
Разливалось сине моречко.
У воротъ стоитъ Еленочка,
У широкихъ Егоровна;
Передъ ней стоитъ свѣтъ
Филиппъ Алексѣевичъ,
Шапкой машетъ, голосомъ кричитъ:
«Ты, душа ли, моя Еленочка,
Перейми-ка моего коня».
—«Ужъ я рада бы перенять добра коня,
Мнѣ травой ноженьки спутало,
А росой глазыньки вымыло».

Ст. Оренбургская (Бердскій поселокъ), 1903 г., казачка Анна Батюшкина.

Б. ПОМОЛВКА (ПРОСВАТАНІЕ).

Пѣсни при помолвкѣ.

А. «Ужъ вы, соколы, соколы перелетные,
Соколы—свѣтъ Михайловы,
Перелетные—свѣтъ Егоровичи,
Вы куда же вечóръ летывали»?
—«Ужъ мы летывали съ моря на море».
—«Вы что же тамъ видѣли»?
—«Мы видѣли сѣру утицу на заводи—
Душу Клавденьку во теремѣ,
Михайловну въ высокомъ терему».
—«Еще что же ее вы не взяли»?

—«Мы рады бы взяли ее,—
Сизы крылышки у ней подрѣзаны». [1])

Ст. Оренбургская (Бердскій поселокъ), 1904 г., казачка Елена Егоровна Батюшкина.

Б.

Какъ у свѣта на дворѣ,
У Михаила Афанасьевича,
Въ трое колоколъ ударили—
Молодца проздравляли
Со своей со будущей,
Съ раздушой красной дѣвицей.

Ст. Устьуйская, 1902 г., урядникъ Т. К. Шаминъ; сообщилъ подъесаулъ Н. С. Головинъ.

В.

Какъ по круту, круту бережочку,
По желту песку сыпучему,
Тутъ проѣхалъ добрый молодецъ,
На своемъ онъ на добромъ конѣ,
На сѣделицѣ черкасскомъ,
На стременцѣ булатныимъ;
Тесмяной уздой побрякиваетъ,
Шелковой плетью помахиваетъ,
Путь-дороженьку выспрашиваетъ
Ко душѣ онъ красной дѣвицѣ.
«Ты, душа ли красна дѣвица,
Ты открой, радость, окошечко
Раскосящето немножечко,
Покажи свое бѣло лицо.
Если ты же мнѣ поглянешься,

[1]) Поется послѣ того, какъ невѣста подаритъ жениху платокъ.

Я тебя же за себя возьму;
Если ты мнѣ не поглянешься,
Нахвалю свому товарищу.
Ужъ и что, братецъ, за дѣвица,
Ужъ и что же за красавица:
Безъ бѣлилъ-то лицо бѣлое,
Безъ румянъ-то щечки алыя».

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Причитаніе невѣстой подругъ послѣ помолвки.

Не прогнѣвайся ты, моя голубушка,
Что не вышла я, тебя не встрѣтила,
Середи пути-дороженьки,
Середи широка двора батюшкина,
Середи новой горницы матушкиной [1]).

Новая линія, 1871 г.. В. Плотниковъ.

Причитаніе невѣстой близкихъ замужнихъ женщинъ послѣ помолвки.

Ты поди-ка, добро пожаловать,
Я спрошу тебя понадѣючи,
Ты скажи мнѣ пожалѣючи:
Каково житье во чужихъ людяхъ,
У чужого рода-племени,
У чужихъ-то братцевъ и сестринъ?

На это невѣстп женщины отвѣчаютъ:

«Въ чужихъ людяхъ жить надо умѣючи.
Уважай-ка ты, моя голубушка, чужому отцу-матери».

Новая линія, 1871 г., В. Плотниковъ.

[1]) Такимъ образомъ причитывается каждая входящая въ избу подруга.

Пѣсня дѣвушекъ за обѣдомъ во время просватанія.

Какъ при первомъ было вечерѣ
У (имя невѣсты) на просватаньѣ,
У (отчество невѣсты) на веселомъ,
Издалече соколикъ прилеталъ,
Издалече: лѣсу темнаго,
Изъ-за садику зеленаго.
Онъ садился на окошечко,
Что на то окно косящато,
На блюдечко серебряное.
Никто его не усмотрѣлъ,
Усмотрѣла родна сестрица, [1])
Свѣтъ (имя и отчество).
Она сестрицѣ говарпвала:
«Приласкайся, родна сестрица,
Къ ясному соколу залетному,
Къ доброму молодцу заѣзжему,
Къ свѣтъ (имя, отчество жениха)».
Приласкаться ей не хочется:
Ей хотѣлось жить у тятеньки,
Красоваться у маменьки
Въ высокомъ новомъ теремѣ [2]).

Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ.

В. „РУКОБИТЬЕ“ [3]).

Причитаніе невѣсты и пѣсня дѣвушекъ во время «рукобитья».

Не давай-ка, родимый тятенька,
Свою-то праву рученьку!

[1]) Если сестры нѣтъ, то поютъ: «Усмотрѣла родна матушка».

[2]) Ср. ниже *А* «Пѣсни невѣстѣ на дѣвичникѣ» и «Пѣсню послѣ одаренія невѣстой всѣхъ родственниковъ».

[3]) «Рукобитьемъ» оканчивается сговоръ.

Не запоручивай, родимый тятенька,
За три поруки, да за три крѣпкія!

Ст. Кундравинская, 1904 г., нестр. стар. разр. Павелъ Вопиловъ.

Причитаніе невѣсты во время «рукобитья».

Не губите мою буйную головушку,
Не раздражайте мое ретиво сердце,
Не убивайте ранымъ-рано мою молодость,
Мою душеньку ничѣмъ не запятнанную.

Новая линія, 1871 г., В. Плотниковъ.

Причитаніе невѣсты и пѣсня дѣвушекъ во время угощенія послѣ «рукобитья».

Не принимай-ка, родимый тятенька (маменька и т. д.),
Чару зелена вина.
Не пропивай-ка, родимый тятенька,
Свою-то дочку милую [1]).

Ст. Кундравинская, 1904 г., нестр. стар. разр. Павелъ Вопиловъ.

Г. „ЗАПОЙ“ (ИЛИ „ПРОПОЙ“).

Пѣсни отцу, матери и роднымъ невѣсты на пропоѣ.

А[1].

Тятенька, пей,
Да меня не пропей.
Ужъ ты пей-ка, пропей
Остальной городъ:

[1]) Послѣ «рукобитья» сватовщикъ угощаетъ родителей и родственниковъ невѣсты.

Городъ пропьешь—
Назадъ выкупишь,
А меня пропьешь—
И не выкупишь [1]).

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

A_2. «Батюшка, зелено вино пей,
Меня не пропей:
Ты домъ пропьешь—выкупишь,
А меня пропьешь—не выкупишь».
—«Виноградъ расцвѣтаетъ,
А ягоды поспѣваютъ:
Виноградъ—свѣтъ Ванюшка, душа,
А ягода—свѣтъ Дуняша хороша».

Ст. Оренбургская, 1904 г., казачка А. И. Бѣлякова; сообщилъ хорунжій В. Н. Мякутинъ.

A_3. Батюшка, пей,
Да меня не пропей;
Пей да пропей
Свой широкій дворъ.

Новая линія, 1871 г., В. Плотниковъ.

[1]) Эту пѣсню поютъ дѣвки.

A_4.

Матушка, пей,
Да меня не пропей;
Пей да пропей
Лисью шубу:
Шубу пропьешь—
Назадъ выкупишь,
А меня пропьешь,
Не выкупишь.

Новая линія, 1871 г., В. Плотниковъ.

A_5.

Братецъ, пей,
Да меня не пропей;
Пей да пропей
Ворона коня:
Коня пропьешь—
Назадъ выкупишь,
А меня пропьешь,
Не выкупишь.

Новая линія, 1871 г., В. Плотниковъ.

Д. ВЕЧОРКИ.

Приглашеніе жениха на вечо̀рку [1]).

A_1.

Ты не плачь, не горюй,
Дѣва миленькая!
Изъ прелестныхъ очей

[1]) Пѣсню эту поютъ дѣвки, подруги невѣсты, когда приходятъ вечеромъ за женихомъ просить его итти съ ними на вечорку къ невѣстѣ и извѣщаютъ его, что всё готово.

Слёзъ горючихъ не лей:
Не навѣкъ ѣду я,
Не хоронятъ меня;
На полгода всего
Намъ разстаться должно.
Есть за Волгой село
На крутомъ берегу,
Тамъ отецъ мой живетъ
И родимая мать.
Благословите, отецъ
И родимая мать:
Я жениться хочу,
Расхорошеньку взять.

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., ветер. фельдшеръ Г. Киселевъ.

A_2. Какъ за Ураломъ село—на крутомъ бережкѣ;
Тамъ отецъ мой живетъ и родимая мать,
Сына въ гости зовутъ, сына видѣть хотятъ.
Ты не плачь, не горюй, дѣва миленькая!
Изъ прекрасныхъ очей слёзъ горючихъ не лей:
Не навѣкъ ѣду, не хоронятъ меня,
На полгода всего намъ разстаться должно:
Я поѣду къ отцу, поклонюся родной
И согласье возьму повѣнчаться съ тобой.
Какъ весна хороша ты, невѣста моя!
Скинь-ка свой ты печальный нарядъ,
Уберись, снарядись въ свой нарядъ голубой
И на плечи накинь шаль персидску съ каймой.

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., ветер. фельдшеръ Георгій Киселевъ.

Женихъ въ первый разъ послѣ просватанія въ гостяхъ въ домѣ невѣсты.

А. Среди было царства Россійскаго,
Среди государства Московскаго,
Стояли палаты бѣлокаменны, грановитыя;
Во тѣхъ ли палатахъ бѣлокаменныхъ
Стояли столы новъ-дубовые;
На столахъ—скатерти бѣлы-браныя;
На скатёркахъ лежитъ яство сахарное;
За столомъ сидитъ разудалый добрый молодецъ
(имя, отчество жениха).
Онъ играетъ въ гусляцы звончатыя,
Выигрываетъ онъ волю батюшкину,
Принасвистываетъ нѣгу матушкину:
«Ты куда пойдешь (имя, отчество невѣсты), спрэсись меня,
И отколь придешь, доложи мнѣ:
Я дамъ тебѣ волю лучше батюшкиной,
Ужъ я дамъ тебѣ нѣгу лучше матушкиной».
—«Ужъ ты, свѣтъ ли моя воля, воля матушкина!
Не будетъ той воли во чужихъ людяхъ,
Не будетъ той нѣги во незнакомыхъ» [1]).

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., ветер. фельдшеръ Г. Киселевъ.

Б. Какъ во нынѣшнемъ во славномъ во году
Солучилося гулянье во саду:
Тутъ гуляетъ, погуливаетъ
Разудалый добрый молодецъ,
Свѣтъ (имя жениха),
Сынъ (отчество жениха).

[1]) Пѣсня поется дѣвушками, подругами невѣсты, въ то время, когда онѣ приглашаютъ жениха и его родныхъ въ гости на вечорку въ домъ невѣсты въ первый разъ послѣ помолвки. Первая вечорка обыкновенно дѣлается въ ближайшій праздникъ.

Онъ садился подъ ракитовый кустокъ,
Срывалъ съ розы розовый цвѣтокъ;
На цвѣтокъ самъ любуется,
Красотѣ своей дивуется:
«Какъ цвѣтокъ алый да хорошъ,
Я молодецъ моденъ да пригожъ;
Я не выберу невѣсту по себѣ
Ни въ Казани, ни въ Астрахани,
Ни у насъ ли въ каменной Москвѣ;
Ужъ я выберу невѣсту по себѣ
Въ Озерной славной крѣпости,
По проѣзжей большой улицѣ,
Ужъ я чистую, рѣчистую,
Ужъ я умную, разумную;
У меня невѣста барышня,
Въ рукахъ трость виноградная,
А часы-то брилліантовые,
На часахъ цвѣты букетные,
Букетные, рисованые;
Рисовала цвѣты
Красна дѣвица, душа,
Подъ окошкомъ сидючи,
На быстру рѣчку глядючи,
Съ воды узоръ снимаючи,
Свѣта (имя жениха) вспоминаючи,
(Отчество жениха) взеличаючи» [1]).

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., ветер. фельдшеръ Г. Киселевъ.

Невѣста причитаетъ свою мать послѣ первой вечорки.

Я спрошу тебя, родима маменька:
Спалась ли тебѣ темна ноченька?

[1]) Поется подругами невѣсты въ первый вечеръ въ то время, когда невѣста даритъ жениха и сваху: жениха шарфомъ, а сваху платкомъ.

А ужъ мнѣ, горе-горькое,
Не спалась темна ноченька,
Не спалась,—много видѣлось:
Будто я хожу по крутымъ горамъ,
По крутымъ горамъ, по темнымъ лѣсамъ,
Подлѣ рѣченьки, подлѣ быстрой.
Разсуди-ка мнѣ, родима маменька,
Къ чему мнѣ этотъ сонъ привидѣлся?
—«Разсужу я, горе-горькое,
Своимъ глупымъ разумомъ:
Что крута гора—велико горе,
Что темны лѣса, то чужи люди,
Что быстра рѣка—горючи слезы».

Новая линія, 1871 г., В. Плотниковъ.

Невѣста будитъ подругъ послѣ первой вечѣрки.

Я спала, высыпалася,
Ждала, дожидалася
Я двоихъ-троихъ раннихъ пѣтуховъ.
Я еще ждала, дожидалася
Звоничку колокольнаго,
Я четья-пѣтья церковнаго.
Я еще ждала, дожидала
Отъ батюшки пробужденьица,
Отъ матушки покликаньица,
Я отъ братцевъ-то ключевой воды,
Отъ сестрицы—свѣтла зеркальца,
Отъ невѣстушки—полотенчика.
Ужъ мнѣ встать-то было, приподняться
Со тесовой со кроватушки,
Со перовой со перинушки
Тяжелехонько, мои голубушки.
Вставайте-ка, любезныя подруженьки.

А спрошу-то васъ, любезныя подруженьки:
Что спалась ли вамъ темна ноченька?
Мнѣ не всѣхъ-то васъ назвать по имени,
Не всѣхъ взеличать по отчеству,
Я сочту-то, почту, мои голубушки,
Всѣхъ васъ за подруженекъ:
Вы чешите-ка, мои голубушки,
Мою буйную головушку,
Вы плетите трубчаты косы.
Красуйтесь-ка, мои голубушки,
У родимыхъ-то своихъ батюшекъ и матушекъ:
Но я-то, горе-горькое, открасовалася
У родимой своей матушки,
У родимаго свово батюшки,
Отпила я, отъѣла
У родимаго свово батюшки,
Да у родимой-то я матушки,
Относила я цвѣтны платьицы,
Отходила-то я, отгулялася
Я по улочкамъ да переулочкамъ,
Я по лѣтнимъ-то хороводчикамъ,
Я по зимнимъ-то вечеряночкамъ.

Новая линія, 1871 г., В. Плотниковъ.

Невѣста причитаетъ любимую подругу, чешущую ей голову.

Потрудись-ка ты, моя голубушка,
Любезная подруженька:
Заплети-ка мнѣ ты трубчату косу,
По корень косу—мнѣ тугохонько,
Посередь косы мнѣ мелехонько,
Ты еше мельче, моя голубушка,
Въ пошенично мелко зернышко,
По конецъ косы—алу ленточку,

Алу ленточку—дѣвью красоту.
Ты красуйся, моя голубушка,
Любезная моя подруженька,—
У тебя батюшка жалостливый,
Матушка милостива;
А у меня-то, горе-горькое,
Не жалостливы, не милостивы:
Отдаютъ меня во чужи люди.
Не завидуй ты, моя голубушка,
Ты моему-то украшеньицу,—
Какъ мое-то украшеньице:
Оно—бѣлъ день до вечера,
На покатъ красна солнышка.

Новая линія, 1871 г., В. Плотниковъ.

Пѣсня дѣвушекъ, когда онѣ ѣдутъ къ жениху за мясомъ на пельмени [1]).

На горѣ то было, на горочкѣ,
На горѣ было на крутенькой,
На красѣ было на дѣвичьей,
Выростало тамъ деревцо кедровое;
На немъ отросли серебряныя,
Листочки позолоченые.
Какъ одинъ былъ сынъ у матери,
Его матушка нѣжила, государыня лелѣяла:
Не давала вѣтру вянути,
Красну солнышку просіяти.
Какъ на первомъ было вечерѣ,
При дѣвушкиномъ дѣвичникѣ,
Прилеталъ къ ней издалеку младъ соколъ,
Изъ далека Новъ-города;
Онъ садился на окошечко,
На то окно малое.

[1]) Ср. ниже «Пѣсни во время дѣвичника невѣстѣ».

Никто сокола не примѣтилъ,
Никто сокола не узрилъ,
Узрила родна маменька его.
«Ты дитя ли, мое дитятко,
Ты очнись ли, чадо ясное!
Приласкайся къ ясному соколу залетному,
Къ добру молодцу заѣзжему».
—«Рада бы я, приласкалась,
Рѣзвы ноженьки подкосились,
Бѣлы рученьки опустились,
Очи ясныя помутились,
Я сама тому дивилась,
Что со мною солучилось [1])».

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., ветер. фельдшеръ Г. Киселевъ.

Е. ВЕЛИЧАЛЬНЫЯ ПѢСНИ.

Пѣсни жениху послѣ помолвки.

А[1]. Ой на горѣ на высокой на крутой
Стоялъ городъ, городъ каменный.
Въ этомъ городѣ—полки казаковъ.
При полкѣ—майоръ, разудала голова,
Свѣтъ Павелъ Степановичъ.
Бралъ онъ, полонилъ душу красну дѣвицу,
Бралъ онъ ее за бѣлыя руки,
Велъ онъ ее за дубовые столы новые.
Она говоритъ своему тятенькѣ:
«Тятенька, стой, ты, родимый сударь мой!
Ты выкупи меня или выручи;

[1]) Пѣсня поется передъ второй вечоркой, которая дѣлается въ дому невѣсты въ будни отъ имени жениха. Родители невѣсты запрягаютъ лошадь; дѣвки садятся и ѣдутъ къ жениху за мясомъ для пельменей. Дорогой по улицѣ онѣ поютъ эту пѣсню.

Отдай за меня ровно сто рублей».
—«Милая моя дочь, дочь возлюбленная!
Денегъ не берутъ и на откупъ нейдутъ!
Только берутъ что тебя у меня
Изъ высокаго терема, изъ высокой новой горницы [1])».

Ст. Долгодеревенская, 1902 г., приказный С. И. Подкорытовъ; ст. Устьуйская, 1902 г., урядникъ Т. К. Шаминъ; сообщилъ подъесаулъ Н. С. Головинъ.

А$_2$. На горѣ, горѣ, на высокой крутой
Стоялъ городокъ, городъ каменный.
Въ этомъ городѣ сила-войско стоитъ.
Силою силенъ, воводою воленъ —
При полкѣ майоръ Петръ, господинъ,
Свѣтъ Ивановичъ молодой,
Хочетъ городъ взять, всѣхъ въ полонъ побрать:
Одну полонить душу Марью Васильевну.
Плачетъ, говоритъ (стала жаловаться):
«Тятенька родимый, ужъ ты выкупи меня или выручи,
Отдай за меня сто или двѣсти или тысячу рублей».
—«Доченька моя, эти люди не таки, несговорчивы:
Денегъ не берутъ и на откупъ нейдутъ,
Хочутъ тебя взять изъ моего терема, изъ моего высокаго».

Ст. Устьуйская, 1902 г., казачка А. А. Лосева; сообщилъ сотникъ Д. Е. Ничугинъ.

[1]) Ср. ниже ***Б*** «Свадебныя величальныя припѣвки жениху и невѣстѣ на вечеринкѣ».

А$_3$.

На горѣ, горѣ,
На высокой, на крутой
Стоялъ городокъ,
Городъ каменный;
Въ этомъ городу—
Полки казаковъ;
При полкѣ—майоръ,
Разудалый молодецъ,
Свѣтъ (имя и отчество жениха).
Онъ бралъ, полонилъ
Душу красну дѣвицу,
Свѣтъ (имя и отчество невѣсты);
Бралъ онъ ее
За правую за руку,
Велъ онъ ее
За дубовые столы.
Она говоритъ
Своему батюшкѣ:
«Батюшка мой,
Ты, родимый сударь мой!
Выкупи меня;
Родной, выручи!
Отдай за меня,
Родной, сто рублей».—
«Мила моя дочь,
Дочь возлюбленная!
Выкупъ не берутъ,
На откупъ нейдутъ,
Только берутъ
Что тебя у меня
Изъ высока терема,
Изъ новой горенки».

Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ.

А$_4$. Изъ поля, полечка, убита дороженька,
Ковричкомъ убита дороженька, ковричкомъ.
Кто эту дороженьку ковромъ убивалъ?
Кто эту широкую устилалъ?
Устилалъ дороженьку удалой молодецъ,
Свѣтъ Василій Семеновичъ, господинъ.
Бралъ онъ полонилъ душу красную дѣвицу—
Бралъ онъ ее за бѣлыя за руки,
Велъ онъ ее за дубовые столы.
За то его тестюшка возлюбилъ,
Своей милой дочерью надѣлилъ,
Свѣтъ Дарьей Степановной.
«Ой, тятенька мой, ой тятенька, господинъ,
Выкупи меня или выручи меня,
Отдай за меня ровно сто рублей».
—«Мила моя дочь, мила моя дочь,
Денегъ не беруть и на откупъ нейдутъ,
Только беруть что тебя у меня
Изъ высокаго терема, изъ новой горницы».

Ст. Долгодеревенская (поселокъ Прохоровскій), 1902 г., приказный, развѣдчикъ, С. И. Подкорытовъ; сообщилъ подъесаулъ Н. С. Головинъ.

Б. Какъ у голубя голова болитъ,
У голубушки ретиво сердце...
Какъ у молодца кудри завились:
Какъ въ первомъ ряду по плечамъ лежатъ,
Во второмъ-то ряду словно жаръ горятъ,
Словно жаръ горятъ, развиться хотятъ,
Развиться хотятъ, жениться велятъ
На душѣ милой дѣвицѣ,
Свѣтъ (имя и отчество невѣсты).

Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ.

B.

Кто у насъ хорошій?
Кто у насъ пригожій?
Розанъ, мой розанъ,
Виноградъ зеленый.

Ванюшка хорошій,
Петровичъ пригожій.
Розанъ, мой розанъ,
Виноградъ зеленый [1]).

На крыльцо выходитъ,
Конь къ нему подходитъ;
На коня садился,
Конь подъ нимъ бодрился;
Плеточкой машетъ,
Конь-то подъ нимъ пляшетъ;
По улицамъ ѣздитъ,
Всѣ дѣвицы смотрятъ;
Къ лужкамъ подъѣзжаетъ,
Луга зеленѣютъ;
Къ морю подъѣзжаетъ,
Море всколыбалось;
Море всколыбалось,
Рыба испугалась;
Къ дому подъѣзжаетъ,
Матушка встрѣчаетъ;
Матушка встрѣчаетъ,
Въ горницу зазываетъ;
Въ горницу вводила,
На диванъ садила;
На диванъ садила,
Дѣвицей дарила,
Дѣвицей, дѣвицей
(Имя невѣсты) мастерицей:

[1]) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

«Вотъ тебѣ невѣста,
Вотъ тебѣ, сынъ, хороша» [1]).

Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ.

Г. Ужъ ты, мать ли моя родимая,
Такого чуда ты не видывала:
Какъ у насъ-то во новомъ саду
Расцвѣла, стоитъ маковка;
Она ростомъ-то высокая,
Лицомъ-то румяная.
Это дѣвица, это красная,
На ней платье кашемировое,
На плечахъ-то шаль атласная,
На головушкѣ цвѣтъ розовый,
Это Марья, свѣтъ Федоровна.

Ст. Устьуйская, 1902 г., казачка А. А. Лосева; сообщилъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

Д. Ты, пчела ли моя, пчелонька,
Ты, пчела ли, вольна пташечка,
У Ивана родна маменька,
У Иваныча родимая;
Два-три раза по сѣнямъ прошла,
Два-три раза взрадовалася.
Во первой разъ взрадовалася—себѣ сына спородила;
Во второй разъ взрадовалася—себѣ сына воскормила;

[1]) Ср. Извѣстія Оренбургскаго отдѣла, вып. 14, стр. 146, и ниже «Пѣсня невѣстѣ передъ тѣмъ, какъ вести ее въ баню».

Въ третій разъ взрадовалася—себѣ за сына засватала,
Что душу ли милу дѣвицу Настасью Гавриловну.

—

Съ пѣсенкой, Иванъ Ивановичъ!

Ст. Кундравинская, 1902 г., казакъ Григорій Матвѣевъ; записалъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

E. Ой ты, винная ягодка,
Наливной сладкій яблочекъ—
Удалой добрый молодецъ!
Уродился хорошъ-пригожъ,
Уродился ты счастливый
И счастливый таланливый,
Говорливый, забавливый;
У тебя лицо бѣлое,
У тебя брови черныя
Какъ у яснаго сокола;
Что за то тебя тесть возлюбилъ,
И теща, матушка, жаловала
Своею милою дочерью
Прасковьей Ивановной [1]).

Ст. Міасская, 1903 г., казакъ артиллеристъ Пашнинъ.

Пѣсни невѣстѣ по просватаніи.

A. Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Вылетало стадо лебединое,
А другое гусиное.
Отставала лебедушка

[1]) Ср. ниже пѣсни: *A* въ «Свадебныхъ величальныхъ припѣвкахъ на вечеринкѣ» и *A* «Величальныя пѣсни холостымъ свадебжанамъ».

Прочь отъ стада лебединаго,
Приставала лебедушка
Что ко стаду да сѣрыхъ гусей.
Стали лебедушку гуси щипати и рвати,
А лебедушка просити:
«Не щиплите, гуси сѣрые:
Не сама я залетѣла къ вамъ,
Не своей я волею,
Занесло меня погодою» [1]).

Ст. Устьуйская, 1902 г., казачка А. А. Лосева; сообщилъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

Б. Изъ лугу, лугу, лугу зеленаго,
Кони-то бѣгутъ все сѣрна да сворона.
Чей конь напередъ, напередъ онъ забѣгалъ?
Голову несетъ кочетомъ да кочетомъ;
Шея у коня колесомъ да колесомъ,
Грива у коня парусомъ да парусомъ,
Уши у коня—два булатныихъ ножа,
Глаза у коня—два хрустальныихъ стекла,
Спина у коня—дубовая скамья,
Хвостъ конь волочётъ трубою да трубою.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

В. Что не ласточка, не косаточка,
Ты не вей гнѣзда въ новой горницѣ:
У насъ горница не топленая,
Сѣни новыя одымётенныя.

[1]) Ср. Русскую христоматію Галахова стр. 369.

Какъ у нашей-то у невѣстушки,
Что дары-то у ней припасеные,
У ней есть чѣмъ дарить,
Есть чѣмъ жаловать
Что ея-то жениха нареченнаго.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Общія пѣсни свадебжанамъ [1]).

А. Ты не стой, мой теремъ
Со златой маковицей, со златой верховицей.
Какъ во тѣмъ терему—кровать тесовая.
На кровати-то перина пуховая лежитъ.
На перинѣ — одѣяло соболиное.
Какъ подъ тѣмъ одѣяломъ — черный-етъ соболь
Со куницею, съ молодицею.
Что черный-етъ соболь—(такой-то),
Черная куница—(такая-то),
Промежду ихъ вьется совѣтъ да любовь —
Любимый сынъ (или дочь) такой-то (такая-то).

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

Б. Виноградъ по горамъ растетъ, (2 р.)
Ала ягода малина во лугахъ цвѣтетъ, (2 р.)
Виноградъ—свѣтъ (такой-то), господинъ, (2 р.)
Ала ягода малина—(такая-то). (2 р.)
Имъ люди позавидовали, (2 р.)
Что хорошо, пригоже, во совѣтѣ живутъ. (2 р.)
Не дивуйтеся, люди, не дивуйтеся, добры!
А вы сами, а вы сами таковы же хороши.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

[1]) За пѣсни свадебжане дарятъ дѣвушекъ деньгами.

В. Черна ягодка смородина
Зеленешенька, заломана,
Во пучечки завязана,
По путямъ она разбросана,
По путямъ-то, по дороженькамъ,
Что нельзя пройти-проѣхати
Удалому добру молодцу,
Добру молодцу (такому-то). [1])

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Г. У большого у боярина
Да голова была кудрявая,
Русы кудри по плечамъ лежатъ,
По плечамъ лежатъ да ровно жаръ горятъ,
Ровно жаръ горятъ, развиться хотятъ.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Величальныя пѣсни холостымъ свадебжанамъ [1]).

А. Ужъ ты, винная ягодка,
Наливной славный яблочекъ,
Удалой добрый молодецъ!
Уродился хорошъ-пригожъ,
Что хорошъ-пригожъ, счастливый,
Что счастливый, таланливый,
Говорливый, забавливый.
Не заря ли тебя спородила,
Не свѣтелъ ли мѣсяцъ вспоилъ-вскормилъ,

[1]) Ср. ниже пѣсню ***Б*** въ «Пѣсняхъ невѣстѣ на дѣвичникѣ».

[2]) Эти пѣсни поются дѣвушками свадебжанамъ; послѣдніе дарятъ за это деньги.

Часты звѣзды возлелѣяли?
— Ужъ вы, умныя умницы,
Души красны дѣвицы!
Спородила меня маменька,
Воспоилъ-вскормилъ тятенька,
Возлелѣяли нянюшки,
Завивала кудерицы
Душа красна дѣвица;
Завивала, приговаривала:
«Когда рѣчки разольются,
Русы кудри разовьются;
Стали рѣчки разливаться,
Русы кудри развиваться». [1])

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Б. При полѣ калинушка стояла,
Да при полѣ кудрявая стояла,
Алыми цвѣтами расцвѣтала,
Алыми да голубыми,
Лазоревыми да дорогими.
На той на калинушкѣ
Соловушекъ сидитъ,
Сидючи да воспѣваючи,
Холостымъ вѣсть возвѣщаючи,—
Холостому, неженатому,
Бравому дѣтинѣ кудреватому.
Чѣмъ тебя Господь Богъ надаруетъ?
Умною, разумною судьбою,
Душечкой красной дѣвицей
(Такою-то) бѣлолицей.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

[1]) Ср. пѣсни: *А* «Свадебныя величальныя припѣвки жениху и невѣстѣ на вечеринкѣ» и *Е* «Пѣсни жениху послѣ помолвки».

В. Какъ у насъ было во зеленомъ саду,
Уродился виноградъ во саду,
Онъ со калиной, со малиной,
Черной ягодой смородинкой. (2 р.)
Залетѣлъ соколъ въ садъ,
Сощипнулъ онъ яблочекъ (2 р.)
Наливной хорошенькій. (2 р.)
Удалъ добрый молодецъ
Никита Степановичъ,
Онъ искалъ, разыскивалъ
Сужену да ряжену
Душу красну дѣвицу.
Какъ у дубу было, дубочку,
У калиноваго мостичку,
Молодецъ коня поилъ,
Свѣтъ удалъ добрый молодецъ путь держалъ.
Привязывалъ коня ко тестеву двору,
Ко невѣстину шатричку.
Выходи, моя умная,
Выходи, моя разумная,
Золоты карты кидати,
Что во шахматы играти.
Проиграла красна дѣвица
Что свою буйную головушку
Съ голубой алой ленточкой,
Съ шелковымъ переплетичкомъ.

Ст. Устьуйская, 1902 г., младшій урядникъ Т. К. Шаминъ; сообщилъ подъесаулъ Н. С. Головинъ.

Г. Долина, долинушка, долина широкая;
По этой долинушкѣ гуляетъ дѣтинушка,
Гуляетъ дѣтинушка, удалъ добрый молодецъ.
Увидала его мать изъ высокаго терема.

«Дитя мое, дитятко, дитя мое милое,
Что ходишь невесело, гуляешь нерадостно»?
— «Родимая матушка! чѣмъ мнѣ веселиться?
Чѣмъ мнѣ веселиться, если всѣ друзья женились,
Всѣ друзья женились, одинъ хожу не женатъ»?
— «Женись, женись, дитятко, женись, чадо милое;
Возьми, возьми, дитятко, богатаго отца дочь». [1])

Ст. Устьуйская, 1902 г., казачка А. А. Лосева; сообщилъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

Величальныя припѣвки женатымъ мужчинамъ.

А. Въ огородѣ трава зеленымъ-зелена,
Зеленымъ-зелена, зеленешенька!
У (имя того, кому поется пѣсня) жена молодымъ-молода,
У (отчество) молодешенька!
Мы такой молодой мало видивали,
Мало видывали, рѣдко слыхивали!
Свѣтъ (имя и отчество),
Спороди сына ясна сокола,
Спороди дочь голубушку!
Отдадимъ мы сынка въ Москву грамотѣ учить,
Отдадимъ милу дочь въ Питеръ шелкомъ шить,
Мы не ради учьбы, ради чести, хвалы, —
Честь и хвала въ добры люди ввела,
Въ добры люди ввела, навеличивала.

Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ.

[1]) Ср. Бигдая вып. VШ, стр. 536, и Якушкина стр. 687.

Б$_1$.

Гуля, гуля, голубокъ,
Сизокрылый воркунокъ,
Мимо терема лѣтаешь;
Припадешь къ окну, послушаешь,
Что въ теремѣ говорятъ.
Во высокомъ гуторятъ
Не голубь съ голубкою,
Не косатъ съ косатою,
Свѣтъ (имя) со женой,
Свѣтъ (отчество) съ молодой:
«(Имя), другъ, моя,
(Отчество), живота!
Роди сына сокола,
Роди дочь голубушкѵ̀;
Я за это, другъ, тебѣ
Солью перстень золотой
Со вставочкой насыпной.
Носи перстень, не жалѣй,
Рости сына, возлелѣй;
Я за это, другъ, тебѣ
Сошью платье парчево.
Носи платье, не жалѣй,
Рости дочку, возлелѣй». [1])

Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ.

Б$_2$.

Гулю-гулю, голубокъ,
Гулю, сизый воркунокъ!
Мимо терема летаетъ,
Припадаетъ, слушаетъ,
Что въ теремѣ говорятъ.
Въ высокомъ гуторятъ

---

[1]) Ср. ниже *А* «Пѣсни молодымъ».

Свѣтъ Семенъ-то со женой,
Что Андреевичъ съ молодой. —
Ужъ ты, душа, свѣтъ, моя,
Роди сына сокола,
Роди дочь голубушку;
Я за это, другъ, тебѣ
Сошью платье парчевое,
Солью перстень золотой
Съ наставочкой насыпной.

Ст. Устьуйская, 1902 г., урядникъ Т. К. Шаминъ; сообщилъ подъесаулъ Н. С. Головинъ.

Величальная припѣвка замужнимъ женщинамъ.

Какъ по сѣнямъ, по сѣничкамъ,
По чистымъ переходичкамъ,
Туто ходила, гуляла
Дорога, горда боярыня,
Свѣтъ (имя и отчество).
Она будила, выбуживала
Своего друга милаго,
Свѣтъ (имя и отчество мужа):
«Ужъ ты встань, душа милый другъ!
Пробудися, сынъ отеческій!
Оторвался твой добрый конь
Отъ столба, столба дубовенькаго,
Отъ колечка серебрянаго,
Отъ другого позолоченаго;
Убѣжалъ твой добрый конь
Ко сосѣдкѣ во зеленый садъ,
Весь зеленый садъ повытопталъ,
Виноградничекъ сповыломалъ,
Онъ со калиной, со малиной,
Съ черной ягодой смородиною»!
— «Не тужи-ка, моя умная,

Не тужи, моя разумная!
Мы заплатимъ за зеленый садъ
Не монетами—червонцами,
Золотой казной безчетною [1]).

Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ.

Пѣсня вдовѣ свадебжанкѣ.

Подосенняя щука по озерамъ ходила,
Всѣ озера мутила.
Ай люшеньки-люли,
Всѣ озера мутила.
А теперь щука на столѣ лежитъ,
На столѣ лежитъ на блюдѣ.
Ай люшеньки-люли,
На столѣ лежитъ на блюдѣ.
На столѣ лежитъ на блюдѣ,
На серебряномъ подносѣ.
Ай люшеньки-люли,
На серебряномъ подносѣ.
Какъ бывало вдовица — при своемъ господинѣ,
При своемъ дворянинѣ.
Ай люшеньки-люли,
При своемъ дворянинѣ.
Ее люди-то знали,
Господа почитали.
Ай люшеньки-люли,
Господа почитали.
А теперь вдовицу ее люди не знаютъ,
Господа не почитаютъ.
Ай люшеньки-люли,
Господа не почитаютъ.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

[1]) Ср. ниже «Пѣсни почетнымъ гостямъ на дѣвичникѣ» и «Возбужденіе друга милаго».

Пѣсни свахѣ. *А.* Что ничто не вѣдано,
На дворъ свашенька въѣхала,
Дорогая боярыня, она спѣсивая, горделивая.
Ни съ кѣмъ слова не молвила:
Ни съ княземъ, ни съ бояриномъ,
Ни съ милыми подруженьками,
Только молвила свашенька
Съ раздушой красной дѣвицей,
Свѣтъ Милитрисой Кирибетьевной. [1])

Ст. Устьуйская, 1902 г., урядникъ Т. К. Шаминъ; сообщилъ подъесаулъ Н. С. Головинъ.

Б. Ужъ ты, сваха-ли, свахонька,
Ужъ ты, сваха хорошая,
Ты ходила частёхонько,
Ты торила дороженьку
Къ моему широку двору.
Ужъ ты сватала, хвастала,
За чужу душу божилася,
Чужу сторону хвалила:
Что чужая сторонушка,
Она золотомъ усыпана,
Она жемчугомъ унизана.
—Я сама знаю, вѣдаю
Про чужую сторонушку:
Она горемъ усѣяна,
А слезами поливана. [2])

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

[1]) Ср. ниже «Пѣсню при входѣ поѣзжанъ въ комнату».
[2]) Ср. ниже «Пѣсню свахамъ, когда поѣздъ пріѣдетъ за невѣстой».

Пѣсня отцу и матери жениха.

По меду, меду, по сыченому,
Плавала чарочка золотая.
Кто за эту чарочку примется?
Примется, не примется единъ господинъ.
Василій Семеновичъ подносилъ чарочку барынѣ своей:
«Марья Петровна, выкушай, выкушай, барыня моя».
— «Право мнѣ, баринъ, не хочется,
Истинной правдой не можется:
Мнѣ молодой маленько спалось,
Мало спалось, много во снѣ видѣлось:
Будто у насъ на широкомъ дворѣ
Выросла травонька шелковая,
Расцвѣли цвѣточки лазоревые» [1]).

Ст. Міасская, 1903 г., казакъ (артиллеристъ) Пашнинъ.

Шуточная припѣвка молодцу, плохо расплатившемуся съ дѣвушками [2]).

Нашъ (имя молодца) воистый:
На печи, въ углу воюетъ,
Онъ на добромъ конѣ, на пѣганѣ —
На запечномъ-то тараканѣ;
Онъ съ острымъ копьемъ —съ веретешкомъ,
Онъ за лютыми за звѣрями,
Онъ за сѣрыми за мышами,
Онъ (имя припѣваемой дѣвушки) на шубку,
Онъ (отчество дѣвушки) на душегрѣйку.

Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ.

[1]) Ср. ниже «Пѣсню отцу и матери жениха на дѣвичникѣ».
[2]) Поется на вечеркахъ отъ просватанія до вѣнчанія.

Ж. ДѢВУШКИ СОБИРАЮТЪ УГОЩЕНІЕ.

Подруги выпрашиваютъ «невѣстѣ на пропитаніе» въ канунъ дѣвичника.

Не смѣть, не смѣть приступитися
Ко высокому новому терему,
Ко косящатому ко окошечку,
Ко нѣмецкому ко стеколышку;
Пожалуйте-ка, родимый дяденька,
Родимая ты, тетушка, —
Отказалъ мнѣ родимый батюшка
Отъ хлѣба-то мнѣ, отъ соли,
Отъ цвѣтного платьица:
Опила я ихъ, объѣла,
Обносила цвѣтны платьицы.

Новая линія, 1871 г., В. Плотниковъ.

Пѣсня сосѣдямъ при собираніи угощенія для бѣдной невѣсты.

Если невѣста изъ бѣднаго семейства, то дѣвушки вечеромъ поютъ у домовъ зажиточныхъ семействъ слѣдующую пѣсню, называемую «зарею» или «смертью»:

«Ой смерть-то, смерть, приступилась
Ко косящатому окошечку,
Ко нѣмецкому стеколышку.
Приближенная сосѣдушка,
(Имя и отчество хозяйки дома)!
Встань утромъ ранёшенько,
Умой ручки бѣлёшенько,
Примѣшай квашоночку,
Состряпай сырну лепешку,
Подай намъ, краснымъ дѣвушкамъ».

Хозяева дома, подъ окнами котораго пѣлась эта пѣсня, выносятъ дѣвушкамъ что-нибудь изъ съѣстныхъ припасовъ на угощеніе.

Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ.

3. „ДѢВИЧНИКЪ“ (ИЛИ „ВЕЧЕРИНКА“).

Пѣсня крестному отцу жениха на дѣвичникѣ.

Не возбушуй, холоденъ вѣтеръ,
Не расшатай звонки колокола —
Не разбуди (имя мужа) жену,
Свѣтъ (отчество мужа).
Вчера она позднёшенько со пиру пришла,
Позже того сына спородила;
Бабушка была съ генеральска двора,
Кумъ-отъ былъ — генеральскій сынъ,
Кумушка была — гренадерша сама.
Кумъ крестъ несъ — пятьдесятъ рублей,
Кумушка ризки — штуку на золотѣ.

Новая линія, 1871 г., В. Плотниковъ.

Пѣсня отцу и матери жениха на дѣвичникѣ.

По меду, меду сычатому,
Плавала чарочка золотая;
На чарочкѣ подписка серебряная:
«Никто за эту чару не примется».
Примется, не примется одинъ господинъ,
Подносилъ чару боярынѣ своей:
«Выкушай, выкушай, моя бѣляная,
Бѣляная, нарумяненая».

— «Право, сударь, пить не хочется,
По истинной надеждѣ, мало можется;
Ночесь мнѣ, младёшенькой, мало спалося,
Мало спалося, много видѣлось:
Быдто у насъ на широкомъ дворѣ
Сизъ павелъ ходитъ съ павушей;
Выронилъ перышко золотое,
Съ этого перышка выросла трава».
— «Выкушай, бѣляная, я тебѣ сонъ разскажу,
Сонъ разскажу, по словамъ разскажу:
Сизъ павелъ ходитъ—то я у тебя,
Сизая павушка—ты у меня,
Травка-муравка — гости при насъ,
Лазоревы цвѣточки — то дѣтушки» [1]).

Новая линія, 1871 г., В. Плотниковъ.

Пѣсни невѣстѣ на дѣвичникѣ.

A_1. Какъ при первомъ было вечерѣ,
У Авдотьи на дѣвичникѣ,
Издалёка прилеталъ соколъ, изъ чистаго поля;
Онъ садился подъ окошечко,
Во серебряную клѣточку,
На позолоченую нашесточку.
Ужъ ты пой, воспѣвай, соловей!
При кручинѣ утѣшай молодца,
Свѣтъ Николая Степановича;
Привѣчай красну дѣвицу,
Душу Марью Федоровну.
Что никто-то его не увидалъ,
Увидала красна дѣвица,
Душа свѣтъ ея сестрица.
«Ужъ какъ я тебѣ, сестрица, говаривала,

[1]) Ср. выше въ величальныхъ пѣсняхъ «Пѣсню отцу и матери жениха».

Государыня, наказывала:
Не ходи-ка, сестрица, на Дунай за водой,
Ты не слушай, сударыня, николаевыхъ гусей,
Что николаевы гуси переманчивы:
Охъ, переманятъ дѣвицу на чужую сторону [1]).

Ст. Устьуйская, 1902 г., урядникъ Тимоѳей Кузьмичъ Шаминъ, сообщилъ подъесаулъ Н. С. Головинъ.

A_2. Какъ на первомъ-то вечерѣ,
У Олёнушки на вечорочкѣ,
У Егоровны на дѣвичникѣ
Издалёка прилеталъ соколъ,
Издалёка,—изъ нова города,
Изъ нова города, изъ Питера.
Онъ садился на окошечко,
На большо окно косящатое;
Онъ съ окошечка — во клѣточку.
Къ Олёнушкѣ за занавѣсочку,
Ко Егоровнѣ за убраную.
Пробѣжала ея матушка по новымъ сѣнямъ,
Закричала она громкимъ голосомъ:
«Ты, дитя ли мое, дитятко,
Приласкайся къ ясному соколу,
Къ ясному соколу ко залётному,
Къ добру молодцу пріѣзжему».
— «Я бы рада приласкалась,
Рѣзвы ноженьки подогнулись,
Бѣлы рученьки опустились,
Я сама тому дивилася,
Что со мной случилося:

---

[1]) Ср. выше «Пѣсню дѣвушекъ за обѣдомъ во время просватанія» и ниже «Пѣсню послѣ одаренія невѣстой всѣхъ родственниковъ».

Очи ясны помутились,
Съ плечъ головушка покатилась».

Ст. Оренбургская, 1904 г., казачка А. И. Бѣлякова.

A_3. При послѣднемъ было вечерѣ,
У Маріи Семеновны на дѣвичникѣ,
Издалека соколикъ прилеталъ,
Изъ далекаго лѣсу темнаго.
Онъ садился подъ окошечко,
Что на то окно косящатое.
Увидала его мамонька,
Говорила своей дочери:
«Приласкайся, мое дидятко,
Къ ясному соколу залетному,
Къ добру молодцу заѣзжему».
Приласкаться ей не хочется:
Ей хочется жить у тятеньки,
Красоваться у родимой мамоньки
Во хорошемъ житьѣ дѣвичьемъ.

Ст. Міасская, 1903 г., казакъ (артиллеристъ) Пашининъ.

A_4. При послѣднемъ было вечерѣ,
У невѣстѣ на вечерочкѣ,
Издалека прилеталъ соколъ,
Издалека — изъ Новаго-города.
Онъ садился на окошечко,
Что на то окно на маленькое,
На маленькое на косящатое.
Увидала его маменька,
Увидала, испужалася,

Во новы сѣни бросалася,
Закричала громкимъ голосомъ:
Ты, дитя ли мое, дитятко,
Ты, дитя ли мое милое.
Запримѣть-ка ясна сокола,
Ясна сокола залетнаго,
Добра молодца заѣзжаго.
— Ужъ я рада бы запримѣтила,
Рѣзвы ноженьки подсѣклися,
Бѣлы ручки опустилися,
Съ плечъ головка покатилася,
Очи ясны помутилися.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Б.

Черна ягодка смородинка,
Зеленешенька, заломана —
Ты, душа ли красна дѣвица,
Молодешенька, просватана
За удала добра молодца,
Свѣтъ (имя и отчество жениха),
Все отъ свахи, отъ стражницы,
Отъ ея же наговорщицы [1]).

Новая линія, 1871 г., В. Плотниковъ.

Пѣсня гостямъ на вечеринкѣ.

Не было вѣтру, да навѣяло:
Не было гостей, да наѣхали,
Полонъ дворъ коней,
Полна горница гостей,

[1]) Ср. выше пѣсню *В* въ «Общихъ пѣсняхъ свадебжанамъ».

Подломили же сѣни новыя,
Пошатнулись же дубовые столы,
Раскололи же золоту чару,
Что спугнули же соловья въ саду.
Тутъ расплакалась красна дѣвица,
Ея унималъ молодецъ:
«Ты не плачь, моя красна дѣвица,
Сѣни новыя ужъ я самъ ихъ починю,
Дубовые столы столярамъ отдадимъ,
Золотую чару перелить велимъ» [1]).

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ. Ст. Кундравинская, 1904 г., нестр. старш. разр. Павелъ Вопиловъ.

Пѣсня почетнымъ гостямъ на дѣвичникѣ.

Какъ по сѣнямъ было, сѣничкамъ,
По частымъ переходичкамъ;
Тутъ ходила, гуляла
Молода, горда боярыня,
Свѣтъ (имя и отчество жены почетнаго гостя),
Она будила, побуживала
Своего друга милова:
«Ужъ ты встань, проснись, душа милый другъ,
Свѣтъ (имя и отчество мужа):
Оторвался твой добрый конь
Отъ столба, столба дубоваго,
Отъ колечка серебрянаго;
Ворвался твой добрый конь
Во зеленый садъ, во вишенье;
Притопталъ грушу, зеленый садъ,
Со калиной, со малиной,
Съ черной ягодой смородиной».
— «Ты не плачь, моя умная,

[1]) Въ станицѣ Кундравинской эта пѣсня поётся на вечеринкѣ наканунѣ дня свадьбы.

Не тужи, душа разумная:
Наживемъ съ тобой зеленый садъ,
Что со калиной, со малиной,
Съ черной ягодой смородиной» [1]).

Новая линія, 1871 г., В. Плотниковъ.

Пѣсня дружкѣ на дѣвичникѣ.

Дружка, ты, дружка хорошенькій,
Не похаживай ты по моимъ сѣнямъ,
Не вынимай, друженька,
Ты чакму-то булатную,
Не высѣкай, друженька,
Ты огня-то летучаго,
Ты летучаго, жгучаго,
Не подпаливай, друженька,
Ты мою трубчату косу,
Трубчату косу — дѣвью красоту, —
Какъ моя-то трубчата коса,
Она какъ красное солнышко.

Новая линія, 1871 г., В. Плотниковъ.

Пѣсня свахамъ на дѣвичникѣ.

Сваха сватала, хвастала,
За чужу душу божилася,
За чужу, за молодецкую:
У насъ молодецъ не пьяница,
Онъ не ходитъ во трактиръ гулять,
Не проигрывать золотъ перстень,
Проиграетъ — назадъ выкупитъ,
Золотой казной выручитъ.

Новая линія, 1871 г., В. Плотниковъ.

[1]) Ср. выше «Величальную припѣвку замужнимъ женщинамъ» и ниже «Возбужденіе друга милаго».

Свадебныя величальныя припѣвки на вечеринкѣ.

А.

Ужъ ты, винная ягодка, }
Наливной хорошъ яблочекъ, } 2 р.
Свѣтъ (величаніе жениха).
Ужъ ты, винная ягодка, }
Наливной хорошъ яблочекъ, } 2 р.
Свѣтъ (величаніе невѣсты) [1]).

Ст. Кундравинская, 1904 г., нестр. стар. разр. Павелъ Вопиловъ.

Б.

При горѣ, горѣ,
При высокой при крутой
Стоялъ городокъ,
Городъ каменный.
Въ этомъ городкѣ
Сила ратная стоитъ.
При полкѣ—майоръ,
Удалъ добрый молодецъ
(величаніе жениха).
Бралъ онъ полонилъ
Душу дѣвицу
(величаніе невѣсты) [2]).

Ст. Кундравинская, 1904 г., нестр. стар. разр. Павелъ Вопиловъ.

В.

Какъ на горѣ было, горочкѣ,
На крутомъ было злобочкѣ [3]).
Тутъ стояли два зеленые дуба.
Въ этихъ дубчикахъ голубчики сидятъ,

[1]) Ср. выше пѣсню ***Е*** среди «Пѣсенъ жениху послѣ помолвки».
[2]) Ср. выше ***А*** «Пѣсни жениху послѣ помолвки».
[3]) «Злобочекъ» — подъемъ на холмъ.

Разговоры разговариваютъ,
Добра молодца выхваливаютъ,
Свѣта (величаніе жениха).
Онъ богатый-богатина,
Онъ со гривенки на гривенку ступалъ,
Онъ рублевочкой ворота отворялъ,
По пяти рублей въ окошечко бросалъ,
По полтинѣ краснымъ дѣвицамъ давалъ.
Ахъ вы, дѣвки, вы, дѣвушки,
Ужъ вы спойте-ка пѣсню мнѣ,
Вы пропойте красну дѣвицу,
Свѣтъ (величаніе невѣсты).

Ст. Кундравинская, 1904 г., нестр. стар. разр. Павелъ Вопиловъ.

Г.

Какъ во теремѣ гусли лежали;
Какъ во высокихъ — звончатыя;
У насъ некому въ гусли играти:
Свѣтъ (имя жениха)-то дома нѣтъ,
(Отчество жениха) не случилось:
Онъ уѣхалъ къ тестю въ гости,
Ко ласковой тещѣ,
Ко привѣтливой невѣстѣ —
Къ (имя и отчество невѣсты).
Теща зятю говорила:
«Ужъ ты, зять ли мой, зятенёчекъ,
Дорогой ли мой гостенёчекъ,
Ты ѣшь, мой зять, не наѣдайся,
Пей — не напивайся,
Надъ моимъ дитёмъ не спрещайся,—
Мое дитё неучёное,
Неучёное, нежурёное».

Новая линія, 1871 г., В. Плотниковъ.

И. „ДАРЫ“.

Пѣсня во время обнесенія невѣстой «даровъ» на вечеринкѣ передъ вѣнчаніемъ [1].

По городу, городу звоны пошли,
По высокому терему дары понесли.
Дарила невѣстушка своего жениха,
Дарила она приговаривала:
«На моихъ-то дарахъ не прогнѣвайся».

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

Пѣсня невѣстѣ при дареніи гостей.

Ой, ласточка,
Ты, косаточка!
Не вей гнѣзда
Въ новой горенкѣ:
Нова горенка
Не топленая,
Новы сѣнички
Не метеныя.
У (имя невѣсты) дары
Не лажены,
У (отчество невѣсты)
Не готовлены [2].

Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ.

[1]) «Дары» подносятся жениху, его родителямъ и роднѣ.

[2]) Въ Челябинскомъ уѣздѣ невѣста подноситъ подарки всѣмъ гостямъ вечеромъ передъ днемъ вѣнчанія. Такъ поютъ, когда невѣста даритъ родственниковъ жениха, а когда даритъ своихъ родныхъ, тогда поется:

«У (имя невѣсты) дары лажены,
У (отчество) готовлены».

Пѣсня послѣ одаренія невѣстой всѣхъ родственниковъ въ то время, когда ея родители начинаютъ угощать гостей.

При послѣднемъ было вечерѣ [1])
У (имя невѣсты) на дѣвичникѣ,
У (отчество) на веселомъ,
Издалече прилеталъ соколъ,
Издалече, — изъ чистаго поля.
Онъ садился подъ окошечкомъ,
На серебряну клѣточку,
На позолочену шесточку.
Что никто его не увидалъ,
Что никто его не усмотрѣлъ,
Увидала красна дѣвица, душа,
Свѣтъ (припѣваютъ сестру или ея подругу),
Говорила своей сестрицѣ родной:
«Примѣчай, родимая сестрица,
Примѣчай яснаго сокола,
Ясна сокола залетнаго,
Добраго молодца заѣзжаго,
Свѣтъ (имя и отчество жениха)».
— Ужъ я рада бы примѣтила его,
Мое сердце не воротится,
Съ плечъ головушка катится,
Рѣзвы ножки подсѣкаются,
Бѣлы ручки опускаются,
Горячія слезы катятся [2]).

Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ.

---

[1]) Ср. выше *A* «Пѣсни невѣстѣ на дѣвичникѣ» и «Пѣсню дѣвушекъ за обѣдомъ во время просватанія».

[2]) Когда невѣста обдаритъ всѣхъ родственниковъ, она занимаетъ мѣсто рядомъ съ женихомъ, садясь между нимъ и его матерью. Послѣ этого родители невѣсты начинаютъ угощать гостей, а дѣвушки пѣть пѣсни. Прежде другихъ поется приведенная пѣсня.

I. РАСПЛЕТАНІЕ КОСЫ.

Пѣсня при расплетаніи косы.

А.

Рябина моя, рябинушка,
Рябина моя зеленая,
Зеленая, кудрявая!
Стоишь ты посреди поля,
Среди полечка чистаго,
По край моря синяго;
Стоишь ты, никуда не пощатнешься,
Ни въ которую сторонушку:
Ни въ сѣверную, ни въ западную.
Душа ли милая дѣвица,
Свѣтъ (имя невѣсты),
Что сидишь ты призадумалась,
Горючими призаплакалася?
Ты какую думу думаешь,
Ты какія мысли мыслишь?
Ни къ кому ты не припахнешься:
Ни къ тятенькѣ, ни къ маменькѣ,
Припахнулась красна дѣвица
Ко чужому ко чуженину,
Къ удалому добру молодцу,
Ко чужому къ отцу, къ матери,
Ко чужимъ къ братцамъ, къ сестрицамъ.
Отшатнись-ка, родима маменька,
Отъ шесточка отъ кирпичнаго;
Подойди-ка, родима маменька,
Ко мнѣ горе-злосчастной;
Расплети-ка, родима маменька,
Раструбчату мелку косыньку—
Расхорошую «дѣвью красоту».
Что подходятъ ножки рѣзвыя,
Подымаются ручки бѣлыя

На мою-то буйную головушку,
На хорошую «дѣвичью красоту».

Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ.

Б.

Государь ты, мой тятенька,
Подойди ты ко мнѣ близёхонько,
Потруди-ка ты свои рѣзвы ноженьки,
Подыми-ка ты свои бѣлы рученьки,
На мою-то ты буйну головушку,
Расплети-ка ты мою русу косыньку
Что во-первые да во-послѣдніе [1]).

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

Причитаніе невѣстой своего отца при расплетаніи косы.

Приступись-ка, родимый батюшка,
Ко мнѣ-то, горе горькое,
Къ моей-то трубчатой косѣ,
Ко моей-то красѣ дѣвичьей.
Тебѣ Богъ судья, родимый батюшка,—
Подошли твои ножки рѣзвыя,
Поднялись твои ручки бѣлыя
На мою дѣвью красоту.

Новая линія, 1871 г., В. Плотниковъ.

[1]) Въ станицѣ Магнитной расплетаютъ косу передъ банею, въ Нижнеозерной — передъ отъѣздомъ къ вѣнцу, у новолинейныхъ казаковъ—въ день дѣвичника.

Причитанія невѣстой своей матери при расплетаніи косы.

А.

Носила ты меня, родимая маменька,
Сорокъ недѣль съ недѣлькою.
Говорила родима маменька:
Не отдамъ я тебя, дитятко,
Ни за князя, ни за боярина.
Отдаешь ты, родима маменька,
За удалого добра молодца,
Что гораздо я наскучила,
Гораздо я напрокучила,
Хлѣба-соли много скушала,
Цвѣтныхъ платьицъ много приносила,
Сколько чоботовъ я притоптала
У родимаго-то я батюшки.

Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ.

Б.

Ты, родимая моя маменька,
Разстаюсь я съ тобой горе-злосчастная,
Со кумами, со подружками.
Отходила я горе-злосчастная
По веселымъ-то по вечорочкамъ
Со своими со кумами, со подружками;
Отгуляла я горе-злосчастная
Что по полю, полю чистому,
Что по кустикамъ, по прутикамъ,
По лужкамъ, лужкамъ зеленымъ.

Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ.

К. БАНЯ.

Пѣсня невѣстѣ передъ тѣмъ, какъ вести её въ баню[1]).

A_1.

Кто у насъ хорошъ?
Кто у насъ пригожъ?
Припѣвъ: { Розанъ мой, розанъ,
{ Виноградъ зеленый!
Иванъ хорошъ,
Васильевичъ пригожъ.
Припѣвъ.
По горницѣ ходитъ,
Важно выступаетъ.
Припѣвъ.
На коня садился,
Конь подъ нимъ бодрился.
Припѣвъ.
Ко крылечку подъѣзжалъ,
Съ винограду вѣтку срывалъ.
Припѣвъ [2]).

Ст. Устьуйская, 1902 г., казачка А. А. Лосева; сообщилъ сотникъ Д. Е. Ничугинъ.

A_2.

Кто у насъ хорошій?
Кто у насъ пригожій?
Припѣвъ: { Розанъ, мой розанъ,
{ Виноградъ зеленый!
Петенька хорошій,
Сергѣевичъ пригожій.
Припѣвъ.

[1]) Поется въ то время, какъ всѣ сядутъ за столъ передъ выходомъ изъ дому.

[2]) Ср. Бигдая вып. X, стр. 771 и выше пѣсню ***B*** въ «Пѣсняхъ жениху послѣ помолвки».

По горницѣ ходитъ,
Умѣло выступаетъ.
Припѣвъ.
Умѣло выступаетъ,
Каблуковъ не ломаетъ.
Припѣвъ.
На крыльцо выходитъ,
Конь къ нему подходитъ.
Припѣвъ.
На коня садился,
Конь подъ нимъ бодрился.
Припѣвъ.
Шёлковой плеткой машетъ.
Конь подъ нимъ-то пляшетъ.
Припѣвъ.
Къ садамъ подъѣзжаетъ,
Сады расцвѣтаютъ.
Припѣвъ.
Сады расцвѣтаютъ,
Пташки воспѣваютъ.
Припѣвъ.

Ст. Устьуйская, 1902 г., урядникъ Т. К. Шаминъ; сообщилъ подъесаулъ Н. С. Головинъ.

Пѣсня, дѣвушекъ при «катаніи съ красотой» [1]).

Не на умѣ было, не на разумѣ
Красной дѣвицѣ мнѣ замужъ итти,
Приневолилъ меня родной тятенька,
Придокучили люди добрые.

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

[1]) Дѣвушки «катаются съ красотой» на лошадяхъ невѣсты по возвращеніи изъ бани; въ это время онѣ разукрашиваютъ дугу разноцвѣтными ленточками.

Л. ПРОВОДЫ ПРИДАНАГО („ПОСТЕЛИ“).

Пѣсня на проводы приданаго, а также и невѣсты къ вѣнцу (жалобная) [1].

Выйду ль я на гору,
Посмотрю я на воду,
Не плывутъ ли три корабличка?
Ужъ какъ первый корабль—съ сундуками,
А второй корабличекъ—со перинами,
А ужъ какъ третій корабличекъ—
Съ молодой свѣтъ барышней
Марьей Семеновной.
Оставалась ея маменька
Во свѣтлой горенкѣ,
У створчатаго окошечка,—
«Не вернется ли моя доченька?» [2])
. . . . . .
. . . . . .

Ст. Устьуйская, 1902 г., казачка А. А. Лосева; сообщилъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

М. СОБИРАНІЕ „ПОѢЗДА“.

Пѣсня дружкѣ во время собиранія поѣзда [3].

Ужъ ты, дружка ли, друженька,
Ужъ ты, дружка хорошенькій,
Не ходи-ка ты, дружка, по моимъ новымъ сѣнямъ,
Не вынимай, друженька, чекму-то булатную,

[1]) Ср. Якушкина стр. 668.

[2]) Поется, когда приданое отправляется въ домъ жениха, а также когда мать провожаетъ свою дочь къ вѣнцу.

[3]) Поется во время пріѣздовъ дружки къ невѣстѣ.

Не высѣкай, дружeнька, ты огня-то палючаго,
Не поджигивай, дружeнька, ты мою-то русу косу.

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

Н. СБОРЫ НЕВѢСТЫ ПОДЪ ВѢНЕЦЪ.

Пѣсни подругъ, когда невѣсту наряжаютъ къ вѣнцу.

A_1. Матушка Дарья-рѣка!
Круты бережки, желты пески!
Полелѣйте, круты бережки;
Вамъ недолго лелѣяти,—
Отъ весны-весны до осени,
До той-то зимы студеной,
До тѣхъ-то снѣговъ до глубокихъ:
Выпадутъ снѣги глубокіе,
Западутъ слѣды лебединые.
Въ ту пору красна дѣвица шила;
Сшивши, дары положила;
Положивши, заплакала:
«Ты ступай-ка, братeлка, во конюшенку;
Ты сѣдлай-ка добра коня;
Ты ступай-ка, братeлка, во чисто поле;
Наруби-ка, братeлка, бѣлой березыньки;
Завали-ка всѣ пути-дороженьки,
Нельзя было бы пройти-проѣхати
Разудалу добру молодцу,
Свѣтъ Спиридону Матвѣевичу».

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ 1890 году въ ст. Нижне-озерной.

А. Ужъ ты, матушка Дарья-рѣка,
Государыня богатая!
Чиста рѣченька не шелохнется,
Съ бережками не сровняется,—
Круты бережки сахарные,
Желты пески сыпучіе!
Полелѣйте, круты бережки,
Что недолго вамъ лелѣяти:
Отъ весны до осени,
До той зимы до холодной,
До того снѣгу до глубокаго.
Ты родимый, родной батюшка,
Государыня родна маменька,
Полелѣйте-ка своего дитятку (имя, отчество нев-
нѣсты),—
Недолго вамъ лелѣяти:
Отъ утра-утра до вечера,
До того звону колокольнаго,
До того питья церковнаго.

Ст. Нижнеозерная, 1906 г., ветер. фельдшеръ Георгій Киселевъ.

Б. Ужъ какъ на морѣ, морѣ,
На синемъ морѣ Хвалынскомъ,
Сѣра утица купается,
Она моется, полощется:
Красна дѣвица румянится,
Въ чисто зеркальцо смотрится,
Красотѣ своей любуется:
«Ты, краса ли моя, красота,
Ты кому краса достанешься»?
—Доставалась красота удалому добру молодцу.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Пѣсня дѣвушекъ въ ожиданіи поѣзжанъ передъ вѣнцомъ.

Во столовой новой горенкѣ,
За столами за дубовыми,
За скатертями браными,
Тутъ сидятъ красны дѣвицы;
У ихъ головушки учёсаны,
Въ трубчаты косы заплетёны.
У души же красной дѣвицы,
Свѣтъ (имя и отчество невѣсты).
У ней головушка не чёсана,
Въ трубчату косу не плетёна;
Она сидитъ не веселёшенька,
Сидитъ она призадумалась
О своей «дѣвьей красотѣ».

Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ.

0. ДѢВУШКИ ПРИГЛАШАЮТЪ ЖЕНИХА ѢХАТЬ СЪ ПОѢЗДОМЪ КЪ НЕВѢСТѢ.

Приглашеніе жениха дѣвушками ѣхать съ поѣздомъ къ невѣстѣ.

Миръ въ домѣ. Живёте здорóво. Всѣ крещёны.
Сватушка, сватьюшки, рѣзвый друженька!
(Величаютъ жениха), пріѣзжіе гостеньки!
Милости просимъ къ нашей невѣсткѣ
(Величаніе невѣсты) на проводины.

Ст. Кундравинская, 1904 г., нестр. стар. разр. Павелъ Вопиловъ.

II. ПОѢЗДЪ ѢДЕТЪ КЪ НЕВѢСТѢ.

Величальная пѣсня передъ отъѣздомъ поѣзда къ невѣстѣ.

Исполать тебѣ, добрый молодецъ,
Свѣтъ (имя и отчество жениха),
Изъ ковшей въ ковши наливать,
Изъ природства «бояръ»[1]) выбирать.
Онъ выбиралъ себѣ тысяцкаго,
Своего крестнаго батюшку
Свѣтъ (имя и отчество) [2]).

Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ.

Пѣсня жениху, когда онъ собирается за невѣстой.

А$_1$. Всѣ кони рядомъ, всѣ рядомъ таки рядомъ,
Ванюшкинъ конь напередъ забѣгаетъ,
Голову несетъ гоголемъ,
Уши конь несетъ—два булатныхъ ножа,
Очи-то несетъ—два ясныхъ сокола,
Шею конь несетъ колесомъ,
Гриву конь несетъ парусомъ,
Спину конь несетъ дубовой скамьей,
Хвостъ конь несетъ золотой трубой,
Копыты конь мечетъ золотымъ витымъ кольцомъ,
Разлуку конь несетъ на сѣдельной лукѣ:
Хочетъ разлучить Настасью съ маменькой,

---

[1]) «Боярами» называются шафера и вообще всѣ поѣзжане.

[2]) Свахѣ поютъ эту же пѣсню, но въ концѣ она измѣняется такъ:

«Онъ выбиралъ себѣ свашеньку,
Свою крестную матушку».

Пѣсня поется дѣвушками передъ отъѣздомъ поѣзда къ невѣстѣ въ то время, когда поѣзжане сядутъ за столъ закусывать.

Со кумами, со подруженьками,
Со своей дѣвьей красотой.

Ст. Звѣриноголовская, 1902 г., казакъ Григорій Матвѣевъ; записалъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

A_2. Кони бѣгутъ всѣ черновороные.
Чей это конь напередъ забѣгаетъ?
Охъ, Николаевъ-то конь напередъ забѣгаетъ:
Онъ хочетъ расшибить бѣлокаменную стѣну,
Онъ хочетъ достать душу красну дѣвицу.
Уши коня, какъ два булатные ножа,
Спина у коня, какъ дубовая скамья,
Шея у коня колесомъ да колесомъ.

Припѣвъ къ этой пѣснѣ:

Свѣтъ Николай Петровичъ,
Онъ гораздъ мастеръ:
По терему ходитъ,
Изъ ковша воду наливаетъ,
По природству бояръ выбираетъ.
Онъ выбралъ себѣ тысяцкаго—
Воспріемнаго крестнаго батюшку
Свѣтъ Семенъ Ивановича,
Потомъ крестну матушку
Степаниду Михайловну,
А потомъ весь поѣздъ.

Ст. Устьуйская, 1902 г., урядникъ Т. К. Шаминъ; сообщилъ подъесаулъ Н. С. Головинъ.

Пѣсня отцу жениха передъ выѣздомъ поѣзда.

Не лежи, бобёръ, на крутыхъ берегахъ,
Не сиди (имя отца) на дубовыхъ скамьяхъ,
Снаряжай свадьбу (имя сына)...

Ст. Устьуйская, 1902 г., казачка А. Лосева; записалъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

Пѣсня поѣзжанамъ, когда они въѣдутъ во дворъ невѣсты [1]).

Кругомъ лугомъ, вкругъ широкаго двора
Разливалась мати винная рѣка;
Какъ по этой-то по винной рѣкѣ
Шибко барское суднышко плыветъ,
На суднышкѣ удалый молодецъ
Приплываетъ ко широкому двору,
Становится противъ краснаго крыльца,
Выстилаетъ онъ шелковые ковры,
Вызываетъ милу дѣвицу, душу,
Свѣтъ (имя и отчество невѣсты):
«Ужъ я звалъ тебя не коврики смотрѣть.
Ужъ я звалъ тебя въ шахматы играть».
Проиграла отца съ матерью,
Проиграла братьевъ, сестрицу,
Проиграла подругъ, кумушекъ,
Проиграла «дѣвью красоту».

Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ.

Пѣсня при входѣ поѣзжанъ въ комнату.

Не знала, не вѣдала,—
На дворъ свашенька въѣхала.
На перву ступеньку ступила
По атласу, по бархату;

[1]) Пѣсня поется дѣвушками, стоящими на крыльцѣ.

На другу ступень ступила
По парчѣ узорчатой;
На третью ступень ступила,
Ни съ кѣмъ слова не молвила,
Только молвила свашенька
Съ душой милой дѣвицей,
Свѣтъ (имя и отчество невѣсты):
«Собирайся-ка, умница,
На чужую сторонушку,—
Что чужа сторонушка,
Она садомъ усажена,
Черносливомъ полпвана».
— Ой ты, злая обманьщица,
Ты, лиха подговорщица!
Что чужая сторонушка,
Она горемъ горожена,
Слезами поливана [1]).

Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ.

Пѣсня шаферамъ, когда поѣздъ пріѣдетъ за невѣстой.

У большого у боярина[2])
Голова была кудрявая,
Русы кудри по плечамъ лежатъ,
Словно жаръ горятъ.

—

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

Пѣсня свахамъ, когда поѣздъ пріѣдетъ за невѣстой.

Ужъ ты, сваха ли, свахонька,
Ужъ ты, сваха хорошая,
Ты ходила частёхонько,

[1]) Ср. выше *А* «Пѣсни свахѣ».
[2]) Шафера называются «боярами».

Ты торила дороженьку
Къ моему широкому двору.
Ужъ ты сватала, хвастала,
За чужу душу божилася,
Чужу сторону хвалила,
Что чужая сторонушка,
Она золотомъ усыпана,
Чистымъ жемчугомъ изусѣяна [1]).

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

Р. ПРОДАЖА КОСЫ.

Пѣсни тысяцкому [2]).

А. Ужъ ты, тысяцкій, догадайся.
За золотъ карманъ принимайся.
Ты не гривной дари, не полтиной дари,
Цѣлою насъ рублиной дари;
Намъ на пряники, на орѣшки,
Намъ на бѣлыя бѣлила;
Ужъ какъ тебѣ, сударь, не убыточно,
Ужъ какъ намъ, сударь, не обидно.

Ст. Устьуйская, 1902 г., урядникъ Т. К. Шаминъ; сообщилъ подъесаулъ Н. С. Головинъ.

Б. Ой ты, тысяцкій,
Догадайся:

[1]) Ср. выше *Б* «Пѣсни свахѣ».
[2]) «Тысяцкій»—преимущественно крестный отецъ жениха.

За свой кошелекъ
Принимайся [1]).

Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ.

B. Въ огородѣ у насъ не лукъ ли?
У насъ тысяцкій не глупъ ли?
Въ огородѣ у насъ не макъ ли?
У насъ тысяцкій не дуракъ ли? [2])

Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ.

C. УГОЩЕНІЕ ПОѢЗЖАНЪ ВЪ ДОМѢ НЕВѢСТЫ ПЕРЕДЪ ОТЪѢЗДОМЪ ВЪ ЦЕРКОВЬ.

Величальная пѣсня жениху во время угощенія передъ отъѣздомъ въ церковь.

Ужъ ты, батюшка (имя и отчество),
Ты умѣлъ, умѣлъ родитися
Изъ тонка-высока тонёхонекъ,
Ровно снѣгъ бѣлёхонекъ,
Ты умѣлъ, умѣлъ поѣздъ подобрать.

Новая линія, 1871 г., В. Плотниковъ.

[1]) Когда тысяцкій дастъ серебряную монету, продающій косу братъ невѣсты выходитъ изъ-за стола. Послѣ этого тысяцкій кладетъ деньги («выкупъ») въ пользу дѣвушекъ.

[2]) Пѣсня эта поется въ томъ случаѣ, если дѣвушки останутся недовольны тѣмъ количествомъ денегъ, какое далъ имъ въ выкупъ тысяцкій.

Т. БЛАГОСЛОВЕНІЕ.

1) Обращеніе къ тысяцкому:

Приглашенія дружки благословить.

A_1. Тысяцкій, тысяцкій, большой бояринъ,
Бери князя новобрачнаго съ княгиней молодой
За правую руку, за златой перстень
И выводи ихъ изъ-за стола дубоваго.

2) Затѣмъ слѣдуетъ обращеніе къ родителямъ невѣсты:

Есть ли у нашихъ новобрачныхъ
Батюшка и родимая матушка?
Намъ ѣхать путемъ-дорогою
Во святую церковь,
Подъ златъ вѣнецъ встать,
Законъ Божій принять.

Ст. Нижнеозерная, 1904 г., ветер. фельдшеръ Г. А. Киселевъ.

A_2. Какъ голубь безъ голубки
Гнѣзда не вьетъ,
Такъ и нашъ новобрачный князь
Безъ княгини сидѣть не можетъ.

—

Сватушка, свахонька
И весь міръ православный,
Благословите своихъ чадовъ милыихъ
Въ Божій храмъ ѣхать,

Подъ златъ вѣнецъ встать,
Законъ Божій принять.

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

Пѣсня жениху сиротѣ передъ благословеніемъ къ вѣнцу.

A_1. Какъ у дуба у зеленаго
Много вѣтокъ, много отраслей —
Какъ у меня, у молодца,
Много рода, много племени,
Только нѣтъ у меня
Отца-батюшки.
Ты, родимый мой братъ,
Выйди на крылечечко на дубовое;
Ты возьми-ка уздечку плетёную,
Поймай-ка ворона коня,
Ты съѣзди во Божію церковь,
Ты ударь-ка въ большой колоколъ,
Ты разбуди-ка родимаго батюшку
Благословить меня подъ златой вѣнецъ. [1])

Ст. Устьуйская, 1902 г., казачка Александра Лосева; записалъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

A_2. Какъ у дуба, дуба зеленаго,
Много листьевъ, много вѣточекъ,
Нѣтъ самой вершиночки —
Какъ у добраго у молодца,
Свѣтъ (имя и отчество жениха),
Много роду, много племени,
Нѣтъ самой большой родни:

[1]) Ср. Якушкина стр. 680.

Нѣтъ родимаго тятеньки [1]).
Подымитесь, вѣтры буйные,
Разнесите мать-сыру землю,
Расшибите гробову доску.
Ужъ ты встань, родимый тятенька,
На свои-то ножки рѣзвыя;
Ты пойди, родимый тятенька,
Во матушку церковь Божію;
Ты возьми благословеньице,
(Поютъ какую именно икону).
Благослови, родимый тятенька,
На чужу дальную сторону
По сужену, по ряжену:
Снарядить-то его есть кому,
Благословить-то его некому;
Благословитъ его вмѣсто тятеньки,
Что родной-то его дяденька:
Свѣтъ (имя и отчество).

Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ.

Пѣсни невѣстѣ сиротѣ передъ благословеніемъ къ вѣнцу.

А$_1$.

Ты, рѣка ли моя, рѣченька!
Течетъ рѣчка не шелохнется,
Съ бережками не сравняется,
Съ желтымъ пескомъ не смѣшается.
Ты умнёхонька, душа Еленушка!
Сидитъ она, не улыбнется,
Говоритъ рѣчи, не разсмѣется.
— «На что глядя смѣятися,
На что глядя радоватися?
Ты, родимый родной братецъ!
Ты ступай-ка во конюшенку,

[1]) Если у жениха нѣтъ матери, то поютъ ту же пѣсню, замѣняя слово «тятенька» «маменькою».

Выбирай коня что не лучшаго.
Осѣдлай-ка ты добра коня,
Поѣзжай-ка ты къ Божьей церкви;
Ты ударь-ка трижды въ колоколъ,
Разбуди матушку родимую
Ко этому ко несчастыцу —
Ко горькой свадьбицѣ.
Собрать-то меня есть кому,
А благословить-то некому:
Соберутъ меня подруженьки,
А благословятъ чужы люди,
Чужы люди, шабры [1]) приближенные».

Ст. Богуславская, 1907 г., вдова подполковника П. И. Мякутина.

A_2. «Ты, рѣка ли, моя рѣченька,
Зачѣмъ течешь, не колышешься,
Съ берегами не равняешься»?
— «Отчего мнѣ колыбатися:
Нѣтъ ни вѣтру, нѣтъ ни вихоря,
Нѣтъ погоды полуденной».
— «Ты, душа ли — красна дѣвица,
Зачѣмъ плачешь, не улыбнешься»?
— «Отчего мнѣ улыбатися:
Нѣтъ ни тятеньки, нѣтъ ни маменьки;
У родимаго у брателки
Полна горница гостей,
Полна свѣтлица все званыхъ дорогихъ-то гостей
Нѣтъ да какъ нѣтъ ни тятеньки, ни маменьки.
Ты, родимый брателка,
Сходи на конюшню;
Поймай себѣ ворона коня;
Осѣдлай въ сѣдло черкесское;

[1]) «Шабры»—сосѣди.

Съѣзди, родимый брателка,
Ко матушкѣ Божьей церкви».

Ст. Звѣриноголовская, 1902 г., казакъ Григорій Матвѣевъ; записалъ сотникъ Л. Е. Пичугинъ.

Б$_1$. Какъ у дубу, дубу сырого,
У сыра дуба скрипучаго
Много вѣтвей, много повѣтвей:
У души ли красной дѣвицы
Много роду, много племени,
Только нѣтъ у ней большой родни,
Нѣтъ большой родни—родимаго,
Нѣту тятеньки, нѣту маменьки.
Нарядить-то ее есть кому,
А благословить-то ее некому:
Снарядятъ ее подруженьки,
Проводятъ же люди добрые
И шабры-то приближенные.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Б$_2$. Вокругъ дубу, вокругъ сырого,
Много вѣтья, много навѣтья;
У удалого добра молодца Степана
Много роду, много племени.
У родимаго у брателки
Полна горница гостей,
Сидитъ полна свѣтлица
Все званыхъ дорогихъ гостей;
Нѣтъ да какъ нѣтъ ни тятеньки, ни маменьки.
Ты, родимый мой брателка Тимофей Иванычъ!

Ужъ я въ чемъ тебя, о чемъ попрошу:
Ты сходи на свой конюшенъ дворъ,
Ты поймай коня добраго;
Засѣдлай коня добраго во черкасское сѣдёлышко;
Съѣзди, мой брателка, ко матушкѣ Божьей церкви;
Ты ударь, родимый брателка, въ благовѣстный большой колоколъ;
Разбуди, родимый брателка, тятеньку и маменьку.
Вонъ идетъ родимый тятенька и государыня маменька;
Вонъ несетъ родимый тятенька во рукахъ-то Спаса образъ,
И государыня моя маменька—Мать Пречисту Богородицу;
Вонъ несутъ мои родители во устахъ благословеньице,
Какъ это благословеньице—оборона мнѣ великая. [1])

Ст. Звѣриноголовская, 1902 г., казакъ Григорій Матвѣевъ; записалъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

У. ВЫѢЗДЪ ВЪ ЦЕРКОВЬ.

Пѣсни невѣстѣ передъ отъѣздомъ къ вѣнцу [2]).

А.

«Дорогая ты наша гостенька,
Дорогая небывалая!
Что ты сидишь призадумалась,
Буйну голову повѣсила?
Каку думу думаешь,
Какія мысли мыслишь»?

[1]) Ср. Якушкина стр. 680 и выше «Пѣсня жениху сиротѣ».

[2]) Пѣсни поются въ то время, когда сядутъ въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ за столъ.

— «Всѣ я думы передумала,
Всѣ я мысли перемыслила;
Что одна-то дума мнѣ съ ума нейдетъ:
Что родимый мой батюшка,
Государыня моя матушка....

Ст. Устьуйская, 1902 г., казачка А. Лосева; записалъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

Б. Ты, рѣка ли, моя рѣченька!
Ты, рѣка ли моя быстрая!
Течетъ рѣчка не шелохнется,
Съ бережками не сравняется,
Съ желтымъ пескомъ не смѣшается.
Изъ-за горъ было, горъ высокіихъ,
Изъ-за зеленой дубравушки,
Да мы не знали, не вѣдали,
Что къ намъ свахи пріѣхали,
Что горныя боярыни не хотятъ слово молвити
Что со нами со дѣвушками,
Со душою красною дѣвицею,
Съ невѣстой Настасіей Ивановной.
Свѣтъ Сидоръ Карповичъ,
Не садись-ка ты возлѣ меня,
Не бери мою правую руку,
Не ломай мое злато кольцо:
Это кольцо купилъ батюшка,
Золотила родна матушка,
Приказала она мнѣ носить:
«Ты носи-ка, дитятко,
Ты покуда во дѣвушкахъ,
У родимаго у батюшки,
У государыни у матушки.

Ст. Оренбургская (Бердскій поселокъ), 1909 г., казачка А. И. Бѣлякова.

Прощаніе невѣсты.

А.

На полѣ лебедушка плакала —
Въ теремѣ дочь Аннушка плакала,
Жалобно своего батюшку просила:
«Богъ судья тебѣ, батюшка,
Свыше того, сударыня матушка:
Молоду меня отдаете въ чужи руки,
Остается зеленъ садъ безъ меня,
Поблекнутъ три цвѣточка во саду,
Поблекнутъ три лазоревыхъ во саду.
Сударыня, родна матушка,
Вставай по утру раненько,
Поливай три цвѣточка частенько,
Сверхъ того—горючими слезами». [1])

Ст. Нижнеозерная, 1890 г., записана войск. старш. Н. К. Бухариным.

Б.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за садику зеленаго
Возмывалася туча грозная,
А другая непроносная,
Непроносная со частымъ дождемъ,
Со частымъ дождемъ, со осеннимъ,
Со осеннимъ, со послѣднимъ.
Въ ту пору, въ то время
Собиралась дочь отъ матери,
Отъ родной родимой матушки;
Собиравшись, слезно всплакнула,
Во слезахъ-то простилася,
Среди пути становилася,
Среди пути-дороженьки,
Противъ лѣсу, противъ темнаго,

[1]) Пѣсня поется послѣ благословенія невѣсты.

Противъ садику зеленаго,
Противъ кустичка ракитова,
Противъ гнѣздышка соловьинаго.
Соловей съ кукушкой думу думали;
У кукушки дума крѣпкая,
Соловьина рѣчь хорошая.
Соловей, ты, мой соловей,
Гдѣ ты леталъ, сполётывалъ?
Не бывалъ ли на моей сторонѣ,
Не слыхалъ ли о моей головѣ?
Не тужатъ ли, не плачутъ ли обо мнѣ,
Не тужатъ ли, не плачутъ ли, сокрушаются,
Изъ походика меня дожидаются? [1])

Ст. Оренбургская (Бердскій поселокъ), 1903 г., казачка Анна Ивановна Батюшкина.

Отъѣздъ къ вѣнцу. Поютъ во дворѣ.

А.

Какъ по морю, морю синему,
Плыло стадо сѣрыхъ утушекъ;
Какъ одна изъ нихъ воскрякнула—
Красная дѣвица восплакнула:
«Кому изъ насъ напередъ плыти?
Кому изъ насъ напередъ итти»?
— «Итти свѣтъ Настюшкѣ,
Путемъ править свѣтъ Ивановнѣ». [2])

Ст. Оренбургская (Бердскій поселокъ), 1909 г., казачка А. И. Бѣлякова.

[1]) Ср. «50 пѣсенъ русскаго народа» № 26 и Якушкина стр. 598—599.

[2]) Эту пѣсню поютъ дѣвки во дворѣ, когда выводятъ невѣсту ѣхать къ вѣнцу.

Б. Дорогая наша гостенька!
Погости у насъ, гостья, малёхонько:
На дворѣ у насъ тихохонько,
Нѣтъ ни вѣтра, нѣтъ ни вихря,
Есть грозна туча со частымъ дождемъ, —
Свѣтъ Ивановичъ пріѣхалъ со крутымъ поѣздомъ,
Со крутымъ поѣздомъ, со боярами,
Увезъ нашу боярыню —
Марію, свѣтъ Николаевну. [1])

Ст. Богуславская, 1908 г., вдова подполковника П. И. Мякутина.

Пѣсни дружкѣ [2]).

А. Друженька молоденькій, } *Припѣвъ.*
Друженька хорошенькій: }
У нашего дружки
Чирій на верхушкѣ.
Припѣвъ.
На дворѣ-то туманъ,
У насъ дружка-то губанъ.
Припѣвъ.
На дворѣ-то гололедь,
Чтобы дружкѣ околѣть.
Припѣвъ.
На дворѣ-то куржакъ,
У насъ дружка-то ширшакъ.
Припѣвъ.
На дворѣ-то яма,
У насъ дружка пьяный.
Друженька молоденькій, } *Припѣвъ.*
Друженька хорошенькій! }

Ст. Нижнеозерная, 1908 г., ветер. фельдшеръ Георгій Аѳанасьевичъ Киселевъ.

[1]) Пѣсня поется, когда выйдутъ во дворъ для отъѣзда въ церковь.
[2]) Поются подружками невѣсты въ то время, когда дружка обходитъ три раза кругомъ поѣзда, готоваго тронуться въ церковь.

Б. Какъ у друженьки кудерцы,
У хорошаго русые;
За это его Царь любитъ,
Во палату призываетъ,
Во палату призываетъ
Приближеннымъ называетъ.
Пошелъ дружка воевати
Въ чисто поле, на полати,
Съ вострой шашкой, со лучиной,
Съ лютымъ звѣремъ, тараканомъ.
Какъ у нашего у дружки
Чирій на макушкѣ.
Поѣзжане пріѣхали, ребятёнки,
На паршивой лошадёнкѣ.
На паршивой лошадёнкѣ,
На мочальной на шлеёнкѣ.
На дворѣ-то не буранъ ли,
А женихъ-то не губанъ ли?
На дворѣ лежитъ мосолъ,
А женихъ чистый оселъ.

Ст. Оренбургская (Бердскій поселокъ), 1906 г., казакъ Степанъ Бѣляковъ.

В. Ужъ ты, дружка ли, друженька,
Ужъ ты, друженька хорошенькій,
Не похаживай, дружка, по новымъ моимъ сѣнямъ,
По моимъ по рѣшетчатымъ,
Не вынимай, друженька, ты чекму-то булатную,
Не высѣкай, друженька, ты огня-то палючаго,
Не подпаливай, друженька, ты мою русу косу,
Ты русу косу—дѣвью красоту.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Приглашеніе дружки трогаться въ церковь [1]).

A_1. Бояре, бояре, по мѣстамъ,
Какъ ясные соколы по гнѣздамъ!
Всѣ ли сѣли, всѣ ли взяли?
Міръ православный, благословите.

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

A_2. Господа поѣзжане, прошу по мѣстамъ,
Какъ ясные соколы по гнѣздамъ.

Ст. Нижнеозерная, 1904 г., ветер. фельдшеръ Г. А. Киселёвъ.

Мать груститъ по дочери послѣ отъѣзда невѣсты къ вѣнцу.

Унесло, улелѣяло
Три кораблпчка въ моречко:
Какъ первый корабличекъ —
Со душой красной дѣвицей,
А второй-этъ корабличекъ —
Со перинами пуховыми,
Третій-то корабличекъ —
Со сундуками окованными.
Оставалась ея матушка
Во столовой новой горницѣ,
За столами дубовыми,
За скатертьми браными,
За явствами сахарными.
«Я пойду съ горя на гору,
Погляжу съ горя подъ гору,
Закричу громкимъ голосомъ:
Ты, дитё-ли мое, дитятко,
Воротись, мое милое, —

[1]) Говорится послѣ троекратнаго обхода съ иконами вокругъ поѣзда.

Позабыла трои золоты ключи
Во столовой новой горницѣ,
На конфетной на тарелочкѣ,
Не одни ключи забыла, —
Позабыла волю батюшки,
Позабыла нѣгу матушки». [1])

Новая линія, 1871 г., В. Плотниковъ.

Ф. ВОЗВРАЩЕНІЕ ИЗЪ ЦЕРКВИ.

Пѣсня поѣзжанъ.

Въ огородѣ трава-зелена-зеленымъ,
У Ивана жена молода-молодымъ—молодёхонька;
Мы такой молодой мало видывали,
Рѣдко слыхивали.

Ст. Устьуйская, 1902 г., казачка А. А. Лосева; сообщилъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

Пѣсня по пріѣздѣ молодыхъ отъ вѣнца. A_1.

Соколы, соколы!
Вы куда, соколы, летали? —
Ужъ мы летали, соколы,
Съ моря на море. —
Вы кого, соколы, видѣли? —
Ужъ мы, соколы, видѣли
Бѣлу лебедь на заводи. —
Вы зачѣмъ её не поймали? —
Мы хотя её не поймали,
Право крылышко заломили,
Дали въ руки соколу.

[1]) Ср. пѣсни «Проводы приданаго» (стр. 86) и «Окручиваніе новобрачной» (стр. 110).

Вы, бояре, бояре!
Вы куда, бояре, ѣздили? —
Ужъ мы ѣздили, бояре,
Съ горы на гору,
Изъ терема въ теремъ. —
Вы кого, бояре, видѣли? —
Милу дѣвицу въ теремѣ,
Свѣтъ (имя и отчество молодой).
Вы зачѣмъ её не привезли,
Мы хотя её не привезли,
Расплели косу русую,
Дали въ руки молодцу,
Свѣтъ (имя и отчество молодого).

Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ и ст. Кундравинская, 1904 г., нестр. стар. разр. Павелъ Вопиловъ.

A^2.

Ужъ вы, соколы, соколы!
Вы куда, соколы, летали? —
Ужъ мы летали, соколы,
Ужъ мы съ моря до моря. —
Ужъ вы что, соколы, видѣли? —
Ужъ мы видѣли, соколы,
Сѣру утицу на заводи;
Селезнюшка косы вьетъ,
Сѣра утица охорашивается. —
Ужъ вы что её не поймали?
Ужъ мы поймать—не поймали,
Право крылышко заломали. [1])

Ст. Устьуйская, 1902 г., урядникъ Т. К. Шамшинъ; сообщилъ подъесаулъ Н. С. Головинъ.

---

[1]) Эта пѣсня поется также во дворѣ при проводахъ невѣсты къ вѣнцу.

X. „ОКРУЧИВАНІЕ“ НОВОБРАЧНОЙ.

Окручиваніе новобрачной [1].

A_1. Ужъ ты, сѣмечко, сѣмечко,
Голубино мелко зернышко.
Я не много тя, сѣмя, сѣяла,
Всего сѣяла три полечка,
Три раздольица да широкія:
Ужъ какъ перво поле—до Кіева,
А второ поле—до Чернигова,
Ужъ какъ третье поле—до синя моря,
До синя моря Валынскаго [2].
Какъ по синю морю Валынскому,
Тамъ плывутъ три корабличка:
Что первъ-отъ же корабличекъ—съ добрымъ молодцомъ (имя),
А вторъ-отъ же корабличекъ—съ красной дѣвицей (имя),
Ужъ какъ треть-етъ же корабличекъ,
Въ немъ плывутъ свахи-друженьки. [3]

Записана въ 1910 году отъ приказнаго Отдѣльнаго Оренбургскаго казачьяго дивизіона въ г. Гельсингфорсѣ Михаила Антропова и записана въ томъ же году сотникомъ С. И. Мякутинымъ въ 3-й Оренбургской казачьей батареѣ отъ урядника Кундравинской станицы Ивана Коптягина.

A_2. Сѣмечко, сѣмечко,
Голубино мелко зернышко.
Тя немного, сѣмя, сѣяла,

---

[1]) «Окручиваніе» — расчесываніе головы и пришпиливаніе головного убора замужнихъ казачекъ (болгарка, повязка).

[2]) Очевидно, Хвалынскаго.

[3]) Ср. выше пѣсни на «Проводы приданаго» (стр. 86) и «Мать груститъ по дочери» (стр. 107).

А тебя много уродилося:
Какъ первое поле—до Кіева,
А второе поле—до Чернигова,
Третье поле—до синя моря,
Моря Хвалынскаго.
Ужъ какъ на морѣ, морѣ.
На тихомъ было заводѣ,
Среди моречка синяго
Сѣра утица плавала,
Жалобнёхонько скрякала
О своемъ тепломъ гнѣздышкѣ,
Объ хорошей дѣвьей красотѣ.
Какъ вечоръ моя руса коса
Промежду плечми каталася,
Ровно жемчугъ разсыпалася.
Ой вы, свашеньки, свашеньки,
Воспріемны крестны матушки!
Вы возьмите, князья-свашеньки,
Во свои-то ручки бѣлыя
По вострy ножу булатному;
Вы подрѣжьте, князья-свашеньки,
Вы свои-те ручки бѣлыя;
Вы пойдите, княжи свашеньки,
На сине море Хвалынское;
Вы умойте, княжи свашеньки,
Вы свои-то ручки бѣлыя.
Какъ теперь-то мою русу косу,
Ее надвое разложили,
Бѣлу кейку наложили.

Ст. Кундравинская, 1910 г., урядникъ Иванъ Коптягинъ; сообщилъ сотникъ С. И. Мякутинъ.

Ц. „БѢШЕНОЕ УТРО“ [1]).

Пѣсня послѣ вѣнца утромъ.

Не будите молоду
Ранымъ-рано по утру,
Разбудите молоду,
Когда солнышко взойдетъ,
Когда солнышко взойдетъ,
Роса на землю падетъ,
Роса на землю падетъ,
Пастухъ выйдетъ на лужокъ,
Пастухъ выйдетъ на лужокъ,
Заиграетъ во рожокъ;
Хорошо пастухъ играетъ,
Выговариваетъ:
«Вы гоните-ка скотину
На широкую долину,
На зелену луговину».
Гонятъ дѣвки, гонятъ бабы,
Гонятъ малые ребята,
Гонятъ стары старики,
Пожилые мужики.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Возбуживаніе друга милаго.

Какъ по сѣнямъ было, сѣничкамъ,
По частымъ переходичкамъ.
Тутъ ходила-гуляла молода боярыня,
Свѣтъ Марфа Гавриловна, боярыня.
Она будила, взбуживала своего друга милаго,
Своего друга милаго, свѣта Василія Григорьевича:
«Ужъ ты встань, душа-милый мужъ,

[1]) «Бѣшеное утро»—утро дня, слѣдующаго послѣ вѣнчанія.

Пробудись, душа-отеческій сынъ!
Оторвался твой добрый конь
Отъ столба, столба дубовенькаго,
Отъ колечечка серебрянаго;
Онъ ворвался во зеленъ садъ,
Весь зеленый садъ повытопталъ,
Садъ со калиной, со малиной». [1])

Ст. Устьуйская, 1902 г., казачка Александра Лосева; записалъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

Пѣсни «молодымъ».

А.

Гулю-голубочекъ,
Мой миленькій воркуночекъ,
Мимо терема летаетъ,
Припадаетъ къ окну, слушаетъ.
Мой миленькій воркуночекъ,
Что во теремѣ говорятъ?
Въ высокомъ гуторятъ
Не голубь ли съ голубочкой —
Свѣтъ Василій со женой,
Григорьевичъ съ молодой:
«Ужъ ты, Санечка, жизнь моя,
Роди сына-сокола,
Лицомъ бѣлымъ во меня,
Умомъ-разумомъ въ себя;
Отдадимъ его грамотѣ учить
Мы не ради ученья,
Ради чести-похвалы». [2])

Ст. Устьуйская, 1902 г., казачка А. А. Лосева; сообщилъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

[1]) Въ Бердскомъ поселкѣ Оренбургской станицы пѣсня эта поется также при рубкѣ капусты.

Ср. ниже «Пѣсню почетнымъ гостямъ на дѣвичникѣ» и «Величальную припѣвку замужнимъ женщинамъ».

[2]) Ср. выше подобную пѣсню ***Б*** въ «Величальныхъ припѣвкахъ женатымъ мужчинамъ».

Б. У дубу-дубу
Тутъ стояла каморья.
Вотъ всѣ кони подкованы,
Покованы,
Подъ коврами одинъ конь неподкованъ,
Непокованъ.
Никто коня не любитъ,
Никто не приголубитъ;
Одинъ Ванюша любитъ,
Свѣтъ Иванычъ приголубитъ.
Онъ вокругъ коня ходитъ,
По крутымъ бедрамъ треплетъ:
«Ужъ ты, конь ли мой добрый!
Сослужи ты мнѣ службу по нуждѣ:
Ужъ ты сбѣгай во Москву
По Настасью горделиву,
По Гавриловну спѣсиву,—
Она пѣша не ходитъ,
Во колясочкѣ ѣздитъ;
По двору, скажетъ, грязно,
На грязицу—песочку;
По сѣнямъ ходить пыльно,
На пылицу—водицы;
Въ пологу спать комарно,
На комарцевъ—махальцу;
На Настеньку плётку,
На Гавриловну ремённу,
А на Ванюшу дубинку,
На Иваныча вязову.
Съ пѣсенкой Васъ, Иванъ Иванычъ!
Съ Настасьей Гавриловной вамъ на потѣшки,
А намъ на орѣшки;
Вамъ счастливо службу служить,
А намъ сухари сушить.

Ст. Звѣриноголовская, 1902 г., казакъ Григорій Матвѣевъ.

Припѣвка «молодой».

У меня, молодой, конь заносистый, —
Онъ занесъ меня во дикую степь.
Во дикой-то степи нѣтъ ни кустичка, нѣтъ ни прутичка,
Только есть-то въ степи ковыль-травонька.
Конь обрѣзалъ, зашибъ свои рѣзвы ноженьки подъ саму щёточку.

Ст. Богуславская, 1908 г., вдова подполковника П. И. Мякутина; записалъ хорунжій В. Н. Мякутинъ.

Ч. „ГОРНОЙ СТОЛЪ“ [1]).

Дружка проситъ благословенія садиться за «столъ».

Помолитесь Богу! *(Всѣ молятся).*
Благословляйте, *(называетъ по имени отца и мать жениха),*
Столы столовать,
Пиры пировать,
Хлѣба-соли кушать.—
На это всѣ присутствующіе отвѣчаютъ:
«Богъ благословитъ».

Ст. Кундравинская, 1904 г., нестр. стар. разр. Павелъ Вопиловъ.

Свадебный пиръ.

Средь было царства Каменной Москвы,
Средь крѣпости Пречистенской,
Тутъ стояли палаты бѣлокаменны;
Укрыты палаты жестью бѣлою,

[1]) «Горной столъ»—главный свадебный пиръ.

Убиты гвоздями золочеными.
Во тѣхъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Стояли столы дубовые;
На столахъ—скатерки шито-браныя,
На скатеркахъ—яства сахарныя,
За яствами—пойла медовыя,
За яствами сидятъ гости званые,
Всѣ пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются.
Какъ одинъ изъ нихъ боярин не пьетъ, не кушаетъ,
Свою бѣлу лебедушку не рушаетъ,
Во рукахъ онъ держитъ звончатыя гусли;
Онѣ наигрываютъ волю батюшкину,
Онѣ наигрываютъ нѣгу матушкину:
«Ужъ ты будешь, воля, впередъ такова:
У чужого у батюшки и у матушки,
У роду, у племени Михаила Николаевича» [1]).

Ст. Оренбургская, 1903 г., казачка Л. Ф. Барбусова.

Величальная пѣсня всѣмъ присутствующимъ на свадебномъ пирѣ во время поднесенія „сыровъ“ [2]).

A_1.

Александръ Ивановичъ!
Анна Тимофеевна!
Подходитъ къ вамъ
Князь новобрачный
Съ княгиней молодой
Рѣзвыми ногами,
Подносятъ бѣлыми руками
Чарочку выпить,
Донышко позолотить.
Они люди нáново:
Имъ много и надобно:

[1]) Ср. выше пѣсню «Женихъ въ первый разъ послѣ просватанія въ гостяхъ въ домѣ невѣсты».

[2]) Молодые обносятъ гостей «сырами» во время горнóго стола. «Сыры»—это водка и мелко нарѣзанные пряники въ качествѣ закуски.

Нѣтъ ли теленочка,
Нѣтъ ли жеребеночка,
Нѣтъ ли поросеночка
Или чѣмъ Богъ
Надразумитъ васъ? [1]).

Записана въ 1890 г. въ станицѣ Нижнеозерной войсковымъ старшиной Н. К. Бухаринымъ.

A_2. Подходитъ новобрачный князь
Со своей княгиней молодой
Своими рѣзвыми ногами,
Подноситъ чарочку бѣлыми руками.
Просятъ чарочку выпить,
Дно позолотить:
Не рублями, не полтиной
Хоть одной золотой гривной.
Помощь отъ васъ по силѣ,
Нѣтъ ли рублика четыре
Или бычка годовика,
Теленочка лѣтъ трехъ,
Жеребеночка лѣтъ пяти.
Молодые—люди новые:
Имъ денегъ много надобно.
Кушайте!

Ст. Нижнеозерная, 1904 г., ветер. фельдшеръ Г. А. Киселёвъ.

Приговоръ дружки и полудружья при обносѣ гостей «сырами».

Дружка:

Прошу покорно
Чарочку выпить,
Сырами закусить,

[1]) Величаютъ родителей жениха и невѣсты, поѣзжанъ и гостей.

На сыры положить:
Корову съ теленкомъ,
Кобылу съ жеребенкомъ,
Овечку съ ягненкомъ,
А тамъ, что Богъ послалъ.

Полудружье добавляетъ:

На шильце,
На мыльце,
На банничекъ.

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

Ш. БЛИНЫ (ИЛИ ЯИЧНИЦА) У ТЕЩИ [1]).

Пѣсня молодому на блинахъ у тещи.

Теща для зятя удобрилася,
Удобрилася да смилосердилася:
Вздумала для зятя пирогъ испечь,
Взяла пива и вина на четыре рубля,
Соли и муки взяла на два рубля
И сладкихъ окуней на двѣнадцать рублей;
Сталъ ей пирогъ въ восемнадцать рублей.
Теща думала-гадала семерымъ пирогъ не съѣсть;
Зятюшка сѣлъ, онъ одинъ пирогъ съѣлъ.
Теща по горенкѣ похаживаетъ,
Скоса на зятя поглядываетъ:
«Какъ тебя, зятюшка, не розорвало».
—«Разорви, разорви тещу мою,
Тещу мою да со свояченицею.
Пріѣзжай ко мнѣ, тещенька, на масленицу,

[1]) Блинный столъ бываетъ у родителей молодой послѣ горнóго стола.

Я тебѣ, тещенька, честь вознесу,
Честь вознесу да три дубины припасу:
Первую дубинку вязовенькую,
Вторую дубинку березовую,
Третью дубинку осиновую.
Батюшка вязокъ,
По своячинѣ—разокъ,
Горькая осина
По бокамъ тещу возила».
Теща отъ зятюшки вырвалася,
На печь залѣзла призапышкалася.
«Дѣти, вы, дѣти, глядите въ окно,
Глядите въ окно, не ѣдетъ ли кто?»
—«Маменька, маменька, зять у воротъ,
Зять у воротъ, на похмелье зоветъ».
—«Дѣти, вы, дѣти, скажите ему,
Скажите ему, что я не могу:
Со пива и вина болитъ буйна голова,
Съ сахару и меду я вся не могу».

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Щ. ХОЖДЕНІЕ ПО ГОСТЯМЪ.

Приглашеніе гостей. *А.*

Гости званы,
Гости браны,
Пожалуйте ко мнѣ
Въ родительскій домъ
Хлѣба-соли откушать.
По рюмочкѣ выпить.
Прошу покорно!

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

Б.

Сватушки, сватушки!
Милости просимъ
Къ нашимъ родителямъ
Хлѣбъ-соль кушать.

Ст. Кундравинская, 1904 г., нестр. стар. разр. Павелъ Вопиловъ.

Пѣсня при встрѣчѣ гостей хозяевами.

Ужъ вы, гости, мои гости,
Посидите у меня.
Припѣвъ. { Айли, айли, ай да люли,
{ Посидите у меня.
Посидите у меня,
Да поглядите на меня.
Припѣвъ.
Поглядите на меня,
На бесѣду на мою.
Припѣвъ.
На бесѣду на мою,
Я вамъ пѣсенку спою.
Припѣвъ.
Я вамъ пѣсенку спою
Да про службицу свою.
Припѣвъ.
Два мы годика служили,
Ни объ чемъ мы не тужили.
Припѣвъ.
Сталъ годъ третій наступать,
Стали сердцемъ тосковать.
Припѣвъ.
Стали сердцемъ тосковать
И про смѣну узнавать.
Припѣвъ.
Получили мы приказъ
Отъ Варшавы и до насъ.
Припѣвъ.

Получили мы второй,
Полку нашему домой.
Припѣвъ.
Ужъ ты, Донъ ли, мой Донецъ,
Здравствуй, маменька, отецъ.
Припѣвъ.
Здравствуй, маменька, отецъ,
Здравствуй, женушка моя.
Припѣвъ.
Здравствуй, женушка моя,
Хорошо ли ты жила?
Припѣвъ.
Ивановичъ, хорошо,
Хоть бы съ годикъ бы еще.
Припѣвъ.
Хоть бы съ годикъ или два,
Погуляла молода
Припѣвъ. [1])

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филипъ Ефимовъ.

Проголосная пѣсня. Поется въ гостяхъ.

Посидите, мои гости, побесѣдуйте.
Ужъ мы скажемъ-ка про старую старинушку,
Что про старую старинушку старопрежнюю.
Что не зеленая верба къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются.
Тутъ кланялся Добрыня своей матери,
Что честной вдовѣ Ѳеймьѣ Александровнѣ.
«Ужъ ты гой еси, родимая моя маменька,
Что честна вдова Ѳеймья Александровна,
Я прошу у тебя не злата и не серебра,
А прошу у тебя твоего благословеньица.
Блатослови меня, родима моя мамонька,

[1]) Пѣсня эта поется всѣми свадебжанами; она же и плясовая.

Что во чистое поле показаковать,
Богатырскаго конёчка понаѣздити,
Богатырску свою силушку помѣрити»[1]).

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

Ѣ. ПИРОВАНІЕ.

Пѣсня во время общаго веселья.

Закутило, замело
Всѣ дорожки-пути,
Всѣ дорожки-пути,
Да нельзя къ милому пройти.
Припѣвъ. { Люли, люли, люли,
Да нельзя къ милому пройти.
Я по старымъ по примѣтамъ —
Позади горлицею,
Да сѣрой утицею.
Припѣвъ.
По широкому двору
Да колесомъ прокачу.
Припѣвъ.
Сударыня барыня
Вышла, встрѣтила меня.
Припѣвъ.
Вышла встрѣтила меня
Да за бѣлы руки взяла.
Припѣвъ.
За бѣлы руки взяла
Да во горницу завела.
Припѣвъ

[1]) Ср. II ч., 15—16 стр..

Во горницу завела
Да на кровать посадила.
Припѣвъ.
На кровать посадила
Да стала спрашивати.
Припѣвъ. { Люли, люли, люли,
{ Да стала спрашивати [1]).

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

Свадебная плясовая пѣсня.

Молодка моя молоденькая,
Головка твоя побѣдненькая.
Не съ кѣмъ мнѣ молодкѣ
Ночку ночевать,
Ночку ночевать
Да темну коротать.
Лягу спать одна
Да безъ мила дружка;
Безъ мила дружка
Беретъ грусть-тоска.
Грусть-тоска беретъ,
Далеко милый живетъ,
Далекомъ далеко,
На той сторонѣ,
На той сторонѣ,
Не близко ко мнѣ.
Идетъ мой милой
Да той стороной.
Машетъ мой милой
Да правою рукой,
Ручкой правою
Да шляпой черною.

[1]) Ср. III ч., 85 стр.—«Молодецъ пробирается къ милочкѣ»,

«Перейди, сударка,
Да перейди сюда».
—«Рада бы перешла,
Да жердочка тонка,
Жердочка тонка
Да рѣчка глубока».
Во этой во рѣчкѣ
Купался боберъ,
Купался боберъ,
Купался черный,
Не выкупался,
Да весь вымарался,
Вышелъ на горку
Да отряхивался,
Отряхивался
Да осматривался,
Не ѣдетъ ли кто
Да не ищетъ ли что?
Охотнички рыщутъ,
Чернаго бобра ищутъ,
Хотятъ бобра бить,
Хотятъ застрѣлить,
Хотятъ застрѣлить,
Да дѣвкѣ шубу сшить.
Дѣвка черноброва,
На ней шуба нова,
На ней шуба нова,
Опушка боброва [1]).

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

[1]) Во время свадебныхъ плясокъ поются и другія плясовыя пѣсни; о нихъ см. слѣдующій отдѣлъ.

ОТДѢЛЪ V.

ПѢСНИ ПЛЯСОВЫЯ.

Дѣвица и проѣзжій казачокъ.

Какъ на горѣ—калина,
Подъ горою—малина,—
Сашенька—калина.
Мимо ѣхалъ казачокъ.
Возьми Сашеньку съ собой,
А я тебѣ услужу,
Я тебѣ услужу:
Постелюшку постелю,
Твово коня напою.

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ 1890 году въ станицѣ Верхнеозерной отъ казака Алексѣя Ивановича Бѣлянинова 75 лѣтъ.

Купчикъ на Макарьевской.

Какъ по улицѣ купчикъ идетъ,
По Макарьевской удала голова.
Припѣвъ. Вотъ жги, урви, говори,
По Макарьевской удала голова.
Ты куда, куда купчикъ, идешь,
Куда, хватикъ, пробираешься?
Припѣвъ.
Я иду, иду въ Кунаево село,
Во веселую Шмуратовку.
Припѣвъ.
Во веселую Шмуратовку
Ко молоденькимъ цыганочкамъ.
Припѣвъ.

Тамъ цыганочки умѣютъ ворожить,
Надо денежекъ на ручку положить.
Припѣвъ.
Хорошо цыганки пѣсенки поютъ,
Того лучше съ купцовъ денежки берутъ.
Припѣвъ. { Вотъ жги, урви, говори,
{ Того лучше съ купцовъ денежки берутъ.

— —

Ст. Магнигная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Казачка.

Посѣю лебеду на берегу, (2 раза)
Свою крупную разсадушку,
Свою крупную зеленую.
Пригорѣла лебеда безъ дождя, (2 раза)
Моя крупная разсадушка,
Моя крупная зеленая.
Пошлю казака по воду, (2 раза)
Ни воды нѣтъ, ни казаченьки. (2 раза)
Кабы молодой мнѣ ворона коня, (2 раза)
Я бы вольная казачка была. (2 раза)
Скакала бы, плясала по лугамъ, (2 раза)
По зеленыимъ дубравушкамъ (2 раза)
Съ оренбургскимъ молодымъ казачкомъ, (2 раза)
Съ разудалымъ добрымъ молодцомъ. (2 раза) [1]).

Ст. Нижнеозерная, 1901 г., казакъ Дмитрій Полѣсовъ. Ст. Оренбургская, 1904 г., сотникъ Г. Н. Качалинъ.

Кучерявый Иванъ.

Не лѣсъ трещитъ, не комаръ пищитъ—
Еще кумъ да съ кумой судака тащитъ. (2 раза)

[1]) Ср. Мякушина стр. 150.

Ты юшечка, ты петрушечка!
Свари, кума, судака, чтобы юшка была. (2 р.)
Ты юшечка, ты петрушечка!
Кучерявый Иванъ моя душечка. (2 раза)
Кучерявый Иванъ на капусткѣ бывалъ,
Молодую дѣвчоночку поливать заставлялъ: (2 р.)
«Ты гони-ка, гони, волового быка,
Чтобъ капустка моя головаста была, (2 раза)
Головастая и кубастая,
Молоденьки(іе) хлопчики женихастые». (2 раза)
Какъ за рѣченькой, за Кубанушкой,
Тамъ гуляла дѣвчоночка со милымъ казачкомъ,
Съ молодымъ казачкомъ, съ нимъ играючи [1]).

Ст. Оренбургская, 1905 г., казачка Анна Ивановна Батюшкина.

Встрѣча казака.

Ты, Настасья, ты, Настасья,
Отворяй-ка ворота,
Отворяй-ка ворота
Да пропускай-ка казака.—
Я бы рада отворила,
Буйный вѣтеръ въ лицо бьетъ,
Буйный вѣтеръ въ лицо бьетъ,
Кудри-виски разовьетъ.
Вы подайте гребешки
Расчесать кудри-виски:
Я пойду гулять въ лужки.
Любо, любо да люли.

Ст. Устьуйская, 1901 г., урядникъ Т. К. Шаминъ; сообщилъ подъесаулъ Н. С. Головинъ.

[1]) Ср. Бигдая вып. XII стр. 938.

Желаніе выпить по чарочкѣ.

Застучи, моя дубинка,
Да заиграй, моя волынка.
Любо, любо, любо, любо,
Заиграй, моя волынка.
Намъ бы по чарочкѣ горілки,
Да мы съ горілки веселеньки.
Припѣвъ.
Мы бы пьяны напилися
Да вдоль по улицѣ прошлися.
Припѣвъ.
Травку-муравку притоптали
Да трое чоботовъ стоптали.
Припѣвъ.
Чобъ, чобъ, чобъ, чоботочки,
Да здравствуй, милые дружочки.
Припѣвъ.
У насъ дома нездорово,
Да свекоръ съ печки свалился.
Припѣвъ.
Свекоръ съ печки свалился
Да за комодъ завалился.
Любо, любо, любо, любо,
Да за комодъ завалился.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Объясненіе въ любви.

Не ходи, козелъ кудрявый,
Мимо мово саду!
Не топчи, козелъ кудрявый,
Духовую мяту!
Я не для тебя садила,
Не для тебя поливала,
Я садила, поливала,
Кого даровала;

Цѣловала, миловала
Парня холостого.
Надоскучило младенькой
По травкѣ ходити,
Мнѣ по травонькѣ ходити,
Будешь ли любити?
—Люблю, люблю, моя радость,
А ты все не вѣришь.—
Вѣрю, вѣрю, мой миленькій,
Завсегда жалѣю,
Я на розовый букетикъ
Дружка не смѣняю [1]).

Ст. Оренбургская, 1903 г., казачка Елена Батюшкина.

Бѣлъ козелъ промѣненъ на дорогой товаръ.

А батюшка бѣлъ козелъ!
Вскочилъ козелъ въ огородъ;
Онъ лукъ, чеснокъ весь примялъ,
Капустоньку приломалъ.
Возьму козла за рога,
Поведу козла на базаръ,
Я смѣняю на товаръ,
На тотъ товаръ дорогой:
На бѣлыя бѣлила,
На черныя сурмила.
На ту пору—мужъ на дворъ.
—Что ты, женушка, бѣла?—
Отвѣтъ мужу я дала:
Муку, сударь, сѣяла.—
Что ты, женушка, румяна?—
Передъ пыломъ стояла.—

[1]) Ср. Извѣстія Оренбургскаго отдѣла вып. 14, стр. 113.

Что, женушка, бровь черна?—
За челышко хватилась.

Записана въ 1888 году въ станицѣ Нижнеозерной войсковымъ старшиною Н. К. Бухаринымъ.

Танецъ «голубецъ».

Голубь, голубецъ, голубь сизенькій,
Сизенькій, сизокрыленькій!
Ужъ ты гдѣ, голубь, былъ,
Гдѣ, сизой, спобывалъ?
—Былъ у душечки,
У Катюшечки,
Кати дома не засталъ,
На крылечкѣ простоялъ,
За колечко продержалъ.
Сидитъ моя милая
За дубовыми столами,
Кроитъ милому рубашку;
Искроила два конца,
Не достало рукавца.

Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ.

Танецъ «въ круговую».

Какъ по вешней по тропинкѣ, [1])
По тропинкѣ
Бѣжитъ легонькій дѣтинка,
Ой дѣтинка;
Онъ не легкій, тароватый,
Тароватый, не женатый.
За нимъ бѣжитъ старушонка,
Кричитъ: «Молодецъ, попляшемъ;
Разудалый, потанцуемъ!»

[1]) Въ этой пѣснѣ послѣднія слова каждаго стиха повторяются два раза, какъ это указано на примѣрѣ двухъ стиховъ.

—«Съ тобой ноженьки не носятъ,
Бѣлы руки не щелкаютъ,
Черны очи не моргаютъ».
Какъ по вешней по тропинкѣ
Бѣжитъ легонькій дѣтинка;
Онъ не легкій, тароватый,
Тароватый, не женатый.
За нимъ бѣжитъ дѣвчоночка,
Кричитъ: «Молодецъ, попляшемъ;
Разудалый, потанцуемъ!»
—«Съ тобой ноженьки заносятъ
Бѣлы руки защелкаютъ,
Черны очи заморгаютъ!»

Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ.

Танецъ «въ парочки» (родъ кадрили).

I.

Жигунъ, жигунъ, жигунецъ
Удаленькій молодецъ!
У нашего жигуна
Шёлкомъ шиты рукава,
Опояска драная.
Жигунъ ходитъ по базару,
Жигунъ прянички беретъ,
Жигунъ прянички беретъ,
Краснымъ дѣвушкамъ даетъ.

II.

Я по травкѣ шла,
По муравкѣ шла,
На бѣлъ камешекъ ступила,
Чулокъ, башмакъ замочила.

Мнѣ не жалко башмака,
Жаль бумажнаго чулка:
Башмакъ тятенька купилъ,
Чулокъ милый подарилъ.
Еще милъ, перемилъ,
Душа ягода моя.
Душа ягода моя,
Не садись противъ меня.
Не садись противъ меня,
Не гляди на меня.
—Радъ бы, радъ бы не смотрѣть,
Мои глазки глядятъ,
Полюбить они хотятъ.

III.

Ой, ты Настя, Настенька!..
Походочка частенька,
Выпушка бобровая,
Настя чернобровая!
Выходила Настенька
На красно крылечушко,
Говорила Настенька
Ласково словечушко.

IV.

У людей-то жены —
Лебедушки бѣлы;
У меня жъ стерва жена
Не обрядливая,
Не снарядливая,—
Насорила сору
По бѣлому полу
До дубовыхъ лавокъ,
До красныхъ окошекъ.

На мое-то горе
Наѣхали гости,
Взяли всѣ по горсти.
Одна гостья умная,
Умная—разумная,
Къ полу припадала
Сору нагребала:
«Молодушка матушка!
У насъ такъ не водится:
Соръ возомъ не возится;
У насъ такъ ведется:
Вѣничкомъ метется,
Вѣничкомъ кладется».

V.

Никогда тоски не бывало, [1])
Не бывало, не бывало, не бывало;
Какъ вечоръ тоска нападала,
Нападала, нападала, нападала.
Всю я ноченьку не спала,
У тесовой кровати простояла,—
Я своего милаго поджидала;
Я насилу его дождалася.
Я не ласточкой бросилася,
Не касатою обвилася;
Ко комодичку подходила,
Я побольше графинчикъ выбирала,
Я поменьше стаканчикъ наливала,
Я своему милому подавала:
«Ужъ ты пей, мой милый, не пропейся,
На меня, на красну дѣвку, не надѣйся:
У меня, у красной дѣвки, много горя:
Мой-то батюшка спитъ съ похмелья,

[1]) Послѣднее слово каждаго стиха этой пѣсни повторяется три раза, какъ это указано на примѣрѣ двухъ первыхъ стиховъ.

Моя матушка съ перепою,
Съ перепою великаго».

VI.

Запилъ Ванька, загулялъ,
Самъ руками замахалъ,
Головушкой закачалъ,
Соловейкомъ засвисталъ:
«Соловей, мой соловей,
Соловей молоденькій,
Голосочекъ тоненькій!
Соловей, куда летишь,
Ты куда сполетишь?»
— «На родимую сторонку,
На угожія мѣста,
На угожи, на пригожи,
Гдѣ ракитовы куста».
Кабы кустичекъ не милъ,
Соловей гнѣздо не вилъ,
Дѣтонекъ не выводилъ;
Кабы дѣвица мила,
Взялъ бы замужъ за себя,
Изукрасилъ бы тебя,
Купилъ ситчику на платье,
А на шею жемчужокъ,
На головушку платокъ,
Во косу ленту цвѣтокъ,
Въ ушки серьги жемчужны,
А на ножки башмачки
Сафьяненькіе!...

Челябинскій уѣздъ, 1894 г., А. Завьяловъ.

Поляночка. A_1.

Во зеленомъ во саду
Сидитъ пташка на дубу;
Хорошо пташка поетъ,
Славно, весело живетъ.
Пой, пой, воспѣвай,
Тоску-горе забывай:
Если пѣсенокъ не пѣть,
Хлѣба-соли не имѣть,
Нарядnымъ не ходить,
Про любовь не говорить.

—

Ахъ ты, полька-полянка,
Поляночка моя!
Ужъ гдѣ ты, поляночка,
Погуливала?
Слыхомъ не слыхать
И видомъ не видать.
Стосковалась, сгоревалась
Поляночка во селѣ.
Всѣ дѣвушки—врядъ,
Всѣ подружки говорятъ.
Не дивуйтеся, подружки,
На мое веселье:
Не одна я пришла,
Со милымъ дружкомъ,
Со милымъ дружкомъ,
Съ оренбургскимъ казакомъ.

—

Казакъ, казачокъ,
Казакъ миленькій дружокъ.
Казакъ скачетъ, казакъ пляшетъ,
Казакъ пѣсенки поетъ,
Казакъ пѣсенки поетъ,
Себѣ честь воздаетъ.
У казака съ вечера
Курочка испечена;

У казака на зарѣ
И курочка на столѣ;
У казака къ свѣту,
Ничего-то нѣту. [1])

Ст. Нижнеозерная, 1907 г., вахмистръ Степанъ Ильичъ Ситниковъ.

A_2. Во зеленомъ во саду
Сидитъ пташка на кусту.
Хорошо пташка поетъ,
Она весело живетъ.
Пой, пой, воспѣвай,
Печаль-горе забывай:
Если пѣсенокъ не пѣть,
Хлѣба-соли не имѣть,
Съ нарядной не ходить,
Про любовь не говорить.
Любовникъ не смолчалъ,
Пива, меду закричалъ.
Загремѣла тутъ музыка,
И я сверху запѣлъ:
Полянка, полянка,
Дѣвчоночка моя,
Еще гдѣ жъ ты, молоденька,
Спогуливала.
Не слыхать, не видать,
Что ни чуть про нее.
Стосковалась, сгоревалась
Дѣвчонка во селѣ,
И сейчасъ моя милая
Появилась на дворѣ.

[1]) Ср. Желѣзновы стр. 115—116 и Мякушина стр. 149.

Всѣ кумушки—въ рядъ.
Всѣ подружки говорятъ.
Не дивуйтеся, подружки,
Не одна сюда пришла,
Я—со милымъ со дружкомъ,
Съ оренбургскимъ казакомъ.
У казака съ вечера
Курочка испечена,
У казака на зарѣ
И бутылка на столѣ,
У казака къ свѣту
Ничего ужъ нѣту.

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Казынька.

Казынька-казачокъ,
Казакъ миленькій дружокъ,
Не я тебя поила,
Не я тебя кормила,
На ножки поставила,
Танцовать заставила.
Коротеньки ножки,
Сафьяны сапожки . . .
Дѣлай!!!

Мякушинъ стр. 149.

Неурядливая жена.

Чужи жены лапушки,
Да бѣлыя лебедушки,
А моя курва жена
Неурядливая.
Три дня избу не топила,

Всю недѣлю не мела,
Всю недѣлю не мела,
Да полно сору нагребла:
По бѣлыя лавки,
По красны окошки.
На мое-то горе,
На мое-то несчастье
Наѣхали гости,
Всѣ взяли по горсти.
Одна гостья умна,
Другая разумна
Къ полу припадали
Да сору нагребали,
Сору нагребали
Да во сѣни носили.
Выйду я во сѣни,
Выйду во новыя,
Выйду я во новыя,
Ударю въ ладони.
Свекоръ, свекоръ батюшка,
Да свекровушка матушка,
Пожалуйте сани
И пару лошадокъ
Сору повозити,
Сноху пожурити.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Комаръ.

Полетѣлъ-то комаръ на село-то,
Еще сѣлъ-то комаръ на березу,
Полетѣлъ-то комаръ на дубочки,
Свернулъ свою головушку подъ листочки.
Отколь не взялась сильна буря,
Комарика съ дуба сдула,

Упалъ-то комаръ на помостикъ,
Онъ побилъ, поломалъ свои кости,
Повыломалъ рученьки работящи,
Повывихалъ ноженьки походящи,
Изломалъ-то пику превелику.
Тутъ ѣхали бояре, генералы,
Они думали думу, гадовали,
Стали думать и гадать,
Гдѣ комара спуховать.
Схоронили его въ чистомъ полѣ близъ дороги.
Тутъ шелъ-то, прошелъ, чинъ полковничекъ
Еще что тутъ лежитъ за покойничекъ?
Тутъ убитъ-то лежитъ комарище,
Стараго войска казачище,
Старой мухи женишище.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Ф. Ефимовъ.

Казачья жена.

Бѣлолица, круглолица,
Красная дѣвица,
Во всѣ щечки румянчики
Завсегда играютъ,
Холостого, молодого
Парня прельщаютъ.
Одинъ молодецъ удалой,
Дѣвушкамъ знакомый,
Часто по лугу гуляетъ,
Травку приминаетъ.
Онъ травыньку приминаетъ,
Дороженьку ищетъ,
Не нашелъ пути-дорожки
Къ сударкѣ къ окошку.
Выходила разлапушка
На красное крылечко,

Говорила разлапушка
Ласково словечко:
«Не стой, милый, у крылечка,
Не терзай сердечко,
Не терзай, милый, сердечко:
Ты любишь иную».
— «Люби, люби, черноброва,
Люби, кого хочешь».
Черезъ горы, черезъ долы
Летѣлъ сизой голубь.
Летѣлъ сизенькій голубчикъ,
Какъ изъ лука стрѣла.
По рѣченькѣ по Уралу
Плыветъ селезенька;
Плыветъ утка-селезенька
Тихою водою;
Она тихою водою,
Ураломъ рѣкою.
Скажи, утка-селезенька,
Моему милому,
Моему дружку милому:
Живу сиротою,
Живу, живу сиротою,
Казачьей женою;
Что казачья жена
Завсегда сирота.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Ф. Ефимовъ.

Пастушокъ и дѣвица.

Какъ подъ лѣсомъ, подъ лѣсочкомъ
Да подъ турецкимъ городочкомъ
Долина была,
Она широка.

Какъ на этой на долинѣ,
Какъ по этой по широкой
Пастушокъ пасётъ,
Да стадо стережётъ.
Какъ по этой по долинѣ,
Какъ по этой по широкой
Дѣвица идетъ,
Красная бредетъ.
Она несетъ два вѣночка
Да два лазоревыхъ цвѣточка
Себѣ да ему,
Дружку своему.
На головки вѣнки клала
Да на буйныя положила,
Сама баила,
Да рѣчь говаривала:
«Пастухъ, миленькій дружочекъ,
Не покинь меня,
Не покинь меня,
Да въ лѣсѣ одна».

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Ефимовъ.

Молодёжь.

Полно, Вась, полно, Вась,
Полно, Вася, уймись.
Припѣвъ. { Айли ай,
{ Полно, Вася, уймись. (2 р.)
Полно, Вася, уймись,
Съ красной дѣвкой не водись.
Припѣвъ.
Доведетъ тебя дѣвица
До темной до темницы.
Припѣвъ.

До темной до темницы,
Не видать тебѣ дѣвицы.

Припѣвъ.

Не видать, не видать да не видовати,
Голосочку Дуняшина не слыхивати.

Припѣвъ.

Ты постой, ты постой,
Ты постой, мой дорогой.

Припѣвъ.

Ты постой, ты постой,
На прикрасѣ на такой.

Припѣвъ.

На прикрасѣ, на красѣ,
На высокой на горѣ.

Припѣвъ.

На высокой на горѣ
Стоятъ дѣвки во кружкѣ.

Припѣвъ.

Стоятъ дѣвки во кружкѣ,
Онѣ тужатъ по дружкѣ.

Припѣвъ.

Онѣ тужатъ по дружкѣ
Да по Иванушкѣ.

Припѣвъ.

Иванушка, свѣтикъ мой,
Доведи меня домой.

Припѣвъ.

Доведи меня домой,
До горницы до новой.

Припѣвъ.

До горницы до новой,
До кровати тесовой.

Припѣвъ.

До кровати тесовой,
До перины пуховой.
Припѣвъ. [1])

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

[1]) Пляшутъ и подъ другія пѣсни, напримѣръ: а) «Я по жердочкѣ шла», б) «Я по бережку похаживала», в) «Ой Дуняша, ой Дуняша» (помѣщены въ III-й части на стр. 100, 109 и 129).

ОТДѢЛЪ VI.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

Стихи о смертной памяти.

О коль наше на семъ свѣтѣ
Житіе плачевно.
Коль скоро и коль кратко,
Аки однодневно.
Родимся мы на свѣтъ наги,
Облиты слезами,
Ростемъ въ болѣзняхъ и скорбяхъ,
Случаяхъ печальныхъ.
А что жъ потомъ послѣдуетъ?
Ахъ, страшно сказати!
Смерть люта острымъ серпомъ
Имѣетъ пожати,
А когда и въ кое время,
Никакъ непзвѣстно.
Пріидетъ нощію аки тать,
Возьметъ насъ нечестно,
Поведетъ во гробъ и землю,
Во темныя жилища,
Отдаетъ червямъ и глаголетъ:
«Ѣшьте, вотъ вамъ пища».
Ужель нестрашно ль о семъ слышать,
Бѣдные человѣки?
Простите, вы, простите,
Временные вѣки.
Сколько было на семъ свѣтѣ
Мудрыхъ патріарховъ,
Великаго житія святыхъ іерарховъ,
Македонскій Александръ
Ужасенъ былъ въ мірѣ,

Многихъ царей одолѣлъ
Въ крѣпкой своей силѣ,
Многія царства покорилъ
Славный Киръ, царь перскій,
Цѣлымъ свѣтомъ завладѣлъ
Августъ, кесарь римскій,
Проникнула во всемъ мірѣ
Петра Великаго слава,
Но и тѣхъ сильныхъ царей
Смерть не убоялась,
Яко къ простымъ и нехрабрымъ
Подъ жизнь ихъ подкралась.
Не надѣйтесь, богачи,
На то, что вы богаты:
Не запрутъ васъ отъ смерти
Каменныя палаты.
Не надѣйтесь вы, сильные,
На тщетную силу:
Потѣснитъ васъ лютая смерть
Въ темную могилу.

Ст. Разсыпная, 1905 г., нестроевой старшаго разряда Гавріилъ Гурѣевъ.

Господь-упованье человѣка; земное—тлѣнъ.

$А_1$.

«Слава, слава въ вышнихъ Богу!»
Духъ мой, радостно воспой.
Я стремлюсь къ тому чертогу,
Гдѣ Женихъ Сладчайшій мой.
О, Исусе мой Сладчайшій,
Мнѣ на помощь пріиди;
Всѣхъ благъ міра мнѣ Дражайшій,
Мою душу освяти.
Ты одинъ моя надежда,
Всей душой къ Тебѣ стремлюсь,

Ты покровъ мой и одежда,
Въ скорби я Тобой живлюсь.
О, Пресладкій Искупитель,
Дай Свою мнѣ благодать;
Дѣтства моего Хранитель,
Будь Ты мнѣ отецъ и мать.
Міра прелести, забавы,
Прочь идите отъ меня.
Всѣ вы—лестныя отравы,
Я бѣгу васъ какъ огня.
Славой вѣчной восхищаюсь,
Суеты бѣгу земной,
Ежечасно утѣшаюсь
Той небесной красотой,
Гдѣ святые всѣ соборомъ
И безплотныхъ ликъ духовъ
Воспѣваютъ райскимъ хоромъ:
«Святъ Господь Богъ Саваоѳъ».
Гдѣ въ торжественномъ сіяніи
Богоматерь предстоитъ
И на землю со страданьемъ
И любовію глядитъ.
Духъ и сердце веселятся,
Что Ты, Богъ мой и Отецъ,
И душа туда стремится,
Гдѣ скорбямъ моимъ конецъ.
Я отъ міра удалилась,
Чтобъ достигнуть мнѣ небесъ,
И въ пустыню поселилась,
Не страшась скорбей и слезъ.
Но всечасно я стараюсь
Мыслить только о святомъ,
Славы міра удаляюсь,
Забывая о земномъ.
Одного въ душѣ желаю,
Чтобъ съ Христомъ мнѣ вѣчно жить,

Для Него скорблю, страдаю,
Крестъ Его хочу носить.
На Тебя я уповаю,
Мой Спаситель и Творецъ,
И на помощь призываю,
Твой стремясь носить вѣнецъ.
Я къ Тебѣ, къ Тебѣ подъемлю руки,
Сердце въ жертву приношу
И, терпя земныя муки,
Блага райскаго прошу.
Волею Твоей святою
Укрѣпи меня въ скорбяхъ,
Чтобъ могла душой живою
Веселиться и въ слезахъ.
Ты услышь мой сонъ сердечный
И вонми душѣ моей,
Всемогущій и Предвѣчный,
Милостію утѣшь Своей.
Духъ надеждою живится,
Что подъ кровомъ я Твоимъ,
Сердце все къ Тебѣ стремится,
Не прельщаяся земнымъ.
На Тебя я уповаю,
Мой Спаситель и Творецъ,
И на помощь призываю:
Будь мнѣ благостный отецъ.
Если ты всегда со мною,
Никого я не боюсь,
Подъ Твоей благой рукою
Ничего не устрашусь.
День и ночь въ слезахъ, молитвѣ
Предъ Тобою, Царь, стою,
Помоги мнѣ въ страшной битвѣ
И спаси рабу Свою.
Я сердечными очами
Созерцаю Твой чертогъ

И съ горячими слезами
Предъ Тобой молюсь, мой Богъ.
Все земное, честь и слава,
Что мнѣ пользы можетъ дать?
Для души—онѣ отрава,
Ихъ желаю избѣгать.
Что мнѣ міромъ увлекаться,
Если въ гробъ должно мнѣ лечь?
Для чего тѣмъ заниматься,
Что разрушитъ смертный мечъ?
Все исчезнетъ въ этомъ мірѣ
Какъ трава и цвѣтъ въ поляхъ:
Бѣдный въ рубищѣ, царь въ порфирѣ,
Обратятся оба въ прахъ.
Небомъ должно мнѣ плѣняться
И надеждой въ Бога жить,
Вѣрой въ Бога утѣшаться
И душой его любить. [1])

Ст. Разсыпная, 1905 г., нестр. стар. разр. Гавріилъ Гурѣевъ.

A_2. «Слава, слава въ вышнихъ Богу»,
Духъ мой, въ радости воспой.
Я стремлюсь къ тому чертогу,
Гдѣ Женихъ Сладчайшій мой.
Іисусе мой Сладчайшій,
Мнѣ на помощь пріиди,
Всѣхъ благъ міра мнѣ Дражайшій,
Мою душу освяти.
О, Пресладкій Искупитель,

---

[1]) Стихъ этотъ поется у покойника собравшимися женщинами во время остановки чтеца.

Дай свою мнѣ благодать,
Дѣтства моего Хранитель,
Будь ты мнѣ отецъ и мать.
Міра прелести, забавы,
Прочь идите отъ меня,
И всѣ лестныя отравы,
Я бѣгу васъ какъ огня.
Славой вѣчной восхищаюсь,
Суетой не льщусь земной,
Ежечасно утѣшаюсь
Той небесной красотой,
Гдѣ *съ торжественнымъ сіяньемъ*
Богоматерь предстоитъ
И на землю съ состраданьемъ
И любовію глядитъ.
Духъ надеждою живится,
Что подъ кровомъ я Твоимъ,
И душа туда стремится,
Чтобъ достигнуть мнѣ небесъ.
День и ночь въ слезахъ, въ молитвѣ
Предъ Тобой, мой Царь, молюсь,
Помоги мнѣ въ страшной битвѣ,
И спаси рабу Свою.
Небомъ должны мы плѣниться
И въ надеждѣ въ Бога жить,
Небомъ должны утѣшаться
И душой Его любить.
Небомъ должно мнѣ плѣниться,
Если должно въ гробѣ лечь,
Небомъ должно утѣшаться,—
Насъ разлучитъ смертный мечъ.
Какъ исчезнемъ въ этомъ мірѣ

Какъ трава и цвѣтъ въ поляхъ,
Бѣдный въ *рубѣ*, царь въ порфирѣ
Обратятся оба въ прахъ.

Ст. Магнитная, 1910 г., вдова Лукерья Кузьмовна Арефьева [1]); записалъ урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

Смерть и возмездіе за грѣхи.

Я вчера съ другомъ сидѣлъ,
Нынче смерти зрю предѣлъ.

Припѣвъ: { Горе мнѣ, горе мнѣ,
Горе мнѣ великое.

Вѣрна друга нѣтъ со мной,
Скрылся свѣтъ хранитель мой.

Припѣвъ. [2])

Плоть мою во гробъ кладутъ,
Душеньку на судъ ведутъ.
Милости не будетъ тамъ,
Сколь не миловалъ я самъ.
Мимо царства прохожу,
Горько плачу и гляжу.
Царство—свято, домъ—святой,
Грѣшныхъ не пріемлетъ онъ.
Я грѣшно на свѣтѣ жилъ,
Крѣпко Бога прогнѣвилъ.
Всѣ законы преступалъ,
Страшный судъ позабывалъ.
Я не чтилъ отца и мать,
Ихъ старался оскорблять.
Дней воскресныхъ я не чтилъ,
Во грѣхахъ ихъ проводилъ.

[1]) Всѣ двѣнадцать стиховъ духовнаго содержанія, продиктованныхъ вдовой Л. К. Арефьевой, поются въ Магнитной станицѣ при покойникахъ въ долгія ночи.

[2]) Припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Весь я въ пламени стою,
И во вѣки не сгорю.
Смолу и огонь я пью
За прегорду жизнь свою.
Поруганъ не будетъ Богъ,
Всѣхъ Онъ сломитъ гордый рогъ.
По дѣламъ воздастъ всѣмъ Онъ
Нарушающимъ законъ.

Ст. Магнитная, 1910 г., вдова Л. К. Арефьева; записалъ урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

Смерть на чужбинѣ.

Что уныло занываешь
Темнымъ звономъ колоколовъ?
Знать родного провожаешь
Спать въ долинѣ средь гробовъ?
Скоро ль, долго, но съ зарею
Я усну такимъ же сномъ,
Повторим*ши* стихъ прощальный.
«Со святыми упокой».
Ни отецъ, ни мать родные
Не поплачутъ надо мной;
Скоро ль, долго ль, погребальный
Звонъ раздастся надъ главой,
Что на гробъ рука чужая
Кинетъ горсть земли сырой,
И никто моей могилы
Изъ родныхъ не посѣтитъ.
Развѣ чижичекъ уныло
На ней сядетъ, погруститъ,
Или развѣ мимоходомъ
Близъ могилы кто пройдетъ
И, устам*ши*, на земномъ
Дернѣ сядетъ, отдохнетъ.

Никогда друзья былые
Не вспомянутъ обо мнѣ.

Ст. Магнитная, 1910 г., вдова Лукерья Кузьмовна Арефьева; записалъ урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

Бесѣда Христа съ самарянкой.

Еще въ грядущемъ много дѣлъ,
И трудный путь далеко вьется;
Усталый, жаждущій присѣлъ
Спаситель міра у колодца
И попросилъ испить воды
У самарянки, встрѣтясь съ нею,
Хоть зналъ присутствіе вражды
Ея народа съ Іудеей.
«Возможно ль?» молвила она:
«Ты—іудей, твоя страна
Ко мнѣ отъ самаго рожденья
Полна вражды и отвращенья;
И ты забылъ святой завѣтъ?»
Но Іисусъ сказалъ въ отвѣтъ:
«Когда бъ ты знала, Чья здѣсь сила,
И Кто бесѣдуетъ съ тобой,
Сама бъ воды ты попросила,
И Онъ бы далъ воды живой.
Кто пьетъ Мою живую воду,
Тотъ не возжаждетъ никогда,
И благо вѣрному народу,
Кому дана сія вода».

Ст. Магнитная, 1910 г., вдова Л. К. Арефьева; записалъ урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

Распятіе Христа.

На горѣ то было на Сіонскою,
Стоитъ церковь соборная,
Соборная богомольная.
Во той церкви—Матерь Божія.
Прилетали къ ней два ангела.
Богородица стала спрашивать:
«Ужъ вы, ангелы, вы, архангелы,
Вы куда вечóръ поздно летали?»
—«Ужъ мы летали на Сіонъ гору;
Ужъ мы видѣли диво дивное:
Какъ жиды Христа на крестѣ распяли,
Ручки-ноженьки гвоздьми прибили,
Ребра Христу копьемъ пробили,
Святую кровь Христа пролили.
Совершилося чудо чудное:
Мать сыра земля потряслася,
Во церквахъ врата отворилися,
На нихъ занавѣсы раздиралися,
И померкъ, померкъ весь вольный свѣтъ,
Часты звѣздочки всѣ посыпались».

Ст. Магнитная, 1910 г., вдова Лукерья Кузьмовна Арефьева; записалъ урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

Воскресеніе Христа.

Спитъ Сіонъ, и дремлетъ злоба,
Спитъ во гробѣ Царь царей,
За печатью камень гроба,
Всюду стража у дверей.
Ночь нѣмая садъ объемлетъ.
Стража грозная не спитъ,
Чуткій слухъ ея не дремлетъ,
Зорко вдаль она глядитъ.
Ночь прошла. На гробъ Мессіи

Съ ароматами въ рукахъ
Шли печальныя Маріи.
Безпокойство въ ихъ чертахъ,
И тревога ихъ печалитъ,
Кто могучею рукой
Тяжкій камень имъ отвалитъ
Отъ пещеры гробовой?
И глядятъ—дивятся обѣ —
Камень сдвинутъ, гробъ открытъ,
И какъ мертвая при гробѣ
Стража грозная лежитъ;
А во гробѣ, полномъ свѣта,
Кто то чудный, неземной,
Въ ризы бѣлыя одѣтый,
Сѣлъ на камень гробовой.
Ярче молніи блистанья
Блескъ небеснаго лица!
Въ страхѣ вѣстницы возстанья,
И трепещутъ ихъ сердца!
«Что вы, робкія, въ смятеньи?»
Имъ сказалъ пришлецъ святой:
«Съ вѣстью мира и спасенья
Возвращайтеся домой!
Я ниспосланъ Небесами,
Вѣсть я чудную принесъ:
Нѣтъ живого съ мертвецами,
Гробъ ужъ пустъ, Христосъ Воскресъ!»
И спѣшатъ оттуда жены,
И съ восторгомъ ихъ уста
Проповѣдуютъ Сіону
Воскресеніе Христа.

Ст. Магнитная, 1910 г., урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

Б. Ужъ былъ лазурный небосклонъ
Восходомъ солнца озаренъ,
Когда, купивши ароматы,
Три мироносицы жены
Прошли весь городъ сномъ объятый:
Вотъ гробъ Господенъ... Но онѣ
Узрѣли камень отваленный,
И ангелъ свѣтомъ озаренный
Сидѣлъ у гроба въ сторонѣ.
«Не ужасайтесь», онъ замѣтилъ:
«По волѣ Господа небесъ,
Изъ мертвыхъ радостенъ и свѣтелъ
Христосъ воистину воскресъ!»

Ст. Магнитная, 1910 г., вдова Л. К. Арефьева; записалъ урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

Сошествіе Духа Святого на апостоловъ.

Господь вознесся... Въ жизни новой
Дни незамѣтно пронеслись,
Когда апостолы Христовы
Единодушно собрались.
И вдругъ раздался шумъ въ лазури
Отрадно-ласковыхъ небесъ,
Какъ будто то шумѣлъ отъ бури
Вдали дремучій темный лѣсъ.
И не могли въ нѣмомъ смущеньи
Ему внимать ученики,
И огневые въ то мгновенье
На нихъ спустились языки.
Свершилось чудо Божьимъ словомъ!
И Духъ Святой наполнилъ ихъ,

И всѣ они нарѣчьемъ новымъ
Заговорили въ этотъ мигъ.

Ст. Магнитная, 1910 г., вдова Лукерья Кузьмовна Арефьева; записалъ урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

Стихъ Вознесенію Господню

Наступилъ по воскресеніи
Вознесенія день святой,
И Христосъ друзей избранныхъ
Взялъ на Еліонъ съ собой.
На горѣ Христосъ молился,
Всѣхъ крестомъ благословлялъ
И послать Святаго Духа
Отъ Отца намъ обѣщалъ.
Онъ особенно молился
О своихъ ученикахъ,
Всѣхъ благословилъ, вознесся
И сокрылся въ облакахъ.
Всѣ апостолы съ печалью
Устремили къ небу взоръ
И стояли неподвижно
Въ размышленьи до тѣхъ поръ,
Какъ два ангела, блистая
Одѣяніемъ своимъ,
На горѣ святой явились
И заговорили къ нимъ:
«Мужи, что вы здѣсь стоите,
Устремивъ взоръ къ небесамъ?
Іисусъ Христосъ въ день страшный
Вновь придетъ на землю къ вамъ.
Онъ введетъ людей всѣхъ добрыхъ
Въ свѣтлый царственный чертогъ,
Гдѣ во свѣтѣ пребываетъ
Тридневный, вѣчный Богъ».
И апостолы Христовы.

Возвратились всѣ домой,
Здѣсь они молились Богу,
Чтобъ пришелъ къ нимъ Духъ Святой.
А Христосъ сѣлъ на престолѣ,
Одесную близъ Отца,
Бога Господа, Владыки,
Всемогущаго Творца.
Всѣ на небѣ прославляли
Побѣдителя враговъ,
Воспѣвая велегласно
Божью новую любовь.
А Христосъ святыя раны
Своему Отцу явилъ
И крестомъ своимъ
О спасеніи всѣхъ молилъ:
«Отче Праведный, Святѣйшій,
За людей я крестъ подвигъ
И ходатаемъ о мірѣ
Предъ тобою днесь предсталъ.
Отпусти всѣ согрѣшенья
Добрымъ любящимъ дѣтямъ,
Тѣмъ, кто будетъ поклоненье
Совершать моимъ страстямъ,
Кто съ любовью въ сердцѣ будетъ
Весь мой крестъ изображать,
Тѣмъ пошли на помощь Духа
Всесвятаго благодать.
А по смерти имъ святыя
Двери рая отвори
И въ обителяхъ блаженныхъ
Ихъ навѣки водвори.
Пусть займутъ мѣста на небѣ
Всѣхъ погубленныхъ духовъ
И познаютъ совершенно
Божью вѣчную любовь».
Поклоняемся, Владыко

И Царю, твоей любви.
Ты же силой, благодатью крестной
Насъ благослови,
И подай намъ въ помощь
Духа Всесвятаго благодать,
Чтобъ могли мы крестъ Твой
Воспѣвать, изображать,
И съ крестомъ къ Тебѣ явиться
Послѣ смерти на тотъ свѣтъ,
Гдѣ должны дать предъ Тобою
О дѣлахъ своихъ отвѣтъ».

Ст. Разсыпная, 1905 г., нестр. стар. разр. Гавріилъ Гурѣевъ.

Христіанка.

Прошли минуты заблужденья
И скорби тягостной полна
Вдали отъ всѣхъ, въ уединеньи,
Спасенья жаждала она.
Въ пустынѣ зноемъ опаленной,
Среди угрюмыхъ темныхъ скалъ,
Отъ жизни пошлой монотонной
Исхода взглядъ ея искалъ.
Былъ этотъ взглядъ небесно чуденъ,
Была полна молитвой грудь,
Но неизвѣстенъ, тяжекъ, труденъ
Былъ ко спасенью длинный путь.
Она спаслась! Въ нѣмомъ покоѣ
Она мечтала объ иномъ
И, все покинувши былое,
Пошла за Господомъ Христомъ.

Ст. Магнитная, 1910 г., вдова Л. К. Арефьева; записалъ урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

Господь хранитель.

Боже, зри мое смиренье,
Зри мои плачевны дни,
Зри мое ты огорченье
И меня не обвини.
О, я, смертная тварь, дерзлива!
Сердце утверди въ законѣ.
Ты мой, Боже, мой хранитель!
Ты отъ бѣдъ меня избавишь
(Сколь избавилъ человѣкъ!)
И на путь меня наставишь,
И храни меня во вѣкъ.

Ст. Магнитная, 1910 г., вдова Л. К. Арефьева; записалъ урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

Господь даетъ миръ душѣ страдальцевъ.

Къ Твоей Святынѣ я принесъ,
О мой Господь, мои страданья,
Во дни поста и покаянья,
Во дни прощенія и слёзъ.
Съ мольбой къ ногамъ Твоимъ припалъ
И я, обиженный судьбою;
Ты звалъ страдальцевъ за Собою,
Ты миръ душѣ ихъ обѣщалъ.
Молитвы краткое сіянье...
Душа печальна, но свѣтла...
Коснулось Божіе дыханье...
Въ Тебѣ покой, въ Тебѣ отрада...
О пусть душа моя чиста,
Горитъ, какъ блѣдная лампада,
У ногъ распятаго Христа.

Ст. Магнитная, 1910 г., вдова Л. К. Арефьева; записалъ урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

Пѣснь Богородицѣ.

Пасли пастухи овецъ на горѣ,
Видѣли Царицу неба на скалѣ.
На той скалѣ стопку знать,
Гдѣ стояла Божія Мать.
Тамъ вѣрные воду берутъ
И, какъ святыню, въ домахъ берегутъ.
Пречистая, Избранная отъ всѣхъ родовъ
Спасла обитель свою отъ злыхъ враговъ.
Въ Почаевѣ, гдѣ Ея икона,
Много творитъ Она выше закона.
Она всѣхъ удивила,
Какъ турокъ побѣдила.
Изъ города Зборжа въ Почаевъ пришли,
Много христіанъ тамъ нашли.
О томъ, чтобы ихъ изъ него изгнати
И всѣхъ въ плѣну удержати,
Турки совѣтъ излагаютъ
И всѣ единогласно рѣшаютъ.
Во вторникъ рано брамы [1]) обступили,
У инока главу мечомъ отрубили.
Онъ, взявъ, несетъ свою главу,
Матери Божіей даетъ хвалу.
Передъ образомъ паде,
Духъ свой предаде.
А въ монастырѣ плачутъ и рыдаютъ,
Руци возносятъ, а къ землѣ припадаютъ:
«Умилосердися, Дѣво Мати,
Не даждь намъ погибати
Въ несчастной долѣ,
У турокъ въ неволѣ».
И се за день изъ турецкаго царства
Сталъ въ Почаевѣ чернецъ изъ рабства
Матерь Божію ублажати,
Чтобы соизволила разогнати

[1]) «Брамы»—ворота.

Злыхъ басурмановъ,
Магометановъ.
Божія Мати всѣмъ себя явила
И омофоромъ вѣрныхъ покрыла:
«Не бойтеся, христіане,
Не возьмутъ васъ басурмане
Во свои руки,
Въ тяжкія муки».
Іовъ Желѣзо предъ Маріею
Сталъ по выходѣ со хартіею,
Проситъ, молитъ Монархиню:
«Не оставляй ту святыню
Ты, Царица наша и Владычица».
Турки, татары смѣло вступаютъ,
На горы стрѣлы, какъ дождь, пускаютъ.
Бѣгутъ, гонятся съ мечами,
Имѣютъ луки за плечами,
Но всѣ стрѣлы ихъ назадъ летѣли.
Крикнулъ на войско турецкій паша:
«Всѣ мы погибли, не доля наша,—
Стрѣлы обратно на насъ вертаютъ
И насъ самихъ убиваютъ
Такъ, все это я вижу».
Съ нимъ турки всѣ дивовали,
Такого чуда еще не видали.
«Знать, небесныя силы
На полки наши наступили,
Насъ прогоняютъ и убиваютъ.
Вы, христіане—турокъ пытаетъ—
Что это за госпожа на горѣ сіяетъ?
За нею войско съ мечами и бунчуками
Нейдетъ землею, но облаками,
И грозно на насъ наступаетъ».
А христіане такъ имъ сказали:
«То Матерь Божія со началы.
Ея образъ въ монастырѣ

Славенъ, чуденъ въ Божьей силѣ,
Юже маетъ и всѣмъ являетъ».
Воплемъ великимъ всѣ закричали,
Божію Матерь «божкомъ» называли.
«На повѣтру стоитъ «божко»,
Съ нимъ пришло много войска,
Неволя наша — забитъ паша».
Всѣ басурмане съ мѣста рушаютъ,
Съ коней падаютъ, головы ломаютъ,
Съ Почаева утекаютъ
И плѣнныхъ оставляютъ.
Маріи сила страшна имъ была.
О, Мати Бога Всемогущаго, Царица,
Мы предъ Тобою падаемъ на лица.
Пребудь въ помощь и въ часъ смерти.
Не дай въ грѣхахъ намъ умерети.
Представительница и всѣхъ Заступница,
Подъ Твою милость прибѣгаю.
Богородица Дѣво, моленій нашихъ
Не презри въ скорбяхъ,
Но отъ бѣдъ избави насъ,
Едина чистая и благословенная [1]).

Ст. Разсыпная, 1905 г., нестр. стар. разр. Гавріилъ Гурѣевъ.

Молитва Пресвятой Матери.

Къ тебѣ, о Матерь Пресвятая,
Я вознесу свой скорбный гласъ,
Лицо слезами умывая.
Услышь меня въ сей скорбный часъ,
Прими теплѣйшее моленье,
Отъ бѣдъ и золъ меня избавь,

[1]) Чудесное избавленіе Почаевской обители отъ нашествія турокъ произошло въ 1675 году во время Збаражской войны.

Пролей мнѣ въ сердце умиленье,
На путь спасенія наставь.
И ты, прибѣжище несчастныхъ,
Всегда молитвенница намъ,
Ты защити меня ужасно,
Умилосердись надо мной,
Когда закроетъ вѣчность время,
Гласъ трубный мертвыхъ воскреситъ,
И книга совѣсти въ то время
Грѣхи мои изобличитъ.

Ст. Магнитная, 1910 г., вдова Лукерья Кузьмовна Арефьева; записалъ урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

Плачъ Іосифа Прекраснаго.

Кому повѣмъ печаль мою,
Кого призову ко рыданію.
Токмо Тебѣ, Владыко мой,
Извѣстна Тебѣ печаль моя,
Моему Творцу, Создателю
И всѣхъ благихъ Подателю.
Буду просить я милости
Отъ всея моея крѣпости.
Кто бы мнѣ далъ источникъ слезъ,
Я плакалъ бы и день и ночь:
Рыдалъ бы о грѣхахъ своихъ,
Проліялъ бы слезы отъ очію
Аки рѣки едемскія,
Погасилъ бы я огонь геенскій.
Буду просить я милости
Отъ всея своея крѣпости.
Кто бы мнѣ далъ голубицу,
Вѣщающую бесѣдами.
Послалъ бы ее ко Іакову,
Отцу моему Израилю.

Отче, отче Іакове,
Святый мой Израилю,
Пролей слезы ко Господу
О своемъ сынѣ Іосифѣ.
Твои дѣти, моя братья,
Продаша меня въ ину землю,
Исчезнуша мои слезы
О моемъ съ тобою разлученіи.
Умолкнула гортань моя,
И нѣсть того, кто бъ утѣшилъ мя.
Земле, земле, возопившая
Ко Господу за Авеля,
Возопій нынѣ ко Іакову,
Отцу моему Израилю.
Видѣвъ же гробъ своей матери
И слезы струями явилися.
Виждь, мати моя, Іосифа,
Возстань скоро ты изъ гроба,
Твое чадо любимое
Ведомо есть погаными.
Братья моя продаша мя.
Иду же къ нимъ въ работу я,
А мой отецъ не вѣсть сего,
Что сынъ нынѣ лишенъ его.
Отверзи гробъ, моя мати,
Пріими нынѣ свое чадо,
И будетъ твой гробъ тебѣ и мнѣ,
Умру нынѣ я горше здѣ.
Пріими, мати, плачъ горькій
Отъ отца моего разлученнаго.
Внуши, мати, плачъ горькій,
Мой жалостный гласъ тонкій.
Плачевный виждь образъ мой,
Пріими, мати, скоро во гробъ свой.
Не могу болѣе плакати,
Врази хощутъ заклати мя.

Рахиль, Рахиль, ты слышишь ли?
Сердечный плачъ ты пріимлешь ли?
Призывалъ я много Іакова,
Не слышитъ онъ моего гласа.
Зову нынѣ къ тебѣ, мати,
Держатъ мене супостаты.
Помози, мати, лишенному,
Своему сыну любезному.
Смутилися поганіи,
Купцы злiи, агаряне.
Не лей чары, Іосифе,
Не веди въ печаль господей своихъ.
Прободемъ тебя на семъ мѣстѣ,
Погубимъ злато, за тя данное.
Тогда купцы повѣрили,
Дряхлость въ лицѣ увидѣли.
«Скажи намъ, рабъ Іосифе,
За что ты проданъ въ работу къ намъ?
Тѣхъ ли ты рабъ или плѣнникъ,
Или какой отъ сродникъ ихъ?»
Іосифъ же смиренный,
Глаголы вѣща умиленные:
«Я ни рабъ, ни плѣнникъ ихъ,
Но любезный сынъ Израилю.
Пастуси же суть моя братія,
Вся единаго отца есмы.
Посланъ я былъ отцемъ моимъ
Донести миръ къ братіямъ своимъ.
Они же меня вамъ продали,
Въ работу вѣчно отдали».
Купцы рекоша Іосифу:
«Не плачь ты, юноша прекрасный,
Нѣсть ты намъ рабъ, но буди братъ,
Въ великой славѣ будешь тамъ».
Послали вѣсть ко Іакову,
О своемъ братѣ Іосифѣ.

«Отче, отче Іакове,
Сія риза твоего сына.
Нашли ризу Іосифа,
На горахъ лежитъ повержена,
Которую послахомъ ти,
А Іосифа нельзя найти.
Въ печали же мы всѣ о немъ,
Горькія слезы и ты пролей.
Познай ризу, его ли есть?
А Іосифа нигдѣ же нѣсть».
Видѣвъ Іаковъ въ крови ризу,
Повергъ себя лицемъ книзу,
Возопи съ плачемъ и рыданіемъ
И горькимъ своимъ стенаніемъ:
«Риза аки моего сына
Прелюбезнаго Іосифа.
Увы, увы, Іосифе,
Утроба моя вожделенная,
На что не съѣлъ меня той звѣрь,
Токмо бы ты, сынъ мой, былъ живъ.
Не хощу больше на свѣтѣ жить,
По Іосифѣ въ печали быть.
Чадо мое прекрасное,
Вина я бысть твоей смерти.
Убихъ, чадо, пославый тя
Видити стадо и братію.
Восплачуся я и возсѣтую,
Чадо мое бысть мертвое.
Ризу твою, Іосифе, положу
Предъ ся, возлюбленне.
Твоя риза, Іосифе,
На инъ умъ приводитъ мя,
Которая вся цѣла, не вредилъ
Звѣрь золъ твоего тѣла.
Растерзалъ бы звѣрь твою ризу,
Повергши злѣ съ тобой книзу.

На твоей ризѣ не быстъ признакъ,
Токмо единъ твой зракъ.
Умру, чадо, съ печалію,
Не хощу зрѣти сего свѣта.
Съ плачемъ моимъ во адъ пойду
И тамъ тебе, сыне, найду».
Продали купцы Іосифа
Во власть царя египетскаго,
Служитъ князю невѣрному,
Пантефрію поганому.
Взяли цѣну премногую
Въ дому его быть хранителемъ.
Порученъ бысть весь домъ ему,
Въ пріятность всѣмъ рабомъ его.
Злая жена Пантефріева
Прельстить его умыслила,
Всегда себя украшала.
Разныя ризы надѣвала,
Любовь свою объявляла,
Блуднымъ словомъ отвѣщала.
Дерзни на мя, прекрасный рабъ,
И будешь мнѣ сердечный другъ.
Моего мужа не бойся ты,
Къ смерти совѣтъ учинимъ мы:
Отраву дамъ, уморю его
И жизни сея лишу его.
— «Не желаю я любви твоей,»
Іосифъ рече госпожѣ своей.
«Госпоже моя предобрая,
Во нравахъ ты преумная.
Любовь твоя безстыдная,
Души моей повредная,
Веселитъ тебе, госпоже моя,
Погубитъ душу бѣда твоя.
Тѣло свое осквернити,
Сотворшаго прогнѣвати».

Тогда жена безстыдная,
Аки змія вселютая,
Ризы своея совлекшися,
Безстудіемъ облекшися,
На одрѣ своемъ возлежала,
Прекраснаго ожидала,
Насиліемъ удержала,
Возлѣ себе его клала.
Іосифъ же цѣломудренный
Отъ жены тоя зломудренной
Бѣжалъ изъ рукъ сверху книзу,
Воскричалъ крѣпко отъ всего сердца.
Призывалъ въ помощь своего Творца.
«Боже, Боже отецъ нашихъ,
Помози избыть отъ рукъ вражьихъ.
Изми мене отъ сего звѣря,
Не хощу умрети жены дѣля».
Тогда жена безстыдная,
Аки змія всемотая,
Видя себя посрамлену,
Сшиваетъ ложь неправедну.
Вземши ризу, мужу кажитъ,
Не скрытну ложь на него вяжетъ:
«Почто купилъ сего раба
Іосифа, твоего врага,
Жидовина прескверпаго,
Дому сего невѣрнаго.
Съ надеждою власти твоей,
Хотѣлъ явить женѣ твоей насиліе невольное;
Едва могла бѣды тоя
Гонзнуть нынѣ жена твоя».
Дышетъ гнѣвомъ яко ужасъ.
Вѣру поятъ неразумный мужъ
Женѣ своей безстыдницѣ,
Аки лютой лжесловницѣ.
Всадилъ его во темницу

За жену свою скверновицу.
Въ темницѣ той невинные
Два болярина любовные
Того лица пресвѣтлаго,
Фараона, царя великаго:
Виночерпій и хлѣбодаръ.
Гнѣвъ держалъ на нихъ государь.
Въ одну нощь имъ сонъ явися
И большая печаль приложися.
Іосифъ же сказуетъ сонъ
Фараоновымъ онымъ рабомъ.
Хлѣбодару, мужу, быть рабомъ,
Вскорѣ быть ему повѣшену;
Виночерпію въ первой части,
По прежнему во своей власти.
Ему же сталъ молитися
Темничныхъ узъ свободитися.
Воистину не глаголалъ есмь,
Токмо единъ вышній Богъ вѣсть.
Виночерпій же въ несчастіи
О своемъ горѣ и злощастіи
Друга вѣрна имѣлъ его.
Обѣщалъ царю помянуть о немъ.
Въ чести сый забываетъ,
Во темницѣ его оставляетъ.
Іосифъ же смиренный,
Надеждѣ той лишенный,
Печаль свою отдаетъ Творцу,
Любезный сынъ своему Отцу.
Услыша Богъ моленіе
И сердечно его стенаніе.
Темничныхъ узъ свободи его,
Хощетъ всей земли прославить того.
Являетъ сны престрашные
Фараону, царю египетскому.
Виночерпій же Іосифа

Хвалитъ царю преизлиха.
Ему же царь во своемъ горѣ
Предъ собою стать велитъ вскорѣ.
Проситъ его съ почтеніемъ
И съ презельнымъ моленіемъ
Сказати сны престрашные,
Мудрецамъ его ужасные.
Іосифъ же вѣща царю:
«Нынѣ рабъ твой тебѣ молю
Хлѣба купить по всей странѣ,
По всѣмъ градамъ твоей власти,
Будетъ бо гладъ по всей землѣ
И, всяка страна, сіе внемли».
Тогда воста съ престола царь,
Облекъ его въ свою утварь,
Царскій жезлъ ему вручаетъ,
Вторымъ царемъ называетъ.
Князя и боляры увѣдали,
Во всемъ царскомъ дворѣ его,
Іосифа поздравляютъ,
Вторымъ царемъ называютъ,
Мирно житіе провождаютъ,
Іосифа восхваляютъ.
Красну пѣснь ему поютъ,
Богу славу возсылаютъ.
Тому слава и держава
Во вѣки вѣкомъ, аминь.

Ст. Разсыпная, 1905 г., нестр. стар. разр. Гавріилъ Гурѣевъ.

Молитва преподобнаго отца нашего Іосафа, царевича Великія Индіи.

Боже, Отче Всемогущій,
Боже, Сыне Присносущный,
Боже, Душе Параклите,
Многозарный міру свѣте,
Въ тріехъ лицѣхъ пребывая,

Существо си тожде зная.
Къ Тебѣ грѣшный прибѣгаю,
Многи слезы проливаю.
Благоволи мя пріяти,
Еже тебѣ работати,
Донелѣ же даси жити,
Хощу рабъ Твой выну быти.
Тебѣ ради міръ лишаю,
Царство и други оставляю.
Честный вѣнецъ мнѣ въ ничто же
Тебѣ ради, Христе Боже,
Нѣсть ми воля царствовати,
Много богатства содержати.
Во умѣ то вся вмѣняю,
Тебѣ, Христе, подражаю.
Нищъ и убогъ хощу быти,
Да съ тобою могу жити.
Въ лѣсы темны, изъ палаты
Свѣтлы, пду обитати.
Изъ града гряду во пустыню,
Любя зело въ ней густыню.
Да ту единъ обитаю,
Едину Ти работаю.
Да мя сей міръ не прельщаетъ,
Любви къ Тебѣ не лишаетъ.
Ты ми изволь помощь дати
Во пустыни обитати.
Яко Твоя воля будетъ,
Даждь, да Твой рабъ въ ней пребудетъ,
Тебѣ выну работая,
Въ совершенство поступая,
Кромѣ Тебе мнѣ ничто же
Лѣть творити благо, Боже.
Ты сей путь мой самъ направи,
Да живу, Ти Самъ настави.
Вся надежда мя къ Тебѣ,

Ты спаси мя, Живый въ небѣ.
Ты же, дебре и пустыне,
Пріими мя во свою частыню,
Безмятежно въ тебѣ жити,
Богу живу послужити.
Иду внутрь тя обитати,
Ты ми буди яко мати,
Питающи древесъ плоды
И дивіими былій роды.
Сладкія чаши оставляю,
Токовъ твоихъ водъ желаю.
Да отъ тѣхъ могу питати,
Токи отъ очей слезъ точить,
Грѣхи мои омывати,
Бога въ милость преклоняти.
Міра славу, сребро и злато
Тлѣнно имамъ яко блато.
Но точію то ми есть требс,
Что самъ Господь хранитъ въ небѣ.
Того хощу азъ искати,
Скорби и нужды злѣ стралати,
Труды многи положити,
Токмо дабы въ небѣ быти.
Тѣснымъ путемъ итти тщуся,
Да въ пространствѣ водворюся,
Свѣтла неба въ ней же сладость,
Безконечная вся радость.
Звѣрій дивіихъ азъ боюся.
Но на Христа надѣюся,
Яко имать укратити
И подастъ ми мирно жити.
Тѣхъ ми паче умніи звѣри,
Иже страны и злы безъ мѣры,
Ибо душу убиваютъ,
Егда ону въ грѣхъ прельщаютъ,
Но отъ тѣхъ мнѣ спаситель,

Христосъ будетъ защищатель.
Нань же весьма уповаю,
Всего Ему мя вручаю.
Желаю же Варлаама зрѣти,
Дабы купно съ нимъ жити.
Я Варлаамомъ наставляюся
Богу живу и спасуся.
Онъ мя къ Богу примирилъ есть,
Свѣтомъ правды просвѣтилъ есть.
Онъ ми въ жизни вождь да будетъ,
Съ нимъ духъ мой выну пребудетъ.
Съ нимъ въ вѣкъ жити здѣ желаю,
Съ нимъ и по смерти быти чаю.
О даждь, Христе, получити,
Съ Варлаамомъ мнѣ здѣ жити,
И по смерти да съ нимъ Тебѣ
Пою славу въ свѣтломъ небѣ,
Бога Отца величая,
Сына и Святаго Духа прославляя.
Аминь.

Ст. Разсыпная, 1905 г., нестр. стар. разр. Гавріилъ Гурѣевъ.

Райская птичка.

Жилъ юный отшельникъ. Онъ, въ кельѣ молясь,
Священную книгу читалъ углубясь.
Въ той книгѣ прочелъ онъ, что тысяча лѣтъ,
Какъ день, передъ Богомъ мелькнетъ и пройдетъ.
Монахъ впалъ въ сомнѣнье: сталъ думать о томъ,
Какъ тысячу лѣтъ сравнить съ однимъ днемъ.
Не вѣритъ; въ священную книгу глядитъ,
Но видитъ, что въ келью вдругъ птичка летитъ.
Вся блещетъ сіяньемъ, и прелесть для глазъ,
Какъ яхонты перья, а пухъ, какъ алмазъ.
Когда же вдругъ крылья она распахнетъ,

То радугой свѣтъ, то златомъ сверкнетъ.
Прекрасная птичка въ полетѣ легка:
Быстрѣе и легче весны вѣтерка.
Летать ужъ устала, у двери сидитъ,
И радостно юный отшельникъ глядитъ.
Не слышно подходитъ, молчитъ, не дохнетъ,
Лишь только схватить ужъ, а птичка спорхнетъ.
Она отъ него, а отшельникъ за ней,
И вотъ онъ изъ кельи выходитъ своей.
Идетъ за ограду, и полемъ идетъ,
А птичка тоскуетъ, какъ будто зоветъ,
Туда и сюда надъ цвѣтами кружась,
Какъ звѣздочка въ воздухѣ свѣтитъ, носясь.
Но вотъ монастырь за пригорокъ исчезъ.
А инокъ за птичкой идетъ въ чащу древесъ,
И съ вѣтки на вѣтку все птичка впередъ
Порхаетъ, летаетъ и сладко поетъ,
На дуба вершину присѣла она,
И пѣньемъ чудеснымъ вся роща полна.
Растроганный сердцемъ, въ восторгѣ душой,
Внимаетъ безмолвно монахъ молодой,
И лишь, наслажденье боясь потерять,
Звукъ каждый онъ ловитъ и жаждетъ внимать.
Забылся, отрадно забвенье его.
Не слышитъ, не видитъ вокругъ ничего.
Вдругъ пѣнье умолкло, опомнился онъ.
Гдѣ жъ птичка пѣвица? Исчезла какъ сонъ.
А птичка взвилася, какъ будто стрѣла,
И въ небѣ сокрылась была-не была.
Вздохнулъ добрый инокъ и въ келью спѣшитъ,
Казалось ему, часъ въ отлучкѣ онъ былъ.
Боится, что онъ опоздаетъ въ пути,
Что въ трапезѣ ждутъ и пора бы притти.
Но вотъ монастырь. Только чудно ему,
Что ограда не та, не доступна уму.
За оградою новая церковь видна,

И дивится, откуда взялася она.
Онъ стучитъ въ ворота. Вотъ привратникъ идетъ
Но ему незнакомъ; прежде былъ, да не тотъ.
Не пускаетъ монахъ въ обитель его.
«Ты чужой, не видалъ я лица твоего.
И тебя я не знаю. Привратникъ я.» — «Нѣтъ.
Привратникъ здѣсь молодъ, ты старъ ужъ и сѣдъ.
Я вышелъ отсюда не болѣ, какъ часъ.
Съ чего же вдругъ новый привратникъ у насъ.
Иль Спасовъ не здѣсь монастырь?»—«Онъ и есть.»
«Такъ пойди же къ игумену, дай о мнѣ вѣсть».
Дивится привратникъ, игумна зоветъ,
И вотъ за игумномъ весь причетъ идетъ.
Отшельникъ предъ нимъ—преклоняся лицомъ,
Но только игуменъ ему незнакомъ.
Межъ братій также знакомаго нѣтъ.
Онъ смотритъ, онъ ищетъ, своихъ не найдетъ.
Монахъ приключенье свое разсказалъ,
Ему съ удивленіемъ весь причетъ внималъ,
И мудрый игуменъ пришельца спросилъ:
«Какое онъ имя межъ братій носилъ?»
— «Антоніемъ названъ въ монашествѣ я,
При мнѣ былъ игумномъ отецъ Илія.»
И всѣ изумились, по книгамъ глядятъ,
Нашли имена ихъ ровно лѣтъ триста назадъ.
«Антоній въ день Пасхи безвѣстно пропалъ,
Такъ писано въ книгѣ», игуменъ сказалъ
И тайну проникъ. И, крестомъ осѣнясь:
«Дивенъ Богъ въ чудесахъ», такъ монахъ повторилъ—
И вдругъ передъ всѣми свой видъ измѣнилъ:
Въ немъ виденъ былъ старецъ, взоръ юный. Вразъ
Предъ нимъ триста лѣтъ миновали какъ часъ.

Онъ палъ и молился. Два дня протекли,
Почилъ онъ и съ честью его погребли.[1])

Ст. Разсыпная, 1905 г., нестр. стар. разр. Гавріилъ Гурѣевъ.

Гора Аѳонъ.

Гора Аѳонъ, гора святая,
Не знаю я твоихъ красотъ
И твоего земного рая
И подъ тобой шумящихъ водъ.
Я не видалъ твоей вершины,
Какъ шпиль твой впился въ облака,
Какія на тебѣ картины,
Каковъ твой видъ издалека.
Я не видалъ, гора святая,
Твоихъ стремнинъ, отвѣсныхъ скалъ
И какъ прекрасна даль морская,
Когда лучъ солнца догоралъ.
Я рисовать тебя не смѣю,
Объ этихъ чудныхъ красотахъ
Сложить я пѣсню не умѣю:
Она замретъ въ моихъ устахъ.
Одно, одно лишь знаю вѣрно
Я о тебѣ, гора чудесъ,
Что ты таинственна безмѣрно
И недалека отъ небесъ.
Я знаю, кто тобой владѣетъ,
Кому въ удѣлъ досталась ты.
Тебя хранитъ, тебя лелѣетъ
Царица горной высоты.
Царица, дивная царица
Народовъ всѣхъ и всѣхъ племенъ;

1) Ср. стихотвореніе «Монахъ» Мережковскаго.

Она Христа, Царя, — денница,
Разрушила твой темный плѣнъ.
Сквозь сумракъ древности глубокой
Я вижу, грѣшный, какъ теперь:
Корабль несется одинокій,
На немъ царя пророка дщерь;
Несется онъ изъ Палестины,
На островъ Кипръ его полетъ.
Вдругъ—вѣтръ, волнуется пучина,
Корабль къ Аѳону пристаетъ.
На вопль кумировъ Аполлона
Спѣшатъ Марію всѣ встрѣчать,
И узнаютъ толпы Аѳона
Въ ней Бога Истиннаго Мать.
«Сія гора» — рекла Царица —
«Да будетъ жребіемъ моимъ,
Отсель простретъ моя десница
Всегдашній кровъ надъ мѣстомъ симъ.
Здѣсь благодать польется чудно
И милость Сына Моего.
Для жизни сей достать не трудно
Достатокъ нужнаго всегда.
А тамъ тебѣ, аѳонскій житель,
Слуга мой, вѣрный рабъ Христа,
Готова райская обитель,
Награда вѣры и труда.
Сего Я мѣста не забуду,
Всегда Заступница ему,
О немъ ходатайствовать буду
Во вѣки къ Сыну Моему».
Обѣтъ Царицы сладкозвучный
Сбылся и зрится въ чудесахъ.
Она съ Аѳономъ не разлучна,
Аѳонъ всегда въ Ея очахъ.
И ликъ Свой тамъ Она являетъ,
Бесѣдуетъ къ рабамъ Своимъ,

Сама судьбой ихъ управляетъ
И бдитъ надъ бытомъ ихъ земнымъ.

Ст. Разсыпная, 1905 г., нестр. стар. разр. Гавріилъ Гурѣевъ.

ОТДѢЛЪ VII.

АПОКРИФЫ.

Сонъ Пресвятой Богородицы[1]).

Госпожа, возбудися отъ сна своего мнѣ, Пренепорочная Владычица Дѣва Марія!

Сынъ мой возлюбленный Исусъ Христосъ воскресъ. Ну опочивала я во святомъ градѣ Іерусалимѣ въ маѣ мѣсяцѣ въ третьемъ числѣ и видѣла сонъ страшенъ и ужасный и не могу Тебѣ во слезахъ своихъ вторая проглаголати, и утроба по Тебѣ уязвишася, и лютое оружіе сердце мое проходитъ. Объявляю вольныя страсти Твоя, триста семь дней воскресенія Твоего.

Пришелъ Ты во градъ Іерусалимъ, воскресилъ праведнаго друга Божія за пять дней воскресенія Твоего. Ѣхалъ Ты, Сынъ Мой, на жребятѣ-ослѣ со учениками Своими, со апостолами, во градъ Іерусалимъ, и дѣти еврейскія встрѣчахъ Тебя, Сына Моего, и постилаху ризы своя и по пути рекоша Тебѣ, Сыну Моему: «Осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне». За четыре дня воскресенія Твоего совѣщашеся жидови убити Тебя за три дни воскресенія Твоего. Вливалъ Ты, Сыне Мой, воду въ омывальницу и нача ученикомъ ноги мыти и отирати лентіемъ, и препоясалъ силою ихъ. И одинъ изъ нихъ апостолъ продалъ Тебя, Господа (имя ему Іуда) за тридцать сребренниковъ злата жидамъ, и они,

1) Всѣ три произведенія, помѣщенныя въ VII отдѣлѣ, относятся къ «апокрифамъ», т. е. къ таинственнымъ сочиненіямъ, не признаваемымъ Православною Церковью за боговдохновенныя и спасительныя.

жидови, совѣщаша, и поведоша они разбойниковъ-мужи пѣшихъ: милліонъ турокъ, триста іудеевъ, тысячу жидовъ, и взяша Тебя, Сына Моего, связаша и облекоша въ ризы и повелѣша Тебѣ сплесть терновъ вѣнецъ, и возложиша на главу Твою, и тростію по главѣ Тебя биша и во святое лицо плеваша и во уста—желчію. Потомъ наченъ руганъ и біенъ сильно. Тебѣ, Сыну Моему, архіереи Анна и Каіафа и жиды поругашеся, и пальцами удариша Тебя рабъ Канафаилъ, родомъ латынецъ. Стояху тамъ и они жиды, рекоша: «Радуйся, царю іудейскій, и ко столбу Тебя привязаша и и гвоздіемъ прибиша и сдѣлаша кресть изъ трехъ древъ: изъ кипариса, певгія и кедра, и повелѣша къ Пилату вести Тебя на пропятственную гору Голгофу, и наложиша крестъ. И Ты, Сыне Мой, несъ и паде отъ біенія жидовскаго. Идуще же человѣку со села. Имя ему Симонъ. И ему дадѣша, и онъ принесъ и поставилъ на лобномъ мѣстѣ. И тутъ Тебя, Сына Моего, жидове на крестѣ распяша, руцѣ и нози гвоздіемъ ко кресту пригвоздиша и повеле на западъ лицомъ зрѣти. Іудей и одинъ отъ воиновъ рабъ Логинъ, родомъ лазарянинъ, преступиша къ Тебѣ и копіемъ ребра Тебѣ прободоша. И абіе изъ ребръ Твоихъ изыде кровь и вода на исцѣленіе рода христіанскаго отъ различныхъ скорбей и болѣзней. И тогда Ты, Исусъ Христосъ, испустилъ душу Свою на землю. И съ Тобой распяша двухъ разбойниковъ: единаго одесную страну, а другого — ошуію. И единъ получилъ прощеніе, глаголя: «Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ». А другій за хуленіе погубе потомъ. Ты, Сыне Мой, на крестѣ умре. И въ то время завѣса церковная надвое раздрася, каменіе распадеся, и звѣзды съ небесъ спадоша, и луна въ кровь приложися, солнце по-

гибе, и бысть тьма отъ шестаго часа до девятаго, и вся земля потрясеся отъ страха того. И они, жиды, рекоша сами промежду: «Не чаяли Сына Божія, чаяли пророка». И пiидоша ноцiю Іонъ и Никодимъ къ Пилату, просили и кланялись ему: «Святого Тѣла дай намъ, Тѣло Сына Божія нагого и непогребеннаго, уже вамъ не польза въ мертвомъ Тѣлѣ владѣть». И благородный Пилатъ пусти къ нему. Увы намъ, любезный Исусъ! И тако со креста сняша Тѣло Твое, обвивъ благоухаными, во гробѣ нове закрывъ, и положили. И они, жидови, камень студенъ ко гробу привалиша и стражи поставиша: римлянъ, iудеевъ. А на утрiй рано пріидоша мироносицы: Марѳа и Марія, сестры Лазаревы, на гробѣ помазати Святого Тѣла, купивъ драгоцѣнные ароматы, сосудъ мура. И со многими слезами плачущи у гроба Твоего святаго вельми горько, узрили онѣ ангела въ бѣломъ одѣяніи, на камени сидяща, и ужаснуся, и гласъ отъ него слыша: «Что ищите живого съ мертвыми? Что плачете нетлѣннаго? Вонмите, идите въ Галиллею, тамо узрите, и проповѣдуйте ученикомъ Его и апостоломъ, яко воскресе Христосъ въ третiй день», егда ангели на облацѣхъ запѣли «Христосъ воскресъ» и прочая. Подай же радость небеснымъ чинамъ! И всѣмъ святымъ и всему христiанскому роду: дарова животъ вѣчный и велiю милость и съ крестомъ сшедъ въ глубокiй преисподнiй адъ, и вѣрнiи врата адскія, двери желѣзныя, крестомъ своимъ сломалъ и сокрушилъ силу дiаволю. Крестомъ разогналъ сатану снова на вѣки и заставилъ ангеловъ Божiихъ его, сатану, бити безотходно оружiемъ крестнымъ, а изъ ада всѣхъ умершихъ святыхъ отцовъ и пророковъ, Адама и Еву освободилъ, а рукописаніе Адамово взялъ, раздралъ и вся праведныя души

вонъ изведе въ Царствіе Свое Небесное, и разбойника Дизмана въ рай послалъ со крестомъ прежде всѣхъ. И всѣ праведницы за крестомъ съ разбойникомъ въ рай внидоша. И по воскресеніи Твоемъ, Сыне, изъ Виѳаніи отъ горы Елеонскія, по сорока дней, на небо на облацѣхъ вознесяся и сѣде одесную Бога Отца. Въ восьмой день посла Духъ Святый на святыхъ учениковъ и апостоловъ. Отъ того часа бысть раздѣленіе языковъ страннымп глаголы и ихъ повелѣнія Святыя Троицы.

И рече ей Господь Исусъ Христосъ: «Мати Моя возлюбленная, Пречистая Богородица! воистину рекла еси, сей сонъ неложенъ. Глаголю Тебѣ, Мати Моя, Пречистая Богородица, аще который человѣкъ, хотя грамоти не умѣетъ, да сонъ Твой спишетъ и станетъ его въ домѣ своемъ держати, да не прикоснется къ тому дому никакая злая напасть отъ грому, отъ молніи и отъ всѣхъ нечистыхъ духовъ. Тотъ домъ помилованъ, также въ дому и скотъ ихъ отъ нечистыхъ переходовъ помилованъ, а въ полѣ отъ злыхъ звѣрей не съѣденъ будетъ, за сонъ Твой, Богородица, и за страсти Моя Христовы.

Глаголю вамъ, православнымъ христіанамъ. Аще ли который человѣкъ сей сонъ святый спишетъ и въ дому своемъ держать со страхомъ Божіемъ, всегда и на всякъ день его читать, если слушати, и въ путь пойдетъ и сей сонъ съ собой возьметъ и въ чистотѣ его носить будетъ, и къ тому человѣку въ животъ его не прикоснется къ нему мерзкій діаволъ со злыми своими губительными вражьими тѣлесными дѣлами и помыслы злыми, ни болѣзнь, ни напрасная смерть отъ злыхъ человѣкъ, избавленъ будетъ отъ мечного посѣченія и отъ смертныя язвы. Вскорѣ онъ пріиметъ

отъ Бога за сонъ Твой, Богородица, и за страсти Моя Христовы въ молитвахъ ихъ. Ни звѣрь его на пути не съѣстъ, ни змѣй лукавый никогда не уязвитъ во вся дни живота ихъ.

Глаголю вамъ, христіанамъ. Аще который человѣкъ пойдетъ предъ царя или предъ судьею и той сонъ при себѣ имѣть будетъ, то отъ царя пожалованъ, а отъ судей напрасно осужденъ не будетъ, и архангелъ Михаилъ тому человѣку помогаетъ, и путь направляетъ, и отъ всякаго зла остерегаетъ. И молитвами Твоими, Мати Моя, тотъ человѣкъ избавленъ будетъ вѣчныя муки и напрасныя смерти и симъ премудрымъ словомъ Божіимъ закрѣпляю—аминь, подтверждаю—аминь, Царю Небесный—аминь, слова Божіи—аминь.

Глаголю вамъ, сыновомъ человѣческимъ, въ домахъ православную вѣру христіанскую держащимъ: господину въ дому, женѣ, дѣтямъ его и рабамъ; домъ у того будетъ здравіе и спасеніе душамъ нашимъ во вся дни живота ихъ, богатая поданая отъ Бога помощь и милость до исхода ихъ и по смерти ихъ избавлены будутъ вѣчныя муки, и введены будутъ души ихъ въ жилища святыхъ отецъ и въ Царствіе Небесное и въ покой вѣчный.

Глаголю вамъ, православнымъ христіанамъ, и дома ихъ наполнены будутъ богатою рукою скотомъ, такожде былъ у Якова Праведнаго съ дѣтьми его, наполненный скотомъ на потребу Іакову и дѣтямъ его, пищи и питья имъ было довольно до исхода душъ ихъ, напоени тѣ стада отъ святого кладезя, и не копалъ тотъ кладезь Іаковъ съ дѣтьми своими. На томъ кладези Христосъ бесѣдовалъ съ женою сарыниною о вѣрѣ и о царствіи.

Глаголю вамъ, христіанамъ. Аще кто человѣкъ сей святый сонъ при смерти своей угодитъ

самъ прочесть, или кого заставитъ на исходъ души своей, за то того человѣка душа введена будетъ въ Царствіе Небесное и въ покой вѣчный со святыми.

Глаголю вамъ, христіанамъ. Аще кто отъ христіанъ начнетъ сей святый сонъ Пресвятыя Богородицы читать съ вѣрою, за читаніе и слушаніе этого сна избавлены будутъ души ихъ вѣчной муки. Пришедши ангелъ Божій святымъ христіанамъ, кто сей сонъ Пресвятыя Богородицы читаетъ, кто его слушаетъ, и души сіи возьметъ ангелъ Божій изъ тѣла ихъ и перенесетъ по воздуху всѣ злыя мытарства и принесетъ ко Мнѣ на благословеніе ко престолу моему Божію и, по благословленію, оныя души, посланныя къ Аврааму, Исааку и Іакову, въ нѣдра ихъ, они веселятся и радуются во прекрасномъ раю со всѣми святыми и праведными отцы за сонъ Твой, Богородица, и за страсти Моя Христовы всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Сей сонъ Пресвятая Богородица видѣша прежде страданія Господа Нашего Исуса Христа. Сонъ Мати Божія Сыну Своему Христу Богу сказывала, и сонъ ей заповѣдалъ никому повѣдати, какъ исполнится страданіе. Будетъ твой сонъ, Мати Моя, вѣдомъ посланіемъ моимъ по всей вселенной. Первое явленіе Пресвятыя Богородицы. Посланъ съ небеси послѣ страданія, по вознесеніи Христа Бога Нашего, положенъ во святомъ градѣ Іерусалимѣ, въ церкви на гробѣ Его святомъ, Отца, Сына и Святаго Духа. Аминь.

Второе явленіе Пресвятыя Богородицы въ тотъ же часъ. Какъ первое положеніе на гробѣ Господнемъ, такое и второе. Владыка нашъ сослалъ, Господь Богъ, съ небеси списокъ со арх-

ангелами: святыми Михаиломъ и Гавріиломъ, къ кесарю и папѣ римскому, и тотъ сонъ святый положенъ въ соборной церкви на жертвенникѣ на побѣду и на укореніе Понтійскому Пилату и егемону, іерусалимскимъ судьямъ: Канафѣ, Александрѣ и Аннѣ, и всему ихъ жидовскому роду. И той святый списокъ папа Ива Римскій послалъ, святый, къ брату своему Іосифу на прещеніе воинства непріятелей своихъ, и тѣмъ святымъ посланнымъ сномъ Пресвятыя Богородицы Господа Нашего на короля всѣхъ своихъ враговъ до конца побѣдилъ.

Аще кто отъ христіанъ ему, списанному сну Божія Матери, повѣритъ и при себѣ его въ чистотѣ носить и на всякъ день его читать, или кто его слушать съ теплою вѣрою христіанскою, и тѣ христіане крѣпостію Божіею Сына помощь воспріимутъ невидимую отъ всѣхъ своихъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, отъ всѣхъ бѣдъ, скорбей; великія помощи и милости Божія всегда будутъ до исхода душъ ихъ, токмо безъ лѣности по вся дни читай и слушай. За ихъ теплое желаніе и за вѣру истинную Владыка и Богъ отпуститъ имъ согрѣшенія ихъ и въ животы ихъ подастъ имъ изобиліе на землѣ плодовъ и хлѣбную пищу и питаетъ довольно во всемъ отъ Бога и богатую милость до исхода душъ ихъ

Глаголю вамъ, всѣмъ православнымъ христіанамъ. Аще въ которомъ дому сей святый всегда имѣется, въ дому тѣмъ Духъ Святый невидимо пребываетъ и вражію всякую плевелъ отъ дому живущихъ христіанъ, отъ скотовъ, скорбь и болѣзнь Крестъ Господенъ и Духъ Святый всегда отгонятъ. И впредь къ тому дому и человѣкомъ и скотомъ оружія непріязнь во вѣки вѣкомъ никогда не будетъ.

Глаголю человѣкамъ мужского и женскаго пола. Аще кто воздохнетъ и слезно да плачетъ предъ образомъ Креста Господня, како Владыка пострадалъ и много претерпѣлъ за родъ христіанскій и кровь святую пролія за всѣхъ христіанъ, въ молитвахъ своихъ святый Іоаннъ Предотеча Креститель Господенъ молитвъ своихъ испроситъ. Избави, Господи Боже мой, христіанскій родъ отъ трясовочныхъ скорбей и болѣзней, отъ огня и меча, отъ смертоносной язвы и отъ стрѣлъ находящихъ и отъ самого сатаны и сродниковъ его, темныхъ враговъ видимыхъ и невидымыхъ, и ту немощь молитвами и прошеніями великаго Крестителя Господня Іоанна Предотечи. Духъ Святый отъ тѣхъ человѣкъ скорбь и болѣзнь отгоняетъ. Крестъ Господенъ всему міру оружіе великое и непобѣдимое, враговъ видимыхъ и невидимыхъ супостатовъ вѣчно сокрушивъ во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Сей листъ бысть у гроба Божія, писанъ во Іерусалимѣ градѣ отъ Назарета, царя іудейскаго. во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

А сіе святое слово сослано на сей свѣтъ отъ самого Господа Нашего Исуса Христа Льву патріарху Іерусалимскому, ревнителю о Божіихъ церквахъ и гонителю на злочестивые еретики. И онъ посла брату своему Константину и повелѣлъ взять противъ непріятелей своихъ, а тотъ листъ такую силу имѣетъ, или кто прилежно слушаетъ, таковый человѣкъ на сорокъ дней отпущеніе имѣть будетъ грѣховъ, кто въ домѣ держитъ, ни волшебство, ни какое зло вредить не можетъ. А которая жена беременна будетъ и при себѣ сей сонъ въ чистотѣ носить, тогда отроча легко породится. Глаголетъ слово Божіе: «Надо мною и за мною хранитель есть Богъ мой, стерегетъ мя отъ вся-

каго зла во дни и въ нощи и на всякій часъ отъ скареднаго діавола». Прошу Тебя, Господа Бога моего Исуса Христа, чрезъ святую Твою кровь, которую изливалъ за насъ грѣшныхъ. Святый Іоаннъ Предотеча Креститель Христовъ, иже во Іорданѣ рѣкѣ крести, воздержа свои руци, остерегалъ отъ огня и меча и отъ напрасныя смерти, дабы мя зло вредить не могло.

А сей листъ найденъ въ землѣ греческой на горѣ Аѳонской предъ образомъ архистратига Михаила архангела. А тотъ листъ былъ написанъ златыми литерами.

Молвлено бысть Христомъ Сыномъ Бога Живаго: «И приказываю силою Божества Своего и Святаго Духа, дабы эти всѣ крестныя недѣли никакихъ работъ не работали и каменія въ горахъ не копали и блуда удалялись на пользу душъ вашихъ. Ибо я вамъ далъ шесть дней дѣлать и работать, а въ седьмой день святити его на молитву и на добрыя дѣла, на пришествіе къ церкви Божіей и на лонѣ. Аще сего творить не будете, то буду васъ наказывать гладомъ и повѣтріемъ, злою и скорою смертью и напущу на васъ царя на царя, короля на короля, отца на сына, сына на отца, братъ на брата, сосѣдъ на сосѣда, и будетъ между вами кровопролитіе великое на землѣ. Васъ всѣхъ оскоблю и пущу каменія горящія, воду кипящую и отыму отъ васъ плодъ земный, и еще буду васъ наказывать громомъ и молніей. И еще приказываю вамъ, дабы по вечеру въ субботу не работали для Матери Моей Пресвятой Богородицы Дѣвы Маріи; за васъ, окаянныхъ рабовъ, слезно предъ мною ни молилась и ни просила бы, давно бы я васъ погубилъ, голодною смертію поморилъ. Воскресные дни до церкви Божіей не приходите, то въ домахъ молитеся; ни-

какихъ работъ не работайте. Аще сего творить не будете, то напущу на васъ птицъ, которыя будутъ по воздуху летать (крылья у нихъ арменныя, носы желѣзные, власы женскіе), двоеглавыя, которыя будутъ плотоядливы. И отъ той злой повѣтріи ни правдою не божиться, ни небомъ, ни землею, не клянитеся. Буде же вамъ божиться, то еже «ей-ей», еже «ни-ни». Злобы другъ на друга не имѣйте. Свидѣтельства ложны не чините, предъ бѣдными не сердитеся, нищими и убогими не гнушайтеся, ибо я васъ безъ злобы сотворилъ, и вы отъ злобы остерегайтеся неправедныя. Другъ друга снабдѣвайте, отца и мать почитайте и повелѣній ихъ послушайте. Пребывайте, еще Я вамъ приказываю, чрезъ столицы херувимскую и серафимскую, чтобъ сему листу вѣрили, понеже Азъ предахъ, Исусъ Христосъ, Сынъ Бога Живаго. Написалъ тотъ листъ силою Божества Своего и Святаго Духа. А кто сему листу вѣрити не будетъ, тотъ человѣкъ проклятъ будетъ и не доступенъ покаянія и умретъ наглою смертію и во огонь геенскій сверженъ будетъ. А кто тотъ листъ почитаетъ, давать отъ дому и до дому читать или списывать, или кто его прилежно слушаетъ, аще тотъ человѣкъ имѣетъ на себѣ грѣховъ, яку песку морского въ морѣ и какъ листовъ на древѣ, и какъ звѣздъ на небеси, то всѣ ему отпустятся, и царствіе доступитъ, и грѣхамъ отпущеніе получитъ, и дому его счастіе получитъ, будетъ всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ [1]). Аминь».

Ст. Разсыпная, 1905 г., нестр. стар. разр. Гавріилъ Гурѣевъ.

[1]) «Во вѣки вѣкомъ» (во вѣки вѣкамъ)—выраженіе старопечатныхъ церковныхъ книгъ. «Вѣкомъ»—дательный падежъ множественнаго числа. Ср. возгласъ на литургіи св. Василія Великаго: «Даде святымъ своимъ ученикомъ и апостоломъ рекъ».

Списокъ о страстяхъ Господа Нашего Исуса Христа, колико ранъ претерпе нашего ради спасенія.

Нѣкій старецъ святый размышляетъ страданія Христова и того ради горце рыдая. Явися ему Христосъ и сказуя страданія Своя подробно, како претерпѣлъ, сколько крови спасенія ради пролія. Наченъ отъ вечера великаго четверга даже до погребенія.

Рече же Господь ко старцу. Самымъ воздыханіемъ сердечнымъ испусти кровь отъ тѣла Моего и тече всѣхъ ранъ двѣсти двадцать пять. Воиновъ, посланныхъ взяти Мя вооруженныхъ было, съ ними же прилученныхъ отъ простыхъ безчисленныхъ яко бѣ ту, всѣхъ восемьсотъ два воина. Ведома Мя и пакости Мнѣ дѣлаху. За власы и браду терзаху и рваху восемьсотъ пятьдесятъ разъ. Подкновенъ на землю отъ гордаго архіерея Анны три раза. По устамъ біенъ, прелипне въ лице пальцами сто пять разъ. Покрыванъ и друченъ отъ начала страсти до конца. Синихъ удареній тысячу двѣсти тридцать пять разъ. Единомъ у столба привязанъ. Восемь тысячъ восемьсотъ восемьдесятъ разъ претерпе. О землю три раза смертно ударенъ бывъ. Тростіею по головѣ изъ всей силы сорокъ разъ. Нося крестъ отъ просоровъ на Голгофу гору, падохъ на землю пять разъ и тогда претерпѣлъ ударовъ двѣнадцать разъ. Отъ прободенія терноваго вѣнца истече изъ головы Моей крови три тысячи каплей, и ранъ быша во главѣ отъ терноваго вѣнца прободенныхъ тысяча. Понеже спадоша вѣнецъ и возложенъ быхъ отъ земли за васъ восемьдесятъ восемь разъ и ужицами влекохъ быхъ двадцать три раза. На земли лежахъ, донеже прибитъ на крестѣ, въ плевотинѣ. Вознесе тогда и къ выси ударишася пястьми пять разъ. И отъ тѣхъ удареній изъ устъ и носа Моего кровь изыдоша; тогда два зуба выбиша. Три раза тер-

Пять

заху Мя за носъ, двадцать пять разъ за уши. Великихъ ранъ, на тѣлѣ Моемъ восемьдесятъ два раза. Отъ терноваго вѣнца пробиша кость до мозгу во главѣ Моей три раза, съ ними же и погребоша Мя. Обаче же три болѣзни больше великихъ всѣхъ ранъ во страданіи Моемъ: первая болѣзнь—яко немного кающихся тогда видѣхъ, яко бы всуе кровь Моя проливается; вторая болѣзнь—видѣхъ Мать Свою подъ крестомъ стоящу и горце рыдая; третья болѣзнь—егда за руцы и нози на крестѣ распяша и пригвоздиша и обеса Мя, сбытися реченіе Давыда пророка: «*Истаи* вся кости моя». Конецъ.

Ст. Разсыпная, 1905 г., нестр. стар. разр. Гавріилъ Гурѣевъ.

Пять пятницъ.

Первая пятница.

Въ первую недѣлю поста. Кто сію пятницу постится, тотъ избавленъ будетъ отъ убіенія.

Вторая пятница.

Передъ Благовѣщеніемъ Пресвятыя Богородицы. Кто ту пятницу постится, тотъ избавленъ будетъ отъ убіенія.

Третья пятница.

На страстной недѣлѣ. Кто ту пятницу постится, тотъ избавленъ отъ непріятеля.

Четвертая пятница.

Передъ Вознесеніемъ Господнемъ. Кто ту пятницу постится, тотъ сохраненъ будетъ отъ потопленія воднаго.

Пятая пятница.

Передъ Сошествіемъ Святаго Духа. Кто ту пятницу постится, тотъ избавленъ будетъ отъ остраго меча. [1])

Ст. Разсыпная, 1905 г., нестр. стар. разр. Гавріилъ Гурѣевъ.

[1]) Необходимо напомнить, что употребленіе апокрифовъ Православная Церковь считаетъ за тяжкій грѣхъ.

ОТДѢЛЪ VIII.

З А Г О В О Р Ы.

Заговоръ [1]) передъ явкой начальству.

Вы, начальники,—сѣрыя овцы; я, рабъ Божій *(имя рекъ)*,—бѣлый волкъ: всѣхъ я васъ поѣмъ. Устрой, Господи, рабу Божьему *(имя рекъ)* мракъ ночной отъ самыхъ низшихъ чиновъ до высшихъ! А очи ихъ помутились бы, а головы ихъ преклонились отъ меня раба *(имя рекъ)*. А буди имъ залогъ, запоръ, замокъ, а ключи—въ морѣ; а въ морѣ ходитъ щука сама булатная, она хватаетъ и проглатываетъ ихъ злое намѣреніе отъ меня раба *(имя рекъ)* прочь. Аминь.

Заговоръ отъ неправедныхъ судей.

Встану я, рабъ Божій *(имя рекъ)*, перекрестясь,—вызываютъ меня, раба Божія *(имя рекъ)*, передъ судьями и передъ начальниками. И приду я, рабъ Божій *(имя рекъ)* передъ начальниками, какъ лютый звѣрь: изо рту моего—огня пламя, изъ ноздрей—дымъ столбомъ, изъ глазъ искры сыпются. Умъ я у нихъ сплетаю, уста у нихъ замкомъ желѣзнымъ—Господомъ Саваоѳомъ, архангеломъ Михаиломъ, замыкаю; положу ключъ подъ Господній гробъ.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) Употребленіе заговоровъ, какъ и апокрифовъ, строго осуждается Православною Церковью.

Всѣ заговоры собраны въ 1-мъ военномъ отдѣлѣ Оренбургскаго казачьяго войска. Фамиліи лицъ, сообщившихъ заговоры, не могутъ быть объявлены.

Заговоръ отъ кражи.

Благослови, Господи и Владыка, заговорить вора и разбойника и вертепа!

Кто коснется до скота моего (въ этомъ мѣстѣ вообще поименовываютъ то, что хотятъ заговорить), тотъ былъ бы недвижимъ; какъ мертвецъ во гробѣ ногами не ходитъ, глазами не смотритъ, руками не владаетъ, такъ же бы вору и разбойнику ни чѣмъ не владать.

Загороди, Господи, вору и разбойнику пути и дороги огненными стѣнами, вечерними зарями, полуночными тьмами, быстрыми рѣками, крутыми горами, темными лѣсами.

На морѣ-океанѣ, на красномъ островѣ, на камнѣ Алатри сидитъ птица Ефетрахиль; около ея море волнуется. И напусти она темную тучу на того человѣка и отдаде ключи изъ-подъ своего камня на дно моря, и найдя та туча на того человѣка. Отыми у него, Господи, у сего человѣка, умъ и разумъ, и не глаголить ему, и руки, ноги, жилы и кости.

Воскресни, Боже, и суди земли! Аминь.

Заговоръ противъ лиходѣя.

Отъ сна возстану я, рабъ Божій *(имя рекъ)*, благословясь, перекрестясь, и утрусь; Божій *(имя рекъ)* вставъ, очнусь, пойду изъ избы въ двери, изъ дверей во врата, и встану я, рабъ Божій *(имя рекъ)*, на востокъ и еще на западъ; хребтомъ помолюсь я, рабъ Божій *(имя рекъ)*, великому святому Кассіану, римлянину чудотворцу (три поклона въ землю). Услыши, пріими мое моленіе,—ударь недруга моего, супостата, съ кѣмъ въ судъ иду; да у него сверзились бы въ тотъ часъ предъ тѣмъ судомъ праведнымъ; да не по-

воротился бы у него языкъ пречистый въ тотъ часъ предъ судомъ праведнымъ; какъ жидовины на истиннаго Христа зло-лихо думали, да не могли устоять противъ истиннаго Христа, и такъ бы противъ меня, раба Божія *(имя рекъ)*, не могли устоять въ тотъ часъ предъ судомъ праведнымъ.

Есть на мнѣ, рабѣ Божьемъ, двѣнадцать крестовъ; крестъ сохранителя, крестъ—бѣсовская язва.

Которыя слова забылъ напереди, то будь напереди; которыя слова забылъ въ серединѣ, то будь на серединѣ; которыя слова забылъ назади, то будь назади: Спасъ Пречистый поставитъ пути моея въ родѣ, и будетъ мое слово востре ножа и булата, востре сабли, вѣнскаго оружія и меча, и будутъ мои слова крѣпки и мѣтки, — крѣпки, какъ кремень, и мѣтки, какъ репей, и пущу сіи слова праведному суду.

Аминь *(тридцать разъ)*.

Заговоръ противъ ненависти.

Господи, Господи мой, благослови раба Божьяго *(имя рекъ)*! Огради Крестомъ Животворящимъ претерпѣвающихъ и устави полные удары на рабовъ Твоихъ; смиреніе и кротость, жалость, человѣколюбіе, вышину сердца ихъ охрани всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Заговоръ къ любви.

Встану я, рабъ Божій *(имя рекъ)*, помолюсь; умоюсь я росою, утрусь престольною пеленою; выйду я въ чистое поле, во зеленое поморье.

Въ чистомъ полѣ есть огненная рѣка; на огненной рѣкѣ стоитъ огненный плотъ, на огнен-

номъ плоту стоитъ огненный человѣкъ, держитъ въ рукахъ огненный лукъ, пламенную тетиву и окаменелую стрѣлу и стрѣляетъ въ огненную рѣку.

Подойду я къ нему поближе, поклонюсь ему пониже.

Постой, батюшка Евтихей! не стрѣляй въ огненную рѣку, а стрѣляй въ рабу Божью *(имя рекъ)*, въ легкую ея печень и въ кровь ея горячую, въ семьдесятъ семь членовъ, въ семьдесятъ семь получленовъ, въ семьдесятъ семь суставовъ, въ семьдесятъ семь полусуставовъ, въ питье—она бы не запивала, ѣсть бы—она не заѣдала, водой бы она не смывала, на порогѣ не оставляла, а обо мнѣ рабѣ Божьемъ *(имя рекъ)* скучала.

Запирать эту молитву тридевятью замками, тридевятью ключами; замокъ—въ воду, ключи—къ небу. Аминь.

Заговоръ отъ дрянной болѣзни сибирки.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

На горѣ Синайской, на камнѣ Алатри стояла матушка Пресвятая Богородица своею пречистою ногою съ ангелами и архангелами, херувимами и серафимами и спородила Господа Іисуса Христа, Сына Божьяго, и держитъ въ своихъ пречистыхъ рукахъ пречистый приколъ и звѣзду, колитъ и прикалываетъ у раба Божьяго *(имя рекъ)* дрянную и язвенную болѣзнь и полуденную и полуночную, часовую и получасовую, минутную и полуминутную, жальную и костяную, и нутряную и тѣльную, и отъ вѣтра и отъ вихоря, и отъ слова и отъ часа во вѣки вѣковъ. Аминь.

Заговоръ отъ лихорадки.

Встану я, рабъ Божій, благословясь, умоюсь перекрестясь, пойду я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ восточную сторону къ морю-океану; по край того моря стоитъ дубъ зеленый, подъ тѣмъ дубомъ сидятъ четыре святыхъ: Кирило и Урило, Михаилъ и Самуилъ. Святые отцы, накажите дщерей царя Ирода—двѣнадцать дѣвъ простоволосыхъ съ длинными косами, съ растрепанными волосами, чтобы онѣ въ мірѣ не ходили, раба *(имя рекъ)* не знобили и огнемъ не палили, костей не ломили и тѣло не роняли. Гой еси, святые отцы Кирило и Урило, Михаилъ и Самуилъ, помилуйте насъ отъ нынѣ и до вѣка.

Аминь, аминь.

Другой заговоръ отъ лихорадки.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Идоша святые отцы Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ по Синайской горѣ и встрѣтились имъ двѣнадцать женъ простоволосыхъ, и вопросили ихъ святые отцы: «Что суть за жены»?

Онѣ же отвѣчаху: «Мы есть посланы отъ Ирода царя людей мучить».

И вопросиша ихъ святые отцы: «Какъ имена ваши»?

Они же отвѣчаху: «Первая—Ломаная, вторая—Земная, третья—Колотія, четвертая—Рвея, пятая—Пуглея, шестая—Ревея, седьмая—Согнея, восьмая—Гнетея, девятая—Состарея, десятая,—Желтая, одиннадцатая—Студеная и двѣнадцатая—Трясовица».

И взяше святые отцы по три прута желѣзныхъ и били ихъ немилосердно.

И взмолиша двѣнадцать проклятыхъ женъ: «Помилуйте насъ, святые отцы! гдѣ мы узримъ

всѣми былъ любимъ; какъ хлѣбу и соли дѣлаютъ имена ваши, услышимъ имя раба Божьяго *(имя рекъ)*, отъ того будемъ за тридцать поприщъ».

Аминь».

Молитва третья Пресвятой Богородицѣ.

Заговоръ во спасеніе во всѣхъ отношеніяхъ.

О Пресвятая Мати Божія, Госпоже Богородице! Закрой и защити своею нетлѣнною ризою и своимъ Святымъ Духомъ, пеленою Господнею на день Господенъ и меня раба Божьяго *(имя рекъ)* отъ великаго зла и лихого человѣка, колдуна и колдовки, отъ еретика и еретницы, вѣдуна и вѣдуновки и отъ всякой скверной и поганой нечистоты буйной, встрѣчной и поперечной и отъ болѣзни сердечной.

И избави, Госпоже Богородице, отъ трясовицы и отъ двѣнадцати продовыхъ дочерей, лютыхъ гнетницъ, отъ звѣрей, псовъ смердящихъ, сукъ борзыхъ.

Поставь вокругъ меня, раба Божія *(имя рекъ)*, Пресвятая Госпоже Богородице, тынъ желѣзный отъ востока до запада и до юга, отъ земли до небеси.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Заговоръ о принятіи во всѣхъ отношеніяхъ[1]).

Какъ хлѣбъ-соль принимаютъ, такъ бы и меня, раба Божьяго *(имя рекъ)* принимали бы; какъ хлѣбъ-соль всѣмъ пріятна, такъ бы и я, рабъ Божій *(имя рекъ)*, былъ пріятенъ; какъ при хлѣбѣ-соли во время трапезы бываетъ тишина, когда всѣ вкупѣ, такъ бы я, рабъ Божій *(имя рекъ)*,

[1]) Это заговоръ о благопріятномъ отношеніи людей къ просящему.

честь, такъ бы и мнѣ, рабу Божьему *(имя рекъ)*, дѣлали честь; какъ хлѣбу и соли всѣ—рабы, такъ бы и я, рабъ Божій *(имя рекъ)*, былъ бы ими принятъ; какъ хлѣбъ-соль не судятъ, такъ и меня, раба Господня. Аминь.

Помощь при укусѣ бѣшеной собаки.

Надо набрать сорокъ милостинокъ и съѣсть ихъ въ сорокъ дней.

Помощь при родахъ.

Повивальная бабка беретъ ковшъ холодной воды, опускаетъ туда двѣ горсти соли и одинъ древесный уголь, встаетъ въ передній уголъ на колѣни, кладетъ три земныхъ поклона и принимается причитать:

Уголь, ты уголь,
Спаленое дерево!
Горѣлъ ты, уголь,
Мучился мукой,—
Знаешь ты, уголь,
Великія скорби.
Попроси, ты уголь,
У Господа Бога
Легкій часъ-минуту
Рабѣ Прасковьѣ
Во родахъ-мученьяхъ.

Затѣмъ толчетъ этотъ уголь въ порошокъ, мѣшаетъ въ «наговорной» водѣ и даетъ послѣднюю родильницѣ выпить, какъ средство отъ родильныхъ мукъ.[1])

[1]) Священнослужители, учителя и разумные люди легко могутъ при помощи помѣщенныхъ въ этой книгѣ образцовъ объяснить абсурдность, неосновательность, грѣховность и кощунственность содержанія апокрифовъ и заговоровъ, равно и ихъ примѣненія на практикѣ.

ОТДѢЛЪ IX.

ОЧЕРКИ НѢКОТОРЫХЪ ОБРЯДОВЪ И ОБЫЧАЕВЪ.

Женитьба въ станицѣ Нижнеозерной.

Когда малолѣтку (парню) исполнится восемнадцать лѣтъ, то родители всѣми силами стараются женить своего сына. Дѣвицъ выдаютъ замужъ семнадцати и шестнадцати съ половиной лѣтъ.

Желая женить сына, родители созываютъ въ домъ своихъ родныхъ, гдѣ съ ними совѣтуются о выборѣ невѣсты. Для приглашенныхъ стряпаютъ курникъ; угощаютъ ихъ чаемъ и водкой.

Хотя малолѣтку и нежелательно жениться, у него и въ мысляхъ ничего нѣтъ о женитьбѣ, и даже, наконецъ, онъ и не нашелъ еще по себѣ дѣвицу, родители на это не смотрятъ. Одна у нихъ поговорка: «Они люди молодые, глупы, а поживутъ, смилуются». И вотъ на этомъ совѣтѣ начинается перебираніе дѣвицъ. Сначала родители жениха обращаются къ своимъ роднымъ со слѣдующими словами: «Вотъ что, наши родимые, скажите и посовѣтуйте насчетъ нашего парня, сынка Пети, его вѣдь пора женить, ему уже восемнадцать лѣтъ исполнилось; давайте общими силами найдемъ ему невѣсту?» Жениха тутъ на совѣтѣ не бываетъ.

Иногда же роднымъ желательно знать, кого онъ самъ хочетъ взять, и тогда женихъ приглашается присутствовать на совѣтѣ. Въ послѣднемъ случаѣ родители жениха заявляютъ ему о своемъ намѣреніи такъ: «Скажи, сынокъ Петя, какую намъ итти сватать за тебя дѣвицу? Мы вѣдь хо-

тимъ тебя женить». Сынъ обыкновенно заявляетъ, что жениться не намѣренъ. Тутъ родители начинаютъ его укорять и доказывать, что ему по годамъ пора жениться, и что тогда онъ за работу лучше примится. На это сынъ заявляетъ наотрѣзъ о нежеланіи жениться. Тогда родители обращаются къ жениху съ угрозой: «Чесать языкъ попусту нечего, а вотъ мы возьмемъ-ка чилигу да разложимъ тебя, тогда лучше намъ скажешь!» Подъ угрозой женихъ невольно соглашается и указываетъ на дѣвицу Пелагею Горбунову.

— «Нѣтъ, нѣтъ, такую мы не возьмемъ: у ней мать-то работы не знаетъ, и она въ нее уродилась».

— «Ну, посватайте Дарью Смирнову».

— «И эта намъ не къ дому: у ней статити на дѣвку нѣтъ, да къ тому и бѣдна».

Итакъ желаніе жениха не удовлетворяется. Но вотъ на совѣтѣ предлагаютъ Евфросію Голубеву. «Чѣмъ не дѣвка? красива, стройна, работящая».

— «Охъ нѣтъ!» возражаютъ родители: «она бойка, не уживется; посерчаетъ—поколотитъ насъ на старости лѣтъ».

— «Тогда взять Марью Семенову»?

— «Нѣтъ и ея не надо! У ней бабушка злая, и она будетъ въ нее».

Подобные пороки находятъ во многихъ невѣстахъ, но въ концѣ концовъ останавливаются на одной одобренной родителями, именно на Ксеніи Долиной, которая, по ихъ мнѣнію, безъ пороковъ. Сейчасъ же сообщаютъ о выбранной невѣстѣ жениху и требуютъ отъ него согласія. Женихъ, боясь родителей, соглашается на сватовство этой послѣдней.

Получивъ согласіе жениха, родители посылаютъ родныхъ въ домъ невѣсты. Сватьями бываютъ и

мужчины, и женшины. Передъ уходомъ въ домъ невѣсты, зажигаютъ передъ образами лампаду и и восковую свѣчу, садятся всѣ минуты на три; затѣмъ встаютъ и молятся Богу; послѣ чего, испросивъ у родителей жениха благословеніе, идутъ сватать дѣвицу.

Придя въ домъ родителей невѣсты, молятся Богу и, поздоровавшись съ хозяевами, садятся подъ матицой. Свахи обращаются къ родителямъ невѣсты такъ: «Семенъ Ивановичъ и Дарья Григорьевна, мы пришли къ вамъ, знаете зачѣмъ?»—«Нѣтъ, не знаемъ, скажите,» отвѣчаютъ родители невѣсты.—«Мы слышали, что у васъ есть продажная скотинка». Родители невѣсты—догадавшись, въ чемъ дѣло—говорятъ: «Есть».—«Ну вотъ и хорошо. А какъ цѣною, дорога ли?»—«Да надо взять подороже: деньги брюхо не проколятъ.»—«Это вѣрно, деньги всякому нужны, но бросимъ объ этомъ говорить,—говорить нужно дѣло. Мы не скотинку пришли купить, а дочку вашу. Павелъ Федоровичъ и Акулина Михайловна нижайше вамъ кланяются и просятъ отдать дочку вашу за ихаго сына. Сынъ у нихъ, какъ вамъ извѣстно, Петя,—кроткій, работящій, семья живетъ хорошо, есть бычки, лошадки, коровки и овчишки.»

— «Да, вы вотъ какую скотинку хотите купить?! Такъ вотъ что, миленькіе сватушки: идите и скажите Павлу Федоровичу и Акулинѣ Михайловѣ, что мы очень рады быть сватьями и отдать нашу дочку, но прежде надо посовѣтоваться со своими родными, да, наконецъ, и хватитъ ли у насъ денегъ на свадьбу?»

— «Года вашей дочкѣ выйдутъ, а денегъ можно достать: взять «кладку» и только.—«Ну хорошо, сватушки, просимъ пожаловать завтра; кланяйтесь Павлу Федоровичу и Акулинѣ Ми-

хайловнѣ и поблагодарите ихъ отъ насъ, что не побрезгивали нами».

Сватья уходятъ, а родители невѣсты созываютъ своихъ родныхъ на совѣтъ. Тутъ также, какъ и на совѣтѣ жениха, идутъ переборы жениховъ, и бываетъ часто, что отказываютъ одному, другому. Дѣвку сватаютъ, пока она молодая, а когда ей перейдетъ за двадцать шесть лѣтъ, ее считаютъ ужъ старой, и начинаютъ забывать о ней.

На другой день послѣ предложенія родители жениха и сватья приходятъ въ домъ невѣсты за полученіемъ отвѣта. Поздоровавшись съ родителями невѣсты, обращаются къ нимъ съ вопросомъ: «Ну, сватушки, можете ли отдать вашу дочку (имя и отчество) за (имя, отчество жениха)?» Если родители невѣсты согласны выдать свою дочь, то тутъ же назначается «кладка» за невѣсту. Напримѣръ, родители невѣсты просятъ: двадцать рублей деньгами, пять пудовъ муки, пудъ мяса, четверть водки, тулупъ, кошму [1]) и валенки. Деньги исключительно просятъ на обзаведеніе невѣстѣ платья, шали, шубы и перины. Бываетъ такъ, что родители жениха соглашаются и на этой кладкѣ или же рядятся на меньшей; но бываетъ и такъ, что изъ-за кладки расходятся.

Если дѣло на кладкѣ улажено, то мать невѣсты зажигаетъ свѣчу передъ образомъ, и всѣ присутствующіе молятся Богу. Помолившись Богу, мать невѣсты разстилаетъ на столъ большой головной платокъ, на который кладутъ руки: сначала отецъ жениха, потомъ отецъ невѣсты, затѣмъ мать жениха, мать невѣсты и такъ далѣе по старшинству. Когда такимъ образомъ руки будутъ положены, связываютъ два противоположныхъ конца платка

[1]) «Кошма»— войлокъ.

вмѣстѣ, и тутъ приговариваютъ: «Какъ этотъ платокъ самъ не развяжется, такъ и намъ, сватушки, не разойтись». Затѣмъ всѣ вынимаютъ руки; отецъ и мать жениха отдаютъ кладку.

Получивъ кладку, родители жениха просятъ всѣхъ къ себѣ въ гости, гдѣ всю невѣстину родню угощаютъ водкой. Послѣ этого невѣстина родня приглашаетъ къ себѣ родню жениха. Такимъ образомъ обходятъ всѣхъ родныхъ. Это гуляніе по родственникамъ жениха и невѣсты называется «запой», т. е. запили, просватали дѣвку.

Послѣ запоя невѣста дѣлаетъ у себя вечеринки, на которыя собираются ея подруги; на нихъ бываетъ женихъ съ товарищами. Кромѣ того невѣста дѣлаетъ у себя двѣ главныхъ вечорки.

Первая вечорка дѣлается въ какой-либо праздникъ. Невѣста днемъ собираетъ къ себѣ подругъ и посылаетъ ихъ приглашать на предстоящую вечорку свою и женихову родню, а также близкознакомыхъ. Подойдя къ дому жениха, дѣвицы поютъ: «Среди было царства Россійскаго» (стр. 46). Пропѣвъ пѣсню жениху, дѣвицы поздравляютъ его съ пѣсенкой. Женихъ благодаритъ, на это дѣвки отвѣчаютъ: «Благодарятъ, да дарятъ: вамъ на потѣшки, а намъ на орѣшки». Женихъ даетъ дѣвицамъ нѣсколько копеекъ. Послѣ этого дѣвушки входятъ въ избу и, помолившись Богу, обращаются къ родителямъ жениха: «Ксенія Семеновна (имя невѣсты) вамъ нижайше кланяется, и просила объяснить вамъ: какихъ родныхъ и знакомыхъ дѣвушекъ пригласить ей на вечорку?» (На вечорку приглашаютъ и дѣвочекъ пяти-семи лѣтъ). Родители жениха указываютъ имъ, кого пригласить на вечорку къ невѣстѣ, потомъ сажаютъ дѣвицъ за столъ и угощаютъ чаемъ и сластями. Поблагодаривъ за угощеніе, дѣвушки идутъ пригла-

шать указанныхъ родныхъ и знакомыхъ. Придя въ какой-либо домъ, гдѣ есть дѣвица, обращаются къ родителямъ ея такъ: «Здравствуйте! Ксенія Семеновна просила вашу дочку (имя, отечество) сегодня къ ней на вечорку».

Когда обойдутъ всѣхъ съ приглашеніемъ, то возвращаются къ невѣстѣ и докладываютъ ей, что звали всѣхъ, послѣ чего расходятся по домамъ для сбора на предстоящую вечорку.

Собравшись вечеромъ у невѣсты, дѣвицы идутъ извѣщать жениха, что все готово, и вмѣстѣ съ тѣмъ просить его на вечорку. У дома жениха поютъ пѣсню: «Какъ за Ураломъ село» (стр. 45).

Пропѣвъ пѣсню, входятъ въ домъ, просятъ жениха притти на вечорку и захватить съ собой музыку. Дѣвки уходятъ къ невѣстѣ и тамъ ждутъ прихода жениха.

Женихъ же, захвативъ съ собой гармониста или скрипача, бутылокъ пять вина и закуски, идетъ къ невѣстѣ. Войдя въ домъ невѣсты, молится Богу, здоровается съ дѣвицами и велитъ музыканту играть то, что пожелаютъ дѣвицы, а самъ со свахой уходитъ за занавѣску, нарочно сдѣланную для этого времени, за которой находится невѣста. Поздоровавшись съ невѣстой, садится рядомъ съ ней. Здѣсь невѣста даритъ жениха шарфомъ, а сваху—платкомъ. За подарки женихъ и сваха дарятъ невѣсту деньгами. Въ это время дѣвушки поютъ: «Какъ во нынѣшнемъ во славномъ году» (стр. 46). По окончаніи пѣсни, женихъ благодаритъ дѣвицъ и даетъ денегъ.

Принявъ отъ невѣсты даръ, сваха уходитъ домой. Потомъ женихъ приглашаетъ остальныхъ родныхъ за занавѣску, гдѣ подаетъ каждому по стаканчику или по два, а то и по три, водки. При угощеніи поздравляютъ жениха съ нарѣченной не-

вѣстой, а невѣсту—съ нарѣченнымъ женихомъ. Родные, посидѣвъ немного и поблагодаривъ жениха за угощеніе, выходятъ къ общей игрѣ дѣвушекъ, а нѣкоторые уходятъ домой. Затѣмъ женихъ угощаетъ товарищей и подругъ невѣсты. Тутъ не забывается и музыкантъ, которому перепадаетъ вина больше, чѣмъ кому-либо. Деньги за музыку уплачиваетъ женихъ. На вечоркѣ танцуютъ камаринскаго, барыню, казачка, сѣни и чижика. Весь этотъ вечеръ проходитъ въ танцахъ и кончается на разсвѣтѣ. Въ концѣ вечорки предлагаютъ роднымъ и дѣвушкамъ ужинъ и чай.

Вторая вечорка дѣлается въ будни и для того, чтобы угостить на ней подругъ невѣсты пельменями отъ имени жениха. Производится это такъ. Днемъ невѣста собираетъ къ себѣ подругъ, запрягаетъ лошадь и посылаетъ ихъ къ жениху за мясомъ на пельмени. Дорогой дѣвушки поютъ пѣсню: «На горѣ-то было на горочкѣ» (стр. 50). Пріѣзжаютъ дѣвушки къ жениху; онъ угощаетъ ихъ чаемъ и водкой. Дѣвушки, поблагодаривъ за угощеніе, просятъ у родителей жениха мяса на пельмени. Родители даютъ нѣсколько фунтовъ мяса, и дѣвушки, отблагодаривъ, возвращаются къ невѣстѣ, гдѣ, надѣлавъ пельменей, ѣдятъ ихъ. Часть пельменей оставляется жениху, которая дѣвицами вечеромъ относится къ нему на домъ.

Женихъ, дождавшись подругъ невѣсты съ пельменями, беретъ водку, закуску, приглашаетъ музыканта и съ дѣвушками идетъ къ невѣстѣ. Вторая вечорка, какъ и первая, состоитъ изъ танцевъ и угощенія родныхъ, товарищей и подругъ невѣсты.

За два дня до вѣнчанія дѣвушки отъ невѣсты идутъ къ жениху и требуютъ отъ него необходимыхъ вещей для бани, какъ-то: вѣникъ, мыло, су-

домойку [1]) и масло для головы. Получивъ вышеозначенные предметы, дѣвушки отправляются съ невѣстой въ баню. Подруги невѣсты, какъ въ банѣ, такъ и дорогой, все время поютъ пѣсни.

За ночь до вѣнчанія родные невѣсты собираются въ ея домѣ, гдѣ начинаютъ укладывать все приданое на двѣ или на три подводы. Хотя все приданое иной разъ можно уложить и на одну подводу, но для большей церемоніи и шику раскладываютъ его на нѣсколько. Приданое сопровождаютъ назначенныя для этого лица, изъ которыхъ одинъ идетъ впереди подводъ съ иконой.

Пріѣзжаютъ къ дому жениха и требуютъ отворить ворота. Ворота отворяютъ. Подводы въѣзжаютъ во дворъ, но въ это время кто-нибудь умышленно задѣваетъ за ворота и кричитъ: «Нейдетъ!» Тутъ родители жениха выносятъ вина и подаютъ тому, кто кричитъ «нейдетъ». Выпивъ водки, пріѣхавшіе откидываютъ телѣгу или сани, но опять нарочно задѣваютъ другимъ бокомъ и опять кричатъ: «Нейдетъ!» Вторично подаютъ вина. Въѣдутъ во дворъ и тутъ кричатъ: «Свахи не слѣзутъ!» Опять подаютъ по стаканчику. Когда же станутъ нести вещи, то на крыльцѣ, въ сѣняхъ и въ избѣ, вездѣ кричатъ: «Нейдетъ!» — и всюду хозяева угощаютъ виномъ.

Привезенныя вещи сдаютъ родителямъ жениха, а тѣ сажаютъ пріѣзжихъ за столъ и угощаютъ курникомъ, жаренымъ, блинами и водкой. Когда угощеніе окончится, то собираются ѣхать обратно, но тутъ надъ экипажами и лошадьми пріѣзжихъ продѣлываютъ различныя шутки, какъ-то: у кого лошадь окажется запряженной за оглобли головой къ передку; у иного подрѣжутъ, если — зимой,

[1]) «Судомойка» — мочалка.

завертку, а лѣтомъ вынутъ чеку; у третьяго лошадь взвозжаютъ за гужи, и много дѣлается другихъ причудъ. Опаснѣе и хуже всего два послѣдніе примѣра: подгулявшіе гости начинаютъ гонять лошадь, и вдругъ на полномъ бѣгу обрывается завертка или спадываетъ колесо, и сидящіе летятъ во всѣ стороны; другіе же не могутъ никакъ остановить лошадь, потому что возжи застегнуты за гужи, и лошадь бѣжитъ, конечно, на свой произволъ.

На утро слѣдующаго дня къ невѣстѣ собираются всѣ подружки и поютъ невѣстѣ пѣсни, а невѣста плачетъ. Этотъ день невѣста проводитъ исключительно съ подругами, а женихъ сидитъ дома.

Къ вѣнцу невѣсту собираютъ тѣ же подруги, и тутъ поютъ такую пѣсню. «Ужъ ты, матушка Дарья рѣка» (стр. 88). Вечеромъ отецъ и мать благословляютъ невѣсту, сажаютъ ее за столъ къ образамъ и ожидаютъ пріѣзда жениха.

На время свадьбы выбирается женихомъ или родителями его «дружка» изъ пожилыхъ мужчинъ. Въ помощь дружкѣ выбираютъ «полудружку», но изъ молодыхъ. Обязанность дружки и полудружки такая: собирать къ вѣнчанію родныхъ, угощать ихъ и отдавать предпочтеніе старшимъ по родству.

Съ утра назначеннаго дня вѣнчанія дружка и полудружка созываютъ родныхъ для проводовъ жениха и невѣсты въ церковь. Они же ѣдутъ къ священнику, узнаютъ часъ вѣнчанія и расписываются въ обыскѣ.

Въ этотъ же день дружка съ женихомъ ѣдетъ къ невѣстѣ, гдѣ женихъ даритъ невѣстѣ ботинки, а та ему даритъ перчатки и дружкѣ—платокъ. Тутъ же невѣста подаетъ имъ обоимъ водки, и тѣ, посидѣвъ немного, уѣзжаютъ по домамъ.

Кромѣ дружки и полудружки, на время вѣнчанія отъ жениха выбираются двѣ «свахи» для проводовъ къ вѣнцу, «тысячка» для держанія иконъ и «подсватьи» изъ молодыхъ парней, которые сопровождаютъ свахъ въ церковь и обратно. Отъ невѣсты выбираются тоже двѣ свахи для той же цѣли, что у жениха.

Когда соберутся къ жениху званые родные и знакомые, то дружка угощаетъ ихъ водкой съ закуской. Для этого становятъ два, три стола и по старшинству сажаютъ за нихъ родныхъ.

Угостивъ родныхъ, дружка обращается къ родителямъ жениха: «Есть ли у нашего новобрачнаго князя (имя и отчество жениха) батюшка и родимая матушка? Намъ ѣхать путемъ-дорогою къ княгинѣ молодой и во святую церковь, подъ златъ вѣнецъ встать, законъ Божій принять».

Женихъ подходитъ къ родителямъ, и всѣ, обратившись къ иконамъ, молятся Богу. Женихъ дѣлаетъ три поклона въ поясъ и три въ землю, поворачивается лицомъ къ родителямъ и, наклонивъ голову, принимаетъ благословеніе отъ отца и матери. Благословляютъ сначала иконой, а потомъ хлѣбомъ. Затѣмъ женихъ прощается со всѣми, а потомъ вмѣстѣ съ дружкой, полудружкой и тысячкомъ выходятъ во дворъ къ лошадямъ.

На дворѣ дружка обходитъ съ иконой три раза кругомъ поѣздъ, а затѣмъ обращается къ публикѣ со словами: «Господа поѣзжане, прошу по мѣстамъ, какъ ясные соколы по гнѣздамъ!» Поѣздъ трогается и ѣдетъ къ невѣстѣ. По прибытіи къ невѣстѣ, дружка идетъ въ избу покупать мѣста жениху и свахамъ.

Для встрѣчи жениха и свахъ выходятъ свахи невѣсты съ водкой и закуской и просятъ пожаловать въ горницу; на это жениховы свахи гово-

рятъ, что у нихъ ноги пристыли и нужно разго-рѣть. Имъ подаютъ водки, а потомъ, поцѣловавшись другъ съ другомъ, всѣ идутъ въ избу.

Въ избѣ свахи начинаютъ расплетать косу невѣстѣ, а дружка обращается къ тысячкому: «Тысячка, тысячка, большой бояринъ, бери князя новобрачнаго съ княгиней молодой за правую руку, за златой перстень и выводи ихъ изъ-за стола дубоваго». Потомъ говоритъ родителямъ невѣсты: «Есть ли у нашихъ новобрачныхъ батюшка и родимая матушка? Намъ ѣхать путемъ-дорогою во святую церковь, подъ златъ вѣнецъ встать, законъ Божій принять».

Отецъ и мать берутъ икону, хлѣбъ и благословляютъ обоихъ. Когда благословятъ, то выходятъ къ лошадямъ, гдѣ дружка, обойдя опять весь поѣздъ съ иконой три раза, проситъ всѣхъ по мѣстамъ. Во время обхода дружкой поѣзда дѣвушки поютъ ему пѣсню: «Друженька молоденькій» (стр. 105).

Поѣздъ трогается въ церковь. Женихъ сидитъ съ дружкой, а невѣста—со своими свахами.

Изъ-подъ вѣнца ѣдутъ въ домъ жениха. [1]) Здѣсь родители благословляютъ новобрачныхъ, [2]) поздравляютъ съ законнымъ бракомъ и сажаютъ за столъ ужинать впередъ, къ иконамъ. Дружка угощаетъ водкой поѣзжанъ, тѣ поздравляютъ родителей съ дѣтками, а новобрачныхъ съ законнымъ бракомъ. Когда ужинъ окончится, дружка и свахи сопровождаютъ новобрачныхъ на покой до «горнóго стола».

Проводивъ молодыхъ, дружка, свахи и родные

---

[1]) Въ станицѣ Оренбургской, если молодой—урядникъ, при въѣздѣ новобрачныхъ во дворъ родителей жениха, стрѣляютъ изъ ружей.

[2]) Въ Челябинскомъ уѣздѣ холостые друзья молодого дѣлаютъ нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей во время благословенія новобрачныхъ.

идутъ къ родителямъ невѣсты, гдѣ извѣщаютъ ихъ, что благополучно повѣнчали. Родители невѣсты угощаютъ гостей, и здѣсь же уговариваются, когда дѣлать «горнóй».

«Горнóй» дѣлается у жениха такимъ образомъ. Собираются всѣ родные, какъ со стороны жениха, такъ равно и невѣсты. Всѣхъ ихъ собираетъ дружка. У воротъ молодые встрѣчаютъ родителей невѣсты, кланяются имъ въ ноги, и молодой благодаритъ ихъ за воспитаніе дочери. Затѣмъ молодые уходятъ въ отдѣльную комнату и не выходятъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не позовутъ для подношенія «сыра».

«Сыръ» заключается въ слѣдующемъ. Дружка подноситъ всѣмъ роднымъ по стаканчику водки и проситъ помочь молодымъ, кто чѣмъ можетъ, какъ-то: скотиной, вещами и деньгами. На сыръ призываютъ молодыхъ, и когда кто выпиваетъ водку, то дружка кричитъ имъ: «Ленъ»! Молодые кланяются въ землю выпивающимъ и лежатъ до тѣхъ поръ, пока имъ не велятъ встать.

Дружка, поднося водку, каждому говоритъ: «Подходитъ новобрачный князь со своей княгиней молодой своими рѣзвыми ногами, подноситъ чарочку бѣлыми руками; просятъ чарочку выпить, дно позолотить: не рублями, не полтиной, хоть одной золотой гривной; помощь отъ васъ по силѣ: нѣтъ ли рублика четыре или бычка годовика, теленочка лѣтъ трехъ, жеребеночка лѣтъ пяти? Молодые — люди новые, имъ денегъ много надобно! Кушайте!» и тотъ кладетъ на сыръ, что можетъ.

Отцы и матери, прежде чѣмъ выпить, говорятъ молодымъ: «Да вотъ, дѣтушки, горько». Молодые цѣлуются. «Водка мутна!» кричатъ родители. Опять цѣлуются. «Грустно, скучно», повто-

ряетъ каждый выпивающій, и такъ далѣе. При каждомъ возгласѣ молодые цѣлуются.

По окончаніи горнóго, всѣ идутъ къ родителямъ новобрачной на «яичницу», которая состоитъ изъ различныхъ кушаній, приготовленныхъ изъ яицъ и молока. Яичницу покрываетъ молодая двумя платками, которыя потомъ беретъ себѣ дружка и полудружка. На яичницу молодые идутъ съ дружкой, который слѣдуетъ сзади всей компаніи, а впереди всѣхъ—молодые люди, танцующіе подъ гармонь. Если свадьба зимой, то, подойдя къ воротамъ, жгутъ вѣники.

Закусивъ и выпивъ на яичницѣ, идутъ опять въ домъ родителей молодого, и такъ далѣе—по всѣмъ роднымъ, участвующимъ на свадьбѣ. Гуляютъ недѣлю и болѣе.

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., ветеринарный фельдшеръ Георгій Афанасьевичъ Киселёвъ.

Описаніе свадьбы въ станицѣ Магнитной.

Если кто вздумаетъ женить своего сына, то сначала спрашиваетъ, конечно, жениха, кого онъ намѣтилъ себѣ въ невѣсты. Сынъ долженъ сказать, что та или эта дѣвушка ему нравится. Тогда къ ней или къ ея отцу посылаютъ сватовъ. Сватьями бываютъ родственники жениха, одна или двѣ особы: мужчина и женщина, на которыхъ женихъ надѣется, что они хаять и осуждать его не будутъ, а наоборотъ станутъ стараться какъ можно возвысить его въ глазахъ невѣсты и ея родныхъ. Сватья приходятъ къ намѣченной невѣстѣ въ домъ и начинаютъ раскланиваться, здороваться, и потомъ, по старинному преданію, стараются сѣсть подъ

матку [1]). Потомъ, какъ и всегда, бываетъ маленькая пауза. Сватья первые прерываютъ ее и начинаютъ такъ, что, молъ, Василій Ивановичъ Посылаевъ просилъ насъ передать Вамъ, что у него есть сынъ Григорій Васильевичъ, который обожаетъ вашу дочь Гликерію Родіоновну и желалъ бы взять ее себѣ въ жены, а съ Вами, Родіонъ Ивановичъ, Василій Ивановичъ желаетъ породниться. — Если невѣстѣ и родителямъ ея женихъ и его родные по вкусу, то тотчасъ же просятъ отца съ женихомъ къ себѣ, а сами собираютъ самыхъ приближенныхъ родственниковъ и обсуждаютъ съ ними вопросъ о «кладкѣ»: нужно ли взять кладку и сколько, нельзя ли обойтись и безъ нея? Обыкновенно беруть рублей 20—25 и самое большее пятьдесятъ рублей. Родителямъ жениха отвѣчаютъ такъ: «Если вамъ наша дочь настолько мила, то пожалуйте кладки столько-то». Женихъ или отецъ его, конечно, протестуютъ противу этого и стараются, хотя немного, поубавить просимую сумму. Тогда отецъ невѣсты говоритъ: «Если товаръ поглянется, такъ и умъ разступится; да и моя дочь вѣдь не вещь: рядиться, какъ на базарѣ, я не намѣренъ». Если у жениха хватитъ достатковъ, то соглашаются, а если нѣтъ, то говорятъ: «Покорно благодаримъ за честь, но у насъ такого достатка нѣтъ, просимъ извиненія, прощайте», и уходятъ. Если невѣстѣ желательно за него, то она постарается чрезъ родныхъ уговорить своихъ родителей, чтобы они поменьше просили кладки, и когда добьется своего, то тайно отъ родителей наказываетъ жениху, чтобы онъ опять посылалъ сватьевъ. На этотъ разъ, конечно, во всемъ

[1]) «Матка» или «матица»—основное бревно, на которомъ держится крыша.

сходятся, и дают руку. Это называется «рукобитье».

Рука дается так. Невѣста собираетъ своихъ самыхъ близкихъ родныхъ. Женихъ тоже собираетъ родныхъ и идетъ къ невѣстѣ. Здѣсь берутъ чистое полотенце и разстилаютъ на столъ. Сначала кладетъ на полотенце руку вверхъ ладонью отецъ невѣсты и перекладываетъ ее полотенцемъ; сверху кладетъ руку отецъ жениха и также перекладываетъ полотенцемъ; за нимъ перекладываетъ руку полотенцемъ мать невѣсты; за ней—мать жениха, братъ невѣсты, братъ жениха, ихъ жены и такъ далѣе. Когда всѣ складутъ руки, то кто-нибудь изъ родныхъ говоритъ, что съ попятнаго по сто рублей, т. е. чтобы ни та, ни другая сторона не отказывались; если кто откажется, то чтобы платилъ сто рублей. Потомъ разбираютъ руки. Сперва беретъ верхній, откидывая полотенце, потомъ слѣдующій и такъ до послѣдняго, т. е. отца невѣсты.

Если у невѣсты есть что-нибудь готовленное для стола, то тотчасъ же начинается «запой», а если нѣтъ, то онъ откладывается до извѣстнаго времени.

Запой начинается такъ. Въ домѣ каждаго свата собираются родные. Женихъ со своей родней идетъ къ невѣстѣ и несетъ своего вина. Поздоровавшись, садятся за столы, заранѣе приготовленные. На столы пока ставятся только хлѣбъ, соль и холодная закуска, напримѣръ: рыба, капуста, у кого что есть, закрытыя до времени полотенцами. Когда женихова родня сядетъ за столы, то одинъ изъ нихъ проситъ «теплеца», т. е. спичекъ, чтобы зажечь на божницѣ восковую свѣчу. Когда свѣчу зажгутъ, то всѣ молятся Богу, послѣ чего тотъ же изъ родныхъ, который просилъ огня, проситъ позво-

ленія сѣсть. Ему отвѣчаютъ: «Пожалуйста садитесь». Всѣ садятся, за исключеніемъ невѣстиной родни. Отецъ невѣсты заявляетъ, что суленое на рукобитьѣ онъ еще не получилъ, а потому проситъ съ нимъ раздѣлаться. Тогда женихъ (или отецъ его) отдаетъ всю ряженную кладку отцу невѣсты. Потомъ просятъ показать невѣсту; именно, кто-нибудь изъ родныхъ жениха говоритъ: «Нашего яблочка поглядите, свою ягодку покажите: было бы за что и водочкой угостить». Тогда подводятъ сперва какую-нибудь старую дѣву (или еще того смѣшнѣе старуху), которую за такую дерзость ловятъ тотчасъ же и цѣлуютъ, приговаривая: «Знай нашихъ». Потомъ выводятъ невѣсту, которая, подойдя къ столу, кланяется сперва жениху, а потомъ всѣмъ гостямъ со стороны жениха, и уходитъ. Послѣ этого начинаетъ женихъ угощать невѣстину родню водкой или тѣмъ, кто что пьетъ. Водку, вино и пиво сперва подаютъ родителямъ невѣсты, потомъ по-очереди ея братьямъ, сестрамъ, дядямъ и теткамъ, а потомъ уже сватьямъ, кумовьямъ и знакомымъ, которые приглашены на свадьбу. Когда отецъ начинаетъ пить, то дѣвки, собранныя на свадьбу, поютъ ему пѣсню: «Тятенька, пей, да меня не пропей» (стр. 42). Эта пѣсня поется всѣмъ роднымъ невѣсты, пока они пьютъ. Женихъ долженъ подать по три стакана каждому со стороны невѣсты.

По обнесеніи трехъ рядовыхъ, просятъ невѣсту за столъ. Просятъ такъ. Одинъ изъ родныхъ жениха, обращаясь къ роднымъ невѣсты, говоритъ: «Какъ голубь безъ голубки гнѣзда не вьетъ, такъ нашъ новображный князь безъ княгини сидѣть не можетъ». Тогда невѣсту подводятъ подружки къ столу, и она, если вздумаетъ, то даритъ жениха, чѣмъ можетъ. Богатая даритъ подарокъ по-пыш-

нѣе, напримѣръ: пиджакъ съ брюками, или фуфайку, или шарфъ пуховый. Если по-бѣднѣе, то даритъ перчатки пуховыя или бумажныя, или жилетку суконную или матерьевую. Женихъ на это долженъ отдарить или подаркомъ въ родѣ платья, шали или отрѣза какой-нибудь дорогой матеріи на шубу или на пальто, смотря по подарку, преподнесенному ему самому, и потомъ уже, по окончаніи этой церемоніи, беретъ невѣсту за руку и проводитъ ее за столъ и садитъ рядомъ съ собой по правую сторону. Съ невѣстой заходятъ за столъ ея будущія двѣ свахи, напримѣръ: крестная мать, если она еще молода, или сестра, или сноха невѣсты. И вотъ, когда невѣста уже сидитъ за столомъ, то женихъ подаетъ еще по одному стакану, или, какъ говорятъ казаки, по одной рядовой, а потомъ наливаетъ всю посуду, т. е. рюмки и стаканы, и спрашиваетъ, нѣтъ ли обидчиковъ. На это ему отвѣчаютъ: «Есть». Женихъ предлагаетъ налитые стаканы обиженнымъ и проситъ извиненія. Тогда выходятъ дѣвки и берутъ налитые виномъ стаканы и сливаютъ ихъ въ приготовленную заранѣе посуду. Это онѣ приготовляютъ угощеніе музыканту, а иногда и сами грѣшнымъ дѣльцемъ выпиваютъ винцо помаленьку. Послѣ того, когда дѣвокъ удовлетворятъ, наливаютъ опять всѣ стаканы водкой и передаютъ ихъ уже невѣстѣ или отцу ея. Родные невѣсты подаютъ всей роднѣ съ обѣихъ сторонъ три рядовыхъ, и потомъ всѣ начинаютъ веселиться, поютъ плясовыя пѣсни. Попляшутъ, потолкутся и, по приглашенію жениха, идетъ вся женихова и невѣстина родня въ домъ къ жениху. Отецъ жениха у себя дома угощаетъ гостей тоже тремя рядовыми, послѣ чего родные по-старше расходятся домой, а по-моложе идутъ вмѣстѣ съ женихомъ къ невѣстѣ на вечорку.

Женихъ съ товарищами остается у невѣсты и по уходѣ всѣхъ гостей, гдѣ проводитъ весь вечеръ, угощаетъ товарищей водкой, а барышенъ закусками въ родѣ пряниковъ, конфетъ, орѣховъ, зеренъ, шоколаду и мармеладу.

Утромъ всѣ гости опохмеляются. Если сватья богатые, то гуляютъ еще одинъ день, только тогда уже всѣ водятъ къ себѣ гостей и угощаютъ, а если небогатые, то опохмеляются, и расходятся по домамъ, а сватья уговариваются о времени, когда играть свадьбу и назначаютъ день для «дѣвичника» или, какъ нѣкоторые называютъ, «вечеринки».

Когда настанетъ день дѣвичника, то у обоихъ сватьевъ готовятъ разныя кушанья, а невѣста съ дѣвками приготовляется къ дѣвичнику совершенно отдѣльно: у нихъ свои правила, свои разныя церемоніи. Сначала дѣвки идутъ къ жениху за мыломъ, потому что въ этотъ день онѣ топятъ для невѣсты баню. Женихъ даетъ съ фунтъ мыла и бутылку или двѣ водки, запрягаетъ пару лошадей и катаетъ дѣвокъ часъ или два, потомъ завозитъ ихъ къ невѣстѣ.

Когда баня изготовится, то прежде всего у невѣсты «расплетаютъ косу». Къ этому времени собирается въ домѣ невѣсты очень много постороннихъ женщинъ и дѣвицъ, потому что это считается самымъ интереснымъ временемъ. При расплетаніи косы невѣста воетъ и причитаетъ всѣ прожитые ею выдающіеся эпизоды ея жизни, а затѣмъ отца съ матерью: «Государь ты мой родимый тятенька» (стр. 82). Отецъ подходитъ и расплетаетъ только одну прядь косы, потомъ мать тоже расплетаетъ одну прядь. Невѣста и матери, и всѣмъ роднымъ, и присутствующимъ тутъ причитаетъ одинъ и тотъ же причетъ, приведенный

выше. Кого невѣста будетъ причитать, тотъ только и расплетаетъ косу и то по одной пряди. Если невѣста сирота, то она ѣздитъ на кладбище и на могилѣ родителей плачетъ и въ слезахъ проситъ ихъ благословенія, и потомъ уже расплетаютъ ей косу ея родные, которые выдаютъ ее замужъ. Когда коса расплетена, то невѣсту ведутъ ея подруги въ баню, и тамъ у нихъ происходитъ чистая оргія, свойственная всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ, напримѣръ: нѣкоторыя изъ нихъ моются, нѣкоторыя другъ на друга плещутся, другія пѣсни поютъ, а по-старше и водкой угощаются. Тутъ онѣ совершенно свободны: продѣлываютъ все, что имъ вздумается. Пѣсни поютъ плясовыя.

Когда приходятъ изъ бани, то отецъ невѣсты запрягаетъ пару лошадей, дугу дѣвки изукрашиваютъ ленточками разныхъ цвѣтовъ, и это называется «кататься съ красотой». Дѣвки садятся и ѣдутъ кататься, при чемъ тотчасъ же запѣваютъ, хотя немного, но обязательно, такую пѣсню: «Не на умѣ было, не на разумѣ» (стр. 85). Катаются на невѣстиныхъ лошадяхъ часъ или два, потомъ дѣвки уходятъ передъ вечоркой маленько отдохнуть.

Передъ вечеромъ, къ тому времени, когда подаютъ огни, сватья жениха и невѣсты собираютъ каждый свою родню къ себѣ. Когда всѣ соберутся, то отъ невѣсты дѣвки идутъ за женихомъ и его родными «съ репьёмъ». Репей налаживаютъ заранѣе такъ. Приносятъ кустъ обыкновеннаго репья, и конецъ каждаго его отростка обматываютъ тряпицей, обмокнутой въ керосинъ. Вотъ этотъ-то репей зажигаютъ и съ нимъ отправляются къ жениху. Когда придутъ къ жениху, то тѣ дѣвки, которыя по-бойчѣе выходятъ впередъ и кланяются жениху и просятъ его въ самыхъ вѣжливыхъ выра-

женіяхъ въ гости со всѣми его родными. Женихъ отвѣчаетъ: «Радъ душой посѣтить невѣсту и родныхъ ея. Я горю нетерпѣніемъ поскорѣе увидать невѣсту, кланяйтесь невѣстѣ и скажите, что мы за вами же прилетимъ къ ней на крыльяхъ».

Тутъ женихъ назначаетъ одного изъ своихъ родныхъ «дружкой», т. е. главнымъ распорядителемъ во время свадебныхъ торжествъ, а одного «полудружьемъ», т. е. помощникомъ къ дружкѣ. Если есть крестный отецъ жениха, то онъ будетъ «тысяцкій»; онъ поѣдетъ впослѣдствіи съ женихомъ на одной лошади подъ вѣнецъ съ иконами въ рукахъ. Потомъ выбираютъ двухъ «свахъ» къ жениху, которыя ѣдутъ подъ вѣнецъ вмѣстѣ на одной лошади. И когда назначеніе кончится, то садятся всѣ за столы. Женихъ садится первый въ самый передъ, по правую сторону его садится мать, если она жива, а если нѣтъ, то кто замѣняетъ ее; по лѣвую—отецъ, рядомъ съ нимъ—тысяцкій, или крестный отецъ, потомъ дружка, затѣмъ полудружье, далѣе другіе мужчины всѣ по порядку, разбираясь со степенью родства. Рядомъ съ матерью садятся свахи, а потомъ всѣ женщины по порядку родства. Все это дѣлается для того, чтобы, когда придутъ къ невѣстѣ, каждый зналъ свое мѣсто и напрасно не толкался бы и не суетился.

Когда вся эта церемонія продѣлана, то встаютъ всѣ на ноги и, помолясь Богу, идутъ къ невѣстѣ. Подходя къ дверямъ хаты невѣсты, дружка громко читаетъ до трехъ разъ молитву: «Господи, Исусе Христе, Сыне Боже, помилуй насъ». Изъ хаты отвѣчаютъ: «Аминь». Тогда всѣ заходятъ, и начинается здорованіе, пожатіе рукъ, извиненіе, что долго прокопались, чѣмъ заставили ждать. Отецъ невѣсты проситъ всѣхъ бесѣдовать за столы, и

вотъ каждый, зная свое мѣсто, размѣщается безъ всякой суеты, и быстро всѣ успокаиваются. Тогда дружка проситъ, какъ и въ запой, теплеца, зажигаетъ на божницѣ свѣчу и проситъ всѣхъ присутствующихъ присѣсть. Всѣ садятся, кто гдѣ можетъ. Послѣ маленькой паузы, всѣ сразу встаютъ и молятся Богу.

Потомъ дружка проситъ позволенія сѣсть, и всѣ, съ разрѣшенія хозяевъ, садятся. Послѣ этого дружка кричитъ: «Нашего яблочка поглядите, а свою ягодку покажите», и тутъ продѣлывается все то же, что и при запоѣ. Когда невѣста покажется, то начинаютъ угощать водкой пивомъ и виномъ. Угощаетъ женихъ своей водкой; распоряжаются, т. е. подаютъ гостямъ, дружка съ полудружьемъ. Налитые на подносѣ рюмки и стаканы держитъ дружка и проситъ родителей невѣсты такъ: «Сватушка, свахонька, пожалуйте выкушать». Тѣ подходятъ, берутъ по рюмкѣ и говорятъ: «Съ начатіемъ дѣла; что желаемъ, то бы намъ получить», и выпиваютъ. Послѣ этого дружка кричитъ: «Сватушка, свахонька, посылайте слѣдующихъ». Подходятъ по-очереди всѣ родные невѣсты и выпиваютъ по одной рюмкѣ. Когда подадутъ по одной, дружка наливаетъ по другой. Каждый съ невѣстиной стороны старается найти себѣ товарища со стороны жениха и проситъ подать тому. Дружка, конечно, подастъ. И вотъ выходитъ такъ, что отецъ и мать невѣсты пьютъ съ отцомъ и матерью жениха, всѣ родные невѣсты—каждый съ партнеромъ со стороны жениха, а то вѣдь жениховой роднѣ не пивши скучновато будетъ.

Когда подадутъ извѣстное число рядовыхъ, смотря по состоянію жениха, обыкновенно по три, а у богатыхъ по четыре и даже по пяти, дружка кричитъ: «Всѣ гости довольны, а одинъ гость не-

доволенъ,—просимъ покорно удовлетворить его». Тогда невѣста подходитъ къ столу съ «дарами» и даритъ жениха. Потомъ невѣста подноситъ подарки родителямъ жениха, а если состоятельна, то и всей женихової роднѣ. Положимъ это отчасти зависитъ и отъ количества взятой невѣстой кладки съ жениха. Если кладка взята большая, то, конечно, дарить должно всѣхъ родныхъ жениха. Дары бываютъ такіе: жениху, если богаты, парочкой, т. е. пиджакъ съ шароварами, отцу—рубашку и портки, матери—на платье, а тамъ, смотря по степени родства, рукава [1]), полушалки и платки. Во все время обнесенія невѣстой дарами дѣвки поютъ пѣсню: «По городу, городу звоны пошли» (стр. 79).

Когда невѣста кончитъ обносить дарами, то садится за столъ къ жениху, по правую сторону его, и съ ней садятся свахи со стороны ея и со стороны жениха, и потомъ женихъ подаетъ еще двѣ рядовыхъ. Дѣвки же поютъ въ это время каждому свадебжанину пѣсню, и за это получаютъ деньги. Каждый долженъ дать дѣвкамъ за пѣсню деньги, кто сколько можетъ. Пѣсни поются такія, въ которыхъ навеличивается мужъ и жена, напримѣръ: «Ты не стой, мой теремъ» (стр. 59).

По обнесеніи всѣхъ водкой, дѣвки «выкупаютъ невѣсту». Дѣлается это такимъ образомъ. Одна изъ дѣвушекъ беретъ стаканъ, налитый виномъ или водкой, закрываетъ его тарелкой плотно и потомъ быстро поворачиваетъ такъ, чтобы стаканъ пришелся на тарелкѣ вверхъ дномъ; затѣмъ она подноситъ его жениху и проситъ покорнѣйше выкушать. Женихъ, зная, что это значитъ, высказываетъ сожалѣніе, что не дали ему посидѣть по-

[1]) Рукава на сарафаны.

дольше съ невѣстой, беретъ тарелку и переверты-ваетъ такъ, чтобы стаканъ очутился снизу, сни-маетъ тарелку, отдаетъ ее дѣвушкѣ, выпиваетъ изъ стакана вино, а потомъ провожаетъ отъ себя невѣсту вмѣстѣ со свахами.

Когда невѣста выйдетъ изъ-за стола, то бе-ретъ подносъ съ виномъ и угощаетъ всѣхъ по одному стакану, а ей за это каждый долженъ по-ложить на подносъ одну какую-нибудь монету. Это называется «выпить отъ пирожницы», потому что въ это время ставятъ на столъ послѣднее ку-шанье: сладкій пирогъ и супъ. Сладкій пирогъ дѣлается изъ изюма, а сладкій супъ—это вареный изюмъ съ урюкомъ [1]); то и другое подается по-слѣдними въ любой казачьей гулянкѣ.

Откушавъ послѣдняго, всѣ гости встаютъ и собираются къ жениху. Пока гости собираются, въ это время дѣвки, взявъ жениха, уходятъ къ нему впередъ гостей. Женихъ у себя дома садитъ дѣвокъ за столъ и ставитъ имъ какое-нибудь ку-шанье, подаетъ по рюмочкѣ водки, а потомъ вмѣстѣ съ ними же идетъ къ невѣстѣ на вечорку, неся съ собой для угощенія дѣвокъ всякія слас-ти, а для товарищей водки. Гости же, пришед-шіе отъ невѣсты, угощаются отцомъ жениха также какъ на дѣвичникѣ, т. е. имъ подаются также по три или четыре рядовыхъ, а затѣмъ они расхо-дятся по домамъ, за исключеніемъ только моло-дыхъ людей, которые идутъ на вечорку и тамъ малость, грѣшнымъ дѣльцемъ, повеселятся. Дѣвки играютъ всю ночь и только на зарѣ проводятъ жениха домой, а потомъ сами ложатся отдохнуть.

Утромъ начинается приготовленіе къ вѣнцу. Сначала у родителей невѣсты собираютъ постель,

[1]) Урюкъ—сушеные абрикосы.

одежду, посуду и все, что только предназначено за невѣстой. Родные невѣсты, зная, что въ этотъ день должны «ѣхать съ постелью», сами собираются къ невѣстѣ на лошадяхъ. И вотъ, когда родители соберутъ все приданое, то родные берутъ, каждый—что можетъ увезти, напримѣръ: перину, подушки, разныя одѣяла, разныя покрывала, сундуки, шубы крытыя и нагольныя, пальто повседневное и праздничное, посуду разную; послѣдняя несется на рукахъ, а нѣкоторая везется въ сундукахъ. Когда всѣ вещи взяты и положены на лошадей, тогда ѣдутъ со всѣмъ этимъ скарбомъ къ жениху. Женихъ долженъ угостить «постельниковъ» какъ нельзя лучше.

Пока все это происходитъ, дружки не дремлютъ: запрягаютъ лошадь и собираютъ поѣздъ. Сначала ѣдутъ къ священнику и просятъ его обвѣнчать молодыхъ. Священникъ беретъ съ нихъ за вѣнчаніе и посылаетъ къ псаломщику подписать обыскъ. Обыскъ подписываютъ женихъ и невѣста и съ обѣихъ сторонъ по два свидѣтеля, т. е. шесть человѣкъ. Потомъ ѣдутъ къ невѣстѣ и просятъ поскорѣе приготовляться къ вѣнцу, потому что священникъ готовъ. Въ каждый пріѣздъ дружки къ невѣстѣ дѣвки поютъ ему пѣсню: «Ужъ ты, дружка ли, друженька (стр. 86). Дружки ѣздятъ къ невѣстѣ три раза: первый разъ—только предупредить, чтобы готовились, второй разъ—везутъ невѣстѣ для вѣнца ботинки съ калошами, а въ третій пріѣзжаютъ со всѣмъ поѣздомъ для слѣдованія подъ вѣнецъ. Подъ вѣнецъ отправляются лошадяхъ на четырехъ или на пяти: подъ женихомъ съ крестнымъ—лошадь, подъ дружками—вторая, подъ шаферами—третья и подъ свахами—четвертая.

У невѣстиныхъ воротъ родные невѣсты дожи-

даются поѣздъ съ метлами и съ палками, и когда поѣздъ подъѣдетъ, то они не пускаютъ его къ воротамъ. Тогда дружки вытаскиваютъ изъ кармана заранѣе приготовленную бутылку водки и даютъ ее караулившимъ ворота. Тѣ берутъ ее и сейчасъ же распиваютъ со всѣми присутствующими здѣсь, хотя бы и посторонними людьми. Тогда только поѣздъ въѣзжаетъ во дворъ. У крыльца невѣсты постилаютъ «кошму»[1]) или коверъ, и тутъ жениха встрѣчаютъ двѣ свахи со стороны невѣсты. Онѣ наливаютъ четыре рюмки водки, подаютъ свахамъ отъ жениха и сами берутъ по одной и, здороваясь, выпиваютъ; потомъ ведутъ весь поѣздъ въ хату, садятъ всѣхъ за столъ, ставятъ на столъ три блюда: два изъ нихъ кушаютъ, а третье даже и не открываютъ. Дѣвки въ это время поютъ пѣсни: дружкѣ и полудружью ту же пѣсню, что и раньше пѣли, шаферамъ: «У большого у боярина» (стр. 93), а свахамъ: «Ужъ ты, сваха ли, свахонька» (стр. 93). За пѣсни, конечно, дѣвки собираютъ деньги.

Пока еще поѣзжане не сѣли за столъ, маленькіе ребята, сидящіе за столомъ, «продаютъ невѣстину косу». Косу выкупаетъ дружка: дастъ каждому мальчику по копейкѣ, и они, радуясь полученному, уходятъ изъ-за стола. Послѣ ребятъ садятся за столъ дѣвки и просятъ свахъ выкупить у нихъ невѣсту. Прежде свахи выкупали за пирогъ, а нонче даютъ фунтъ или два орѣховъ или конфетъ.

Когда это кончено, дружка проситъ «теплеца», зажигаетъ на божницѣ свѣчу. Всѣ молятся и садятся за столъ. Дружка кричитъ: «Какъ голубь безъ голубки гнѣзда не вьетъ, такъ и нашъ ново-

[1]) «Кошма» — войлокъ.

бражный князь безъ княгини сидѣть не можетъ». Тогда выводятъ невѣсту и садятъ ее рядомъ съ женихомъ. Поѣзжанамъ подаютъ двѣ рядовыхъ. Послѣ этого дружка опять кричитъ: «Сватушка, свахонька и весь міръ православный, благословите своихъ чадовъ милыихъ въ Божій храмъ ѣхать, подъ златъ вѣнецъ встать, законъ Божій принять». Тогда родители невѣсты говорятъ: «Богъ благословитъ». Всѣ встяютъ изъ-за стола, и потомъ родители невѣсты благословляютъ обоихъ, жениха и невѣсту, иконою и хлѣбомъ. Благословеніе происходитъ такъ. Впереди становятся родители невѣсты, а напротивъ ихъ становятся женихъ и невѣста рядомъ. Отецъ беретъ икону, а мать пока держитъ хлѣбъ. Женихъ съ невѣстой молятся на икону (три раза кланяются вмѣстѣ въ поясъ и три раза въ землю) и наклоняютъ головы вмѣстѣ. Отецъ ставитъ икону къ нимъ обоимъ на головы, такъ чтобы икона касалась обѣихъ головъ, и говоритъ: «Благословеніе Господне на васъ во имя Отца, Сына и Святого Духа, аминь», и въ это время поворачиваетъ на главахъ ихъ икону крестообразно. Послѣ этого они цѣлуютъ икону и вновь наклоняютъ головы, и отецъ благославляетъ точно также хлѣбомъ. Затѣмъ слѣдуетъ такое же благословеніе матерью.

Когда благословеніе кончено, то женихъ беретъ невѣсту за руку, выводитъ ее изъ хаты къ лошадямъ и сажаетъ ее со своими свахами, а самъ садится съ тысяцкимъ. Когда всѣ поѣзжане сядутъ на лошадей, тогда дружки берутъ иконы и съ ними обходятъ три раза весь поѣздъ кругомъ, потомъ кричатъ: «Бояре, бояре, по мѣстамъ, какъ ясные соколы по гнѣздамъ! Всѣ ли сѣли? все ли взяли? Міръ православный, благословите!» Всѣ садятся и ѣдутъ въ церковь, а дѣвки на особой

парѣ ѣдутъ провожать невѣсту и покататься въ послѣдній разъ. Постельники же, угостившись какъ нельзя лучше, разставивъ и повѣсивъ все приданое по указаннымъ мѣстамъ, оставляютъ тутъ около постели одну самую старенькую постельную сваху для присмотра за постелью, а сами разъѣзжаются по домамъ. Постельная сваха остается до прибытія поѣзда изъ-подъ вѣнца.

По возвращеніи изъ церкви, молодые идутъ въ хату отца молодого. Тутъ ихъ благословляютъ отецъ и мать молодого также, какъ и у родителей невѣсты до вѣнца. Послѣ вѣнца жениха и невѣсту называютъ уже «молодыми». Молодыхъ посыпаютъ хмелемъ, приговаривая. «Какъ хмель вьется тѣсно къ тычинамъ, такъ и, наши дѣтки, вейтесь другъ къ другу». Потомъ садятъ молодыхъ и весь поѣздъ за столы и угощаютъ чаемъ и неизбѣжной водкой. Послѣ угощенія, если еще рано, собираютъ на «горной столъ», а если нѣтъ, то оставляютъ молодыхъ однихъ раздѣлять брачное ложе, а сами всѣ разъѣзжаются по домамъ и предаются отдыху.

Утромъ раньше всѣхъ является къ молодымъ дружка съ полудружьемъ, топятъ чѣмъ-нибудь для смѣху баню и подымаютъ съ постели молодыхъ, приглашая ихъ въ баню распарить уставшія кости. Молодые, конечно, «откупаются отъ нихъ», дарятъ имъ по платку и благодарятъ обоихъ за заботливость и попеченіе. Потомъ дружки собираютъ родныхъ молодого и предлагаютъ имъ чай, при чемъ разливать чай должна молодушка.

Послѣ угощенія чаемъ, начинаютъ собираться ѣхать на лошадяхъ къ роднымъ молодой, а въ то же время и покататься. Тутъ всѣ пришпиливаютъ къ головамъ по красной ленточкѣ; кто беретъ старое ведро и палку, кто старую заслонку

и стучатъ по нимъ, дѣлая шумъ. Гости по-старше берутъ съ собою водку, пиво и вино. Дорогой къ родителямъ молодой останавливаются и угощаются. Свахи, ѣздившія съ невѣстой подъ вѣнецъ, привезенныя дружкой раньше всѣхъ къ молодымъ, войдя въ домъ родителей молодой, кланяются имъ въ ноги, благодарятъ ихъ за воспитаніе молодой въ самыхъ скромныхъ условіяхъ. И вотъ послѣ этого уже начинается чистый хаосъ, — бьютъ въ старыя ведра, въ заслонки, кричатъ, шумятъ, пѣсни поютъ, такъ что тутъ разобрать что-нибудь нѣтъ никакой возможности. Привезенной водкой угощаютъ всѣхъ родныхъ молодой. За столы тутъ не садятся, а сейчасъ же просятъ всѣхъ родныхъ вмѣстѣ покататься и вотъ со всѣмъ этимъ шумомъ, гамомъ, плясней и выпивкой ѣздятъ по улицамъ, и это называется «бѣшеное утро». Когда все это дурное надоѣстъ и прискучитъ, а гости всѣ напьются, потому что въ это утро водки не жалѣютъ, то разъѣзжаются по домамъ, и маленько каждый отдыхаетъ. А въ это время молодые приготовляются къ столу, такъ называемому «горнóму».

На «горнóй столъ» дружки приглашаютъ и собираютъ всѣхъ вообще гостей, потому что съ этого времени гуляютъ уже вмѣстѣ всѣ родственники молодого и молодой. Родные молодой собираются у ея родителей и потомъ уже всѣ вмѣстѣ идутъ къ молодому. Теща несетъ часть мяса и калачъ. Идутъ чинно, безъ шуму и пѣсенъ. Когда приходятъ на дворъ къ молодымъ, то родители молодой становятся на заранѣе посланную кошму или коверъ, гдѣ ихъ встрѣчаютъ молодые и свахи со стороны молодого. Молодые кланяются родителямъ въ ноги и цѣлуютъ ихъ, а свахи въ это время подаютъ всѣмъ по рюмочкѣ водки и потомъ уже впускаютъ въ хату, гдѣ всѣ начинаютъ здо-

роваться, какъ будто очень давно не видались. Теща передаетъ принесенное ею мясо и хлѣбъ со словами: «Благослови, Господи, домъ сей въ чистотѣ и достаткѣ. Аминь». Послѣ этого всѣ садятся за столы, за исключеніемъ дружки съ его помощникомъ, которые угощаютъ гостей. Молодые сидятъ за столомъ въ переднемъ углу. За столъ садятся по степени родства съ обѣихъ сторонъ, напримѣръ: братья той и другой стороны вмѣстѣ, сестры, дядья и тетки — тоже тѣмъ порядкомъ.

Когда всѣ сядутъ и всѣ успокоятся, тогда дружки начинаютъ угощать гостей водкой, пивомъ и виномъ. «Поварушки» начинаютъ носить на столъ перемѣну за перемѣной. Дружки подаютъ по второй рядовой. Тогда поварушка кричитъ: «Гусь нейдетъ!» Теща приглашаетъ поварушку къ столу и даритъ ее платкомъ и мыломъ и проситъ поскорѣе угостить ихъ гусемъ. Когда дружки подадутъ по третьей рядовой, то молодые изъ-за стола вылѣзаютъ, а на мѣсто ихъ садятся родители молодого, и тотчасъ же начинаютъ обносить «сырами». Сыры — это простые пряники; ихъ нарѣзаютъ помельче и накладываютъ на тарелку. Сначала тарелка облекается платкомъ, и на днѣ, снизу, тарелка держится за концы платка, а сверху покрытой тарелки кладутъ вышеозначенные пряники. Дружка идетъ съ подносомъ, уставленнымъ рюмками съ водкой, а полудружье—съ сырами. Дружка, обращаясь къ гостямъ, говоритъ: «Прошу покорно чарочку выпить, сырами закусить, на сыры положить: корову съ теленкомъ, кобылу съ жеребенкомъ, овечку съ ягненкомъ, а тамъ—что Богъ послалъ». Выпивающему рюмку полудружье предлагаетъ сыры «на шильце, на мыльце, на банничекъ», а тотъ кладетъ на сыры, что можетъ, напримѣръ: корову, овечку, теленка или что изъ

птицы. Если кто по-богаче, то всегда даетъ что-либо изъ скота, а по-бѣднѣе—изъ птицы или деньгами. Каждый, даря на сыры, говоритъ: «Вотъ, дѣти, коровка, овечка, гусиха или утка». На сыры жертвуютъ и деньги, и низшій размѣръ доходитъ даже до копейки. Молодые же каждому, положившему на сыры, кланяются и благодарятъ.

По окончаніи сыровъ всѣ встаютъ изъ-за стола, и начинается веселье. Если есть гармоника, то пляшутъ подъ нее, а нѣтъ никакой музыки, танцуютъ и подъ плясовыя пѣсни. Пѣсни поются обыкновенно такія: «Шла молодка изъ гостей со великихъ радостей», «Вотъ калина моя, вотъ малина моя», и много другихъ. Когда навеселятся и маленько поустанутъ, то всѣ безъ исключенія, вмѣстѣ съ молодыми, ѣдутъ кататься.

Послѣ катанія всѣ заѣзжаютъ «къ тещѣ на блины». Блинный столъ всецѣло принадлежитъ тещѣ съ тестемъ. Это ихъ первый расходъ, первая трата, потому что до сего времени всѣ расходы несъ женихъ, хотя столы и были у невѣсты, но водка была вся жениха. Такъ вотъ—всѣ на блинахъ. Тесть начинаетъ угощать водкой, виномъ и пивомъ. Хмельные напитки не жалѣются: пей, сколько угодно душѣ. А теща съ поварушками ставитъ на столы перемѣну за перемѣной. Когда очередь придетъ до блиновъ, то ихъ ставятъ только на передній столъ и то прикрытыми тарелкой. Тогда по гостямъ какъ будто пробѣжитъ невольное удивленіе съ восклицаніемъ: «Блины несутъ!» Блины подаетъ непремѣнно теща. Подавъ блины на столъ, она кланяется зятю и покорнѣйше проситъ вмѣстѣ съ дорогими гостями покушать блиновъ собственнаго ея печенія.

Зять беретъ сверху съ блиновъ тарелку и говоритъ: «Хороши блинки, да не масляны, хороша

теща да не ласкова», и съ этими словами бросаетъ тарелку въ потолокъ, такъ что тарелка расшибается на мелкія части. Тутъ теща извиняется передъ зятемъ, что пожалѣла масла и начинаетъ мазать масломъ головы: сперва зятю, а потомъ всѣмъ мужчинамъ. Зять раскладываетъ блины по тарелкамъ и передаетъ на каждый столъ и тутъ же начинаетъ хвалить тещу, что она у него хороша и ласкова, а блины масляны. Тесть во все время угощаетъ водкой. Когда теща подаетъ блины, то зять даритъ ей башмаки, а тестю сапоги. Теща съ блинами подаетъ молодымъ шаль или на платье, такъ что происходитъ обмѣнъ подарковъ. Кончивъ эту церемонію, всѣ встаютъ изъ-за столовъ, и начинается полное веселье, запѣваютъ пѣсни, напримѣръ: «Закутило, замело» (стр. 122), или поютъ такую пѣсню, чтобы теща была ласковѣе: «Теща для зятя удобрилася» (стр. 118). И вотъ когда напьются, напляшутся, тогда идутъ по гостямъ, если только рано, а поздно, расходятся по домамъ до утра.

Утромъ всѣхъ гостей молодые созываютъ къ себѣ и угощаютъ чаемъ и «щербой», т. е. рыбьей ухой, и водкой. У молодыхъ сидятъ долго, пока не соберутся всѣ. Когда соберутся всѣ, то идутъ или ѣдутъ къ тестю. У тестя угощаются тоже чаемъ, ухой и водкой, а потомъ идутъ всѣ къ дружкѣ, потомъ къ полудружью, затѣмъ къ тысяцкому, къ свахамъ и т. д., но обязательно сначала по жениховской роднѣ, а потомъ по-очереди по невѣстиной. Въ каждомъ домѣ подаютъ по три обязательныхъ рядовыхъ, а по-щедрѣе хозяинъ, то по четыре и пяти рядовыхъ. На столы ставятъ перемѣнъ отъ пяти до десяти, и послѣднимъ блюдомъ бываютъ неизмѣнные сладкій пирогъ и супъ. Къ кому по-очереди слѣдуетъ

нти въ гости, тотъ приглашаетъ, чтобы всѣ слышали, такъ: «Гости званы, гости браны, пожалуйте ко мнѣ въ родительскій домъ хлѣба-соли откушать, по рюмочкѣ выпить. Прошу покорно.» Ему отвѣчаютъ: «Съ полнымъ удовольствіемъ». При встрѣчѣ хозяева, если есть изъ нихъ молодые, запѣваютъ такую пѣсню: «Ужъ вы, гости, мои гости» (стр. 120). Гости подхватываютъ пѣсню, и веселье разгорается. Поютъ пѣсни и плясовыя, подъ которыя и пляшутъ, а то еще поютъ проголосныя, напримѣръ такую: «Посидите, мои гости, побесѣдуйте» (стр. 121). Попѣвъ и поплясавъ, гости идутъ къ слѣдующему, а тамъ происходитъ все тоже, что и въ первыхъ гостяхъ. Въ гости ходятъ къ каждому по два раза: первый разъ на столы, а второй опохмелиться. Если, напримѣръ, у кого сегодня были гости, то тотъ долженъ на завтра за тѣ же столы, т. е. остатки, пригласить гостей на похмелье.

Когда обходятъ всѣхъ свадебжанъ, то оба свата для своей родни по отдѣльности дѣлаютъ столъ, и называется онъ «послѣднимъ столомъ», гдѣ сватья благодарятъ всѣхъ гостей за неоставленіе ихъ при важныхъ случаяхъ. Въ гостяхъ у сватьевъ веселье бываетъ поскромнѣе, такъ какъ уже надоѣло веселиться. Затѣмъ мирно расходятся, пожелавъ хозяевамъ добраго здравія и всего хорошаго. Жизнь входитъ въ свою колею и течетъ по-старому.

Молодые каждое воскресенье на первыхъ-то порахъ ходятъ къ тещѣ въ гости, собираютъ положенную на сыры скотину или птицу. Сперва и сватья тоже какъ-то почаще видятся и даже съ первыхъ-то годковъ и почаще вмѣстѣ погуливаютъ, а потомъ начинаютъ другъ къ другу понемногу охладѣвать, а подпослѣдъ только считаются сватьями.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

Подробность свадебнаго обихода и свадебныхъ обычаевъ въ станицѣ Кундравинской.

Свадьбы обыкновенно бываютъ въ Рождественскій мясоѣдъ. Казаки въ это время свободны отъ работъ, и амбары наполнены хлѣбомъ. Рѣдко свадьбы бываютъ въ другое время; почему весь Рождественскій постъ проходитъ въ подготовкѣ къ брачному торжеству. Со стороны отца эта подготовка состоитъ главнымъ образомъ въ припасеніи денегъ; со стороны же матери и другихъ членовъ семейства подготовка принимаетъ болѣе живой интересъ: это подыскиваніе или выборъ невѣсты. Начинается детальный разборъ, и дѣвушки разсматриваются всесторонне. Припоминаютъ даже прадѣдушекъ. Для этого разбора и выбора обыкновенно ведется бесѣда между матерью жениха и ея приближенными родственницами и кумушками. Когда предварительный выборъ кончается, спрашиваютъ согласія жениха, и, въ случаѣ его несогласія на сдѣланный выборъ, стараются всѣми силами уговорить его. Обычай этотъ впрочемъ уже устарѣлый и сохранившійся у немногихъ. Когда выборъ оконченъ, избираютъ сватовщика или сватовщицу, всегда родственниковъ невѣсты, и просятъ ихъ итти къ родителямъ невѣсты дѣлать предложеніе. Обязанности сватовщика состоятъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы склонить отца съ матерью выбранной дѣвушки къ отдачѣ, если женихъ, по ихъ, сватовщиковъ, мнѣнію, стоитъ ихъ родственницы. Черезъ посредство сватовщика дѣлаются условія о «запросѣ», который несетъ женихъ, какъ бы приданое невѣстѣ, въ размѣрѣ отъ десяти до ста рублей и вина до полутора ведеръ, смотря по состоянію. По уговорѣ дается задатокъ, и назначается день «просватанья».

Къ назначенному дню приглашаются родственники, какъ со стороны жениха, такъ и невѣсты,

но не всѣ, которые будутъ на свадьбѣ, а только близкіе. Невѣста приглашаетъ также подругъ своей дѣвической жизни. Онѣ поютъ свадебныя пѣсни при пріѣздѣ жениха и его родственниковъ и шьютъ бѣлье. На просватанье родня жениха ѣдетъ или идетъ, когда сватовство въ своемъ поселкѣ, всегда къ вечеру и рѣдко въ другое время. Отправляются въ сопровожденіи сватовщика. По приходѣ и обычномъ привѣтствіи хозяевъ, усаживаются за накрытые столы, предварительно помолившись на образа съ зажженными передъ ними лампадами или свѣчами. Какъ разсядутся, сватовщикъ проситъ отца невѣсты дать руку отцу жениха, и берутся всѣ за руки, а сватовщикъ разнимаетъ руки, какъ бы свидѣтель согласія той и другой стороны. Невѣста въ это время причитываетъ: «Не давай-ка, родимый тятенька» (стр. 41). Дѣвушки поютъ, повторяя за невѣстой, тѣ же слова.

Послѣ «рукобитія» сватовщикъ подаетъ отцу, матери и родственникамъ невѣсты по стакану водки, а невѣста всякій разъ кланяется принимающему вино въ ноги и причитываетъ: «Не принимай-ка, родимый тятенька, маменька и т. д.» (стр. 42). Дѣвушки поютъ тѣ же слова.

По окончаніи этой церемоніи невѣста даритъ жениха, будущаго свекра, свекровь и родственниковъ. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ. Невѣста беретъ тарелку, на тарелку ставятъ стаканъ водки, который невѣста подаетъ жениху и другимъ со словами: «Прошу выкушать». Стаканъ осушается и ставится обратно; тогда невѣста подноситъ «дары»: платокъ, два-три аршина ситцу и т. п.. Принявшій обтираетъ дарами губы, приговаривая: «Надо помолодѣть», и кладетъ на отдарки копеекъ двадцать-пятьдесятъ и больше, смотря по дарамъ.

По окончаніи даренія, невѣста одѣвается въ болѣе соотвѣтствующее торжеству платье и выходитъ къ пріѣзжимъ гостямъ «здороваться», при чемъ беретъ каждаго за руку и цѣлуетъ, начиная съ женщинъ. Когда невѣста здоровается съ послѣднимъ, то дѣлаетъ видъ, что хочетъ прорваться и уйти, но ее задерживаютъ и сажаютъ за столъ рядомъ съ женихомъ.

Послѣ этого начинаютъ подавать разныя блюда съ кушаньями и различнаго печенья хлѣбъ, при этомъ, конечно, въ изобиліи производится подача водки. Послѣ угощенія, которое кончается нерѣдко къ двѣнадцати часамъ ночи, родственники невѣсты и дѣвушки провозятся на лошадяхъ по улицамъ, и просватанье заканчивается тѣмъ, что дѣвушки и родственники невѣсты гостятъ у жениха.

Промежутокъ времени между просватаньемъ и свадьбой уходитъ на подготовку къ «пирамъ» со стороны жениха и на шитье бѣлья и изготовленіе «постели» [1]) со стороны невѣсты. Время это продолжается различно (отъ одной до трехъ недѣль) и зависитъ отъ готовности сторонъ.

Въ канунъ дня свадьбы вечеромъ бываетъ въ домѣ отца невѣсты «вечеринка», на которой принимаютъ участіе всѣ лица, имѣющія быть на свадьбѣ, какъ со стороны жениха, такъ и невѣсты, обыкновенно молодые члены семействъ. Кромѣ родственниковъ приглашается еще «дружка», какъ руководитель свадебныхъ порядковъ. По мнѣнію народному, дружка есть надежда будущихъ семейныхъ благъ жениха и невѣсты. На вечеринку пріѣзжаютъ къ вечеру, и бываетъ вечеринка всегда при огнѣ. По приходѣ гостей, родственниковъ жениха,

[1]) «Постель» — пологъ, занавѣска, одѣяло, простыни, обойки, подушечныя наволочки и проч..

дѣвушки встрѣчаютъ ихъ пѣсней: «Не было вѣтру» (стр. 74). Хозяева усаживаютъ ихъ за столы. Какъ усядутся, невѣста разноситъ «дары», сначала своимъ родственникамъ, а послѣ родственникамъ жениха. Порядокъ даровъ тотъ же, что и въ просватаньѣ. Жениха дарятъ сукномъ на пиджакъ, шарфомъ и т. п.. Дѣвушки въ это время поютъ пѣсни, такъ называемыя «свадебныя припѣвки», напримѣръ: 1) «Ужъ ты винная ягода» (стр. 77), 2) «При горѣ, горѣ» (стр. 77), и 3) «Какъ на горѣ было горочкѣ» (стр. 77). Когда окончится вечеринка, то ѣздятъ въ гости, какъ и въ просватаньѣ, отецъ же и мать жениха уѣзжаютъ прямо домой.

Утромъ послѣ вечеринки дружка ѣздитъ къ отцу невѣсты узнать, скоро ли будутъ готовы къ принятію жениха. Между тѣмъ въ домъ жениха готовится «поѣздъ», составляющійся изъ пяти-шести саней, запряженныхъ парами или одиночками, съ молодыми кучерами, называемыми «боярами», чтобы ѣхать за невѣстой для слѣдованія въ церковь.

По окончательномъ приготовленіи, отъ невѣсты посылаются дѣвушки съ приглашеніемъ, которыя являются къ жениху со словами: «Миръ въ домѣ! Живёте здорово. Всѣ крещены. Сватушки, сватьюшки, рѣзвый друженька! князья сватушки, князья бояре, (величаютъ жениха), пріѣзжіе гостеньки! милости просимъ къ нашей невѣсткѣ (величаніе) на проводины». Пока дѣвушки ѣздятъ приглашать, отъ отца и матери невѣсты отправляется въ домъ жениха приданое невѣсты, заключающееся въ нѣсколькихъ сундукахъ, наполненныхъ холстомъ, платьемъ, бѣльемъ, и постели, стоющей у богатыхъ до ста рублей. Постель состоитъ изъ перовой перины, вѣсомъ около двухъ и даже бо-

лѣе пудовъ, четырехъ пуховыхъ и одной большой перовой подушекъ, двухъ одѣялъ, двухъ покрывалъ, двухъ простынь, двухъ обоекъ къ кровати.

Послѣ приглашенія дѣвушками, женихъ, дружка, «тысяцкій» (крестный жениха) и бояре ѣдутъ къ невѣстѣ. Ихъ принимаютъ не сейчасъ же. За столъ садятся самые близкіе родственники невѣсты, держа въ рукахъ ружья, кочерги, ухваты, весслки и другія кухонныя принадлежности, и требуютъ «выкупа». Тутъ начинается ряда «за мѣсто». Рядится дружка, но особыхъ для этого слово нѣтъ, а каждый дружка говоритъ соотвѣтственно своему таланту въ отношеніи дара слова.

Послѣ выкупа, въ суммѣ около рубля, женихъ и его спутники садятся за столъ и къ нимъ выводятъ невѣсту. Отецъ беретъ свою дочь за руку и отдаетъ будущему зятю со словами: «(Имя и отчество)! бери мою дочь на свои руки выпоену, выкормлену; самъ ее пой, корми, обувай и одѣвай.» Послѣ этого, помолившись образамъ, выходятъ изъ-за стола. Отецъ невѣсты беретъ икону, спутницу своей дочери, а мать булку хлѣба. Женихъ и невѣста встаютъ передъ образомъ, дѣлаютъ три земныхъ поклона, наклоняютъ головы; отецъ и мать благословляютъ ихъ.

Послѣ благословенія, женихъ, взявшись съ невѣстой за руку, выходитъ къ лошадямъ. По старинному обычаю, нынче выходящему изъ моды, женихъ на рукахъ садитъ свою невѣсту. Можно себѣ представить тѣ усилія, съ какими какой-нибудь худенькій восемнадцатилѣтній мальчишка долженъ садить, особенно въ лѣтнюю телѣжку, полную дѣвицу. Дружка, обойдя съ иконою вокругъ всего поѣзда три раза, садится въ повозку; садятся и всѣ остальные и съ обнаженными головами выѣзжаютъ со двора. Женихъ и невѣста ѣдутъ

въ разныхъ экипажахъ; невѣсту везетъ свой близкій родственникъ; послѣ же вѣнчанія молодые садятся въ одинъ экипажъ.

По пріѣздѣ отъ вѣнчанія, новобрачныхъ встрѣчаютъ отецъ и мать молодого и благословляютъ иконой и булкой хлѣба такъ же, какъ и у невѣсты. Къ пріѣзду отъ вѣнца собирается иногда много публики посмотрѣть «молодушку» и при встрѣчѣ поютъ пѣсню: «Ужъ вы соколы, соколы» (стр. 109).

Новобрачные послѣ благословенія проводятся въ комнату, усаживаются за столъ, и начинается «окручиваніе»[1]) новобрачной — надѣваніе и пришпиливаніе головного убора, охватывающаго чуть ли не болѣе половины головы, при чемъ поется пѣсня: «Ужъ ты сѣмячко, сѣмячко» (стр. 110). Окручиваніе головы дѣлается такъ. Новобрачные садятся за столъ. Двѣ свахи (по возможности крестныя матери жениха и невѣсты) берутъ гребень и начинаютъ чесать волосы, потомъ заплетаютъ двѣ косы и завиваютъ ихъ на головѣ, а поверхъ ихъ пришпиливаютъ головной уборъ. До окончанія туалета лицо невѣсты не показывается, и она садится въ шалѣ, и открывается, когда пришпилятъ «бо̀лгарку» (головной уборъ).[2]).

Когда окончится окручиваніе, бояре садятся за столъ, имъ подаютъ водки и пельменей. Послѣ этой закуски новобрачные уводятся на отдыхъ въ особую комнату, гдѣ уже къ тому времени бываетъ убрана приданая постель. Раньше былъ обычай еще и въ этой комнатѣ выпить по рюмкѣ водки, поднесенной молодушкой.

---

[1]) «Окручиваніе» — туалетъ.

[2]) У казаковъ Челябинскаго уѣзда головнымъ уборомъ замужнихъ казачѐкъ служитъ «повязка».

Все это есть приготовленіе къ пирамъ, самые же пиры начинаются съ такъ называемаго «стола».

Отдохнувъ, новобрачные встаютъ, готовясь встрѣчать пріѣзжающихъ родственниковъ. Отцу и матери невѣстки при встрѣчѣ новобрачные кланяются въ ноги, какъ бы въ благодарность со стороны зятя за ихъ дочь. Новыхъ родственниковъ угощаютъ чаемъ, а послѣ этого бываетъ «столъ».

Для угощенія гостей предварительно покрываютъ столы и уставляютъ ихъ блюдами съ разными кушаніями и накладываютъ цѣлые вороха хлѣба, преимущественно сдобнаго и печенаго въ маслѣ. О винѣ и говорить нечего: оно льется рѣкой. Столовъ бываетъ два: одинъ по пріѣздѣ родственниковъ невѣстки, другой «пирожный столъ».

За первый столъ приглашаетъ садиться дружка. Когда всѣ усядутся, дружка встаетъ и говоритъ: «Помолитесь Богу!» Всѣ молятся. «Благословите (называетъ по имени отца и мать жениха) столы столовать, пиры пировать, хлѣба-соли кушать.» Всѣ отвѣчаютъ: «Богъ благословитъ». За этимъ столомъ производится обычное угощеніе.

Во время пирожнаго стола, который бываетъ на другой день послѣ главнаго стола, производится купля рыбнаго пирога (отсюда названіе пирожный). Это дѣлается такъ. Приносится на столъ рыбный пирогъ. Гости сажаются вокругъ стола. Ставится простая чашка для денегъ. Монеты сначала употребляются мѣдныя, между ними встрѣчаются екатерининскія двухъ-копейки. Торгъ начинается стороной жениха и поддерживается той или другой стороной. Покупающій сильно бросаетъ свою монету въ эмалированную или другую желѣзную, но не фарфоровую, чашку со сло-

вами: «Мой пирогъ!» Послѣ этого беретъ ножъ и показываетъ видъ, что хочетъ рѣзать, какъ вдругъ съ другого конца стола ударяется съ неменьшимъ звономъ о чашку другая монета, и ножъ переходитъ въ другія руки. Подъ конецъ торгъ производится серебряными монетами, а у богатыхъ и золотыми, а также кредитными билетами. Пирогъ всегда продается родственникамъ новобрачной и продается нерѣдко за довольно солидную цѣну, считая всѣ набросанныя деньги,—отъ пятнадцати до сорока рублей, иногда доходитъ до ста рублей и болѣе. Прежде торга родственники той и другой стороны благословляютъ новобрачнымъ лошадей, коровъ, овецъ и птицъ разныхъ породъ для расплода.

Послѣ пирожнаго стола приглашаютъ гостей родственники. Это приглашеніе дѣлается такъ. Приглашающій встаетъ на стулъ и громко произноситъ: «Сватушки, сватьюшки, милости просимъ къ нашимъ родителямъ хлѣба-соли кушать!». Это—когда родители живы; въ противномъ случаѣ называетъ себя по имени. Во время угощенія есть обычай, что кто-нибудь изъ родственниковъ въ поданный стаканъ съ водкой ставитъ вилку, ложку или что другое и подноситъ ко рту, говоря въ сторону новобрачныхъ: «Нейдетъ!». Новобрачные встаютъ, берутъ другъ друга за уши и три раза цѣлуются. Забавляющійся выпиваетъ прикрякивая, а другіе его поддерживаютъ словами: «Кто крякнетъ, тому двѣ», и охотники выпить такъ накрякиваются, что приходится ихъ выносить семеромъ. Чтобы не происходило ссоръ между подгулявшими, и была бы тишь да гладь, какъ говорятъ про тѣ свадебныя гулянки, на которыхъ не бываетъ ссоръ, дружка примѣняетъ и умѣнье и знаніе, но все это рѣдко помогаетъ. Послѣ каждаго

угощенія гостей катаютъ на лошадяхъ по улицамъ. Отъ послѣдняго родственника гости собираются въ домъ отца молодого, гдѣ еще разъ угощаются, а потомъ уже разъѣзжаются по домамъ, но не всѣ. Остаются «коренные» сватъ и сватья и еще человѣка четыре по ихъ выбору. Съ ними опять производится такая же очередная гулянка, и только послѣ этого свадебное гулянье прекращается.[1])

Ст. Кундравинская, 1904 года, нестр. стар. разр. Павелъ Вопиловъ.

«Кстины» (крестины).

Когда родится ребенокъ, то родители стараются поскорѣе окрестить новорожденнаго, а поэтому, если младенецъ здоровый, то крестятъ въ первое же воскресенье или праздникъ, а если слабый здоровьемъ, то въ первый же или на другой день по рожденіи.

Кумовья обыкновенно бываютъ сродственники съ обѣихъ сторонъ, т. е. отцу и матери младенца. а если таковыхъ нѣтъ, то изъ близкихъ знакомыхъ. Кумъ приноситъ крестъ для младенца и деньги за крестины, а кума «ризки» и поясъ. «Ризки»—это аршина три ситцу. Берутъ младенца и идутъ въ церковь. Кума несетъ младенца, а кумъ—ведро воды.

[1]) Описаніе свадебныхъ обычаевъ у новолинейныхъ казаковъ (отъ Наслѣдницкой станицы до города Троицка) помѣщено въ «Запискахъ Оренбургскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», выпускъ второй, 1871 года, статья члена-сотрудника В. Плотникова «Очеркъ свадебныхъ обрядовъ у оренбургскихъ новолинейныхъ казаковъ».

Свадебные обычаи казаковъ Челябинскаго уѣзда описаны А. Завьяловымъ въ газетѣ «Оренбургскій край» за 1894 годъ (№№ 220, 223 226) въ статьѣ «Свадебные обряды казаковъ Челябинскаго уѣзда».

Когда кумовья отправятся въ церковь, отецъ младенца собираетъ на кстины родныхъ. На кстины стряпаютъ тѣ же кушанья, что и для свадьбы, только тутъ имѣетъ преимущество въ столѣ каша. Когда подаютъ кашу, то ставятъ вмѣстѣ съ ней двѣ порожнихъ тарелки: одна для младенца, а другая для повивухи, т. е. повивальной бабки. Каждый присутствующій кладетъ на тарелку новорожденнаго, кто сколько можетъ, денегъ, и это называется «на зубокъ»; потомъ кладутъ бабушкѣ за труды. Если бабушка еще не больно стара, то деньги тутъ же пропиваются. Со кстинъ богатые родные гуляютъ и водятъ къ себѣ въ гости.

Всѣ женщины сродственниковъ стряпаютъ родильницѣ сладкіе пироги и носятъ ихъ родильницѣ по праздникамъ до двухъ недѣль со дня родовъ. Съ пирогомъ ходятъ молодыя замужнія женщины. Въ нѣкоторыхъ поселкахъ есть обычай, что съ пирогомъ несутъ бутылку водки, у родильницы собираются человѣкъ пять-шесть и гуляютъ, а тамъ и по себѣ пойдутъ. Вообще принято, что если родился первенецъ, то непремѣнно гуляютъ. Если уже есть нѣсколько человѣкъ дѣтей, то можно не гулять, тогда пересудовъ никакихъ не будетъ, а то при первомъ ребенкѣ могутъ сказать, что первый еще, а не гуляютъ, ну, значитъ, родные молодыхъ не любятъ.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Ф. Д. Ефимовъ.

Обрядъ у женщинъ надъ младенцемъ при леченіи собачьей старости.

Если младенецъ худой, то женщины про него говорятъ, что у него болѣзнь—«собачья старость», а чтобы изгнать ее изъ младенца, надо ее печь.

Для этого леченія собираются двѣ женщины: мать ребенка и другая какая-либо приглашенная.

Мать ребенка беретъ младенца, привязываетъ его къ пирожной лопаткѣ и въ такомъ видѣ сажаетъ его въ печь. Приглашенная женщина обращается къ ней со словами:

«Что, кума (или имя, отчество), печешь?»

— «Собачью старость».

— «А ну ее пеки, пеки, чтобъ не было».

Послѣ этого мать вынимаетъ младенца изъ печи, а черезъ нѣкоторое время опять его сажаетъ въ печь. Посторонняя женщина при этомъ спрашиваетъ: «Кума (или имя, отчество), что печешь?» — «Собачью старость!» — «А ну ее пеки, пеки, чтобъ не было».

Такъ дѣлаютъ три раза, послѣ чего ребенокъ отвязывается отъ лопаты и, по вѣрованію женщинъ, собачьей старости у младенца больше не будетъ.

Ст. Нижнеозерная, 1904 г., ветер. фельдшеръ Г. А. Киселевъ.

Суевѣріе въ домового.

Въ поселкѣ Нижнеозерномъ (той же станицы) жители казаки вѣрятъ въ домовыхъ. Хозяинъ дома всевозможными средствами старается расположить къ себѣ домового, ибо отъ него зависитъ въ дому добро и зло. Для этой цѣли выставляютъ ему пищу въ амбары или въ подполъ.

Бываютъ такіе случаи, что у домовладѣльца, изъ числа двухъ-трехъ лошадей, вдругъ какая-нибудь начинаетъ худѣть и не поправляется въ тѣлѣ (что, конечно, болѣзненное состояніе). На это хозяинъ говоритъ, что ея не любитъ домовой, и даже находитъ къ этому различныя указанія, какъ то: въ гривѣ коса не заплетена, какъ у другихъ лошадей, шерсть опрокинулась впередъ и колется, испражняется лошадь у воротъ и все на одно

мѣсто, и много другихъ. Эти всѣ примѣты, говоритъ хозяинъ, прямо указываютъ на то, что лошади не любитъ свой домовой, или же чужой ходитъ шалить. Начинаютъ искать знахаря, который бы могъ вылечить лошадь отъ напасти своего домового и изгнать изъ двора чужого. Конечно, знахари, какъ и вездѣ, находятся въ достаточномъ количествѣ. Они прямо говорятъ что тутъ дѣло неладное: шалитъ чужой домовой, и его непремѣнно надо выгнать со двора, а то, пожалуй, такъ всѣ лошади у хозяина могутъ извести.

Хозяинъ начинаетъ упрашивать знахаря, какъ-бы тутъ помочь его горю. Знахарь нѣкоторое время не соглашаются помочь, говорятъ, что это не легко сдѣлать, но по большой просьбѣ хозяина и солидной платѣ соглашаются выгнать чужого домового.

Бываютъ и добродѣтельные люди, которые прямо научаютъ самихъ хозяевъ, какъ выгнать со двора чужого домового, и не берутъ за это ни копейки. Для этого нужно взять сухую «лутошку» (лутошка—липовая палка въ видѣ удилища), привязать къ ней «гашникъ» [1]) и сѣсть во дворѣ подъ борону непремѣнно въ полночь и дожидаться, когда домовой выйдетъ и станетъ отгонять лошадь отъ корма. Замѣтивъ это, начинаютъ лутошкою бить по стѣнамъ двора и во что ни попало и вмѣстѣ съ тѣмъ приговариваютъ: «Чужой домовой, убирайся со двора долой, а, свой домовой, оставайся». Этимъ путемъ и заканчивается суевѣрное прогоняніе чужого домового.

При болѣзняхъ лошадей и рогатаго скота казаки вѣрятъ въ дурной глазъ и въ другія причины и ни за что не хотятъ разстаться съ обыкновеніемъ

---

[1]) «Гашникъ»—шнурокъ отъ шароваръ.

обращаться за леченіемъ къ знахарямъ. Послѣдніе для пользованія больныхъ животныхъ употребляютъ или простое нашоптываніе или извѣстныя имъ цѣлительныя средства. Нашоптываніе производится на нитку и только надъ тѣми животными, которыя заболѣли отъ дурного глаза, отъ притки и перелоговъ. Изъ цѣлительныхъ средствъ употребляютъ разнаго рода растительныя вещества, именно отвары ромашки, звѣробоя, богородской травы, шалфея, репейнаго корня, девясила и другихъ растеній, а также нашатырь, камфору, синій купоросъ, мышьякъ, сулему и тому подобное.

Ст. Нижнеозерная. 1904 г., ветер. фельдшеръ Василій Прытковъ.

Посидѣнки. Вечорки. «Кузьминки».

I. Дѣвушки каждаго поселка, въ зависимости отъ возраста, родства и знакомства, разбиваются на кружки, человѣкъ по пяти—по пятнадцати въ каждомъ. Всякій кружокъ пріискиваетъ, обыкновенно у какой-нибудь бѣдной вдовы, просторную избу для устройства посидѣнокъ и вечорокъ и договаривается съ хозяевами относительно платы. Избы для посидѣнокъ и вечерокъ нанимаются съ сентября мѣсяца до Великаго поста. Плата назначается обыкновенно незначительная, но съ непремѣннымъ обязательствомъ послѣ вечорки вымыть полъ. За квартиру дѣвушки платятъ, кто чѣмъ можетъ: пшеницей, мукой, дровами, сѣномъ и деньгами. Случается, что хозяйка дома допускаетъ дѣвушекъ и безплатно. Освѣщаютъ помѣщеніе по-очереди керосиномъ, свѣчами или саломъ въ глиняныхъ черепкахъ («ночники»), иногда же собираютъ на эту надобность деньги отъ одной до трехъ копеекъ.

Ежедневно послѣ вечерней уборки дѣвушки собираются въ пріисканную комнату съ работой: сучатъ нитки, прядутъ, вяжутъ скатерти, вязки, чулки, варежки, рѣдко шьютъ. Во время работы занимаются разговорами. Къ дѣвушкамъ приходятъ кавалеры-малолѣтки. Разговоры принимаютъ болѣе шутливый тонъ. Малолѣтки и дѣвушки поютъ пѣсни, большею частью изъ военнаго быта. Въ этомъ состоятъ ежедневныя посидѣнки. Впрочемъ изрѣдка, по приходѣ малолѣтокъ, въ особенности съ музыкой: гармоніей, бандурой, балалайкой, скрипкой или гуслями [1]), дѣвицы на время оставятъ работу и попляшутъ голубка, казачка, своеобразныя кадриль и польку, чижа, барыню, жигуна, березу, камаринскаго и прочее. Но на посидѣнкахъ пляшутъ немного, такъ какъ почти у всѣхъ дѣвушекъ имѣется урочная работа, а потому, если какая-нибудь дѣвушка за вечеръ сработаетъ мало, то на другой день ее пожалуй родители могутъ и не пустить, выражаясь: «Вы тамъ только ломитесь [2]), а не прядете».

II. Въ праздничные дни въ томъ же помѣщеніи устраиваются вечорки, которыя отличаются отъ посидѣнокъ тѣмъ, что на вечоркахъ не работаютъ, а только веселятся: поютъ пѣсни, пляшутъ, разыгрываютъ по пѣснямъ, устраиваютъ различныя игры, въ томъ числѣ играютъ и въ карты.

По пѣснямъ разыгрываютъ такъ. Напримѣръ, поютъ о томъ, какъ селезень ловитъ утку, и въ это время малолѣтокъ ловитъ дѣвицу. Подъ пѣсни: «Изъ улицы въ конецъ шелъ удалый молодецъ», «Около Дону, около Дону», «Я по горенкѣ хожу, милаго не вижу», во время исполненія пѣсни:

---

[1]) «Гусли»—треугольникъ.

[2]) «Ломитесь», т. е. играете, возитесь.

«Вижу въ дали украшенье—
Красно солнышко взошло,
Въ зеленомъ саду веселье,
Летѣлъ голубь высоко,
Летѣлъ голубь съ голубкой—
Шелъ удалый молодецъ съ красной дѣвицей»,

кавалеръ ходитъ взадъ-впередъ по избѣ, подъ извѣстныя слова пѣсни приглашаетъ по своему выбору дѣвушку, послѣ чего вдвоемъ ходятъ по комнатѣ держа другъ друга за руку, обязательно оборотясь лицомъ къ лицу, въ заключеніе цѣлуются, затѣмъ пригласившій дѣвушку парень уходитъ, и дѣвушка продолжаетъ ходить, вызываетъ по своему желанію малолѣтка, опять кавалеръ и дѣвушка ходятъ, цѣлуются и т. д.. Подъ пѣніе нѣкоторыхъ пѣсней, напримѣръ: «Сидитъ Дрема», садятъ молодого человѣка, который намѣчаетъ себѣ подругу, та садится съ нимъ рядомъ, и въ заключеніе цѣлуются.

Пляшутъ на вечоркахъ тѣ же танцы, что и на посидѣнкахъ. По окончаніи пляски всѣ участвовавшія въ ней дѣвушки обязательно цѣлуютъ музыканта. На вечеркахъ водятъ и хороводы. Очень красивъ хороводъ подъ пѣніе пѣсни: «Вейся, плетень, завивайся». Дѣвушки и кавалеры, выходя по-очереди въ кругъ, составляютъ цѣпь; послѣдняя пара поднимаетъ руки и пропускаетъ участниковъ игры, пролѣзающихъ подъ ихъ руки; послѣ того подлѣзаютъ подъ руки слѣдующей пары, и т. д., въ концѣ концовъ всѣ сплетаются, послѣ чего начинаютъ расплетаться, но въ это время уже поютъ: «Расплетайся, плетень».

Пляска на вечоркахъ смѣняется играми. Играютъ въ жигуны, фанты, въ рекруты, въ сосѣди, въ кончики платка. Игра въ кончики платка заклю-

чается въ томъ, что кто-нибудь изъ участниковъ беретъ платокъ, соединяетъ всѣ его четыре конца вмѣстѣ, перемѣшивая концы, и даетъ вынимать концы двумъ дѣвушкамъ и двумъ кавалерамъ; лица оказавшіяся насупротивъ (vis-à-vis), цѣлуются между собой. Въ сосѣди играютъ такъ: кавалеры садятся на скамьи, каждый изъ нихъ приглашаетъ дѣвицу и садитъ ее къ себѣ на колѣни; кто-нибудь изъ молодыхъ людей ходитъ и спрашиваетъ каждаго кавалера, доволенъ ли онъ сосѣдкой; если вопрошаемый скажетъ «доволенъ», то спрашивавшій предлагаетъ ему поцѣловаться, а если скажетъ «не доволенъ», то спрашиваетъ, какую изъ дѣвицъ онъ желаетъ, и ту ему садятъ на колѣни, а прежняя уходитъ на освободившееся мѣсто. Бываетъ, что какой-нибудъ парень заявитъ, что онъ всѣми недоволенъ; тогда всѣ спѣшатъ перемѣнить мѣсто, а кто не успѣетъ этого сдѣлать, тотъ долженъ ходить и опрашивать кавалеровъ, довольны ли они своими сосѣдками.

На вечорки приходятъ посмотрѣть и пожилые люди, особенно родители дѣвушекъ. Кавалеры нерѣдко приносятъ угощеніе: подсолнечныя сѣмечки, кедровые орѣхи и въ очень рѣдкихъ случаяхъ конфеты. Иногда вечорки затягиваются часовъ до пяти утра, обыкновенно же онѣ кончаются около двухъ часовъ ночи. Вечорки бываютъ и днемъ, тогда онѣ продолжатся до уборки скотины, т. е. часовъ до 4—5 вечера. Парни не все время остаются на одной и той же вечоркѣ, ходятъ и на другія, и вездѣ ихъ принимаютъ.

III. «Кузьминки» устраиваются во 2-мъ отдѣлѣ войска 1-го ноября въ день Козьмы и Даміана и отличаются отъ обыкновенныхъ вечорокъ только тѣмъ, что въ этотъ вечеръ приносятъ дѣвушки множество пироговъ, жареной и вареной

птицы и домашняго пива, а малолѣтки десертъ и немного водки, рѣдко виноградное вино, и всѣ вмѣстѣ ѣдятъ и угощаются. «Молодушки», т. е. женщины, менѣе года находящіяся замужемъ, на кузьминки, а также на заговѣніе передъ Рождественскимъ постомъ [1]), угощаются съ мужьями на особыхъ отъ холостыхъ вечоркахъ, и это дѣлается такъ: за недѣлю до кузьминокъ и до упомянутаго заговѣнія молодушки ходятъ по знакомымъ домамъ и собираютъ солодъ, ржаную муку и изъ нихъ варятъ пиво, которыми потчуютъ всѣхъ присутствующихъ на вечоркѣ въ день кузьминокъ и заговѣнія. На эти вечорки также сносятся различныя кушанья, сласти. Не обходится и безъ водки, но въ небольшомъ количествѣ. На кузьминкахъ поется особая пѣсня, которая начинается такъ:

«На кузьминкахъ, вечеринкахъ
Весело, весело,
Тамъ людей биткомъ набито
Преполно, преполно».

Кузьминки проходятъ очень оживленно; на нихъ пляшутъ и вообще веселятся до упаду.

Сообщилъ въ 1910 году чиновникъ Войскового хозяйственнаго правленія Николай Матвѣевичъ Алексѣевъ по наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ Березинской станицѣ и въ Ветлянскомъ поселкѣ Богуславской станицы.

---

[1]) Оренбургскіе казаки передъ всѣми постами заговляются традиціонными пельменями. Даже казаки, находящіеся на службѣ въ первоочередныхъ частяхъ, въ дни заговѣнія обыкновенно испрашиваютъ у начальства разрѣшеніе сварить на свой счетъ пельмени, которыми и поминаютъ родныхъ и свою родину.

Игры и забавы казачатъ.

Казачата растутъ, играя и рѣзвясь на волѣ. Игры и забавы вырабатываютъ въ нихъ ловкость, смѣлость, отвагу и глазомѣръ.

На первомъ мѣстѣ у нихъ стоитъ игра въ *кỏзны*, или бабки. Смотря по времени года и по способу игры, она бываетъ различныхъ видовъ: игра въ *панки* или въ панки-налитки, въ городокъ, въ *сокъ-бокъ*, въ плитки, въ скалки. Кỏзны ставятся на конъ. Сбитые кỏзны кладутся каждымъ играющимъ въ свой *шкуль*.[1]) Прежде чѣмъ начать игру въ панки, *сачутъ* (канаются), чтобы опредѣлить, кому первому бить. Панокъ можетъ лечь или *плỏцкой* (на лѣвый бокъ), или *сáкой* (спинкой вверхъ), или *никой* (на правый бокъ или спинкой къ землѣ). Плоцка считается старше саки, а сака старше ники. Названіе «*сокъ-бокъ*» получилось такъ: отъ слова «сачить» образовалось «сокъ», а къ этому слову приставлено «бокъ»; подъ «бокомъ» здѣсь разумѣется ~~сака~~ ники и плоцка, такъ какъ та и другая отмѣчаются боковымъ положеніемъ панка. Бросая панокъ для саченія послѣ положенной плоцки, обыкновенно кричатъ: «Плоцка!... своя завỏцка!» Несбитые кỏзны называются *коновыми*. Чтобы окончить игру, *расконываютъ коновые*, не приставляя къ нимъ новыхъ кỏзновъ. Проигрывающійся, оставшійся съ однимъ панкомъ, кричитъ: «Коню!» и ставитъ свой панокъ на конъ; если на кону останутся несбитые кỏзны, то ихъ беретъ себѣ конившій; если же всѣ кỏзны будутъ сбиты, то конившій выходитъ изъ игры, и это называется «пустить на ять, голубей гонять». Плитки для игры въ кỏзны употребляются чугунныя, а скалки—деревянныя.

[1]) Четыре бабки называются *цѣпью*.

Затѣмъ казачата играютъ мячомъ въ *лапту* и въ *лунки*, гоняютъ *кубари*, играютъ въ *свайку*, пускаютъ *змѣи*. При игрѣ въ свайку вбиваютъ бороній зубъ въ землю или въ пень. Свайка ходитъ кругомъ по солнцу. Если начинающій воткнетъ свайку, то слѣдующій долженъ *откупиться*, т. е. въ свою очередь тоже воткнуть свайку, и т. д.. Если же кто промахнется, то того начинаютъ *маять*. «Змѣи» казачата клеятъ клестеромъ изъ бумаги. Остовъ змѣя дѣлается изъ лубка; въ немъ различаютъ передній горбыль, средній горбыль, столбовую рамку и двѣ боковыхъ рамки. Къ змѣю прикрѣпляются *путцы*, а къ путцамъ привязывается хвостъ. Чаще всего змѣи дѣлаются съ трещотками. Нитки для запусканія змѣя навертываются на *коклюшку*. Съ земли къ змѣю пускаютъ почту.

Играютъ казачата еще въ *чижика*. Прежде чѣмъ начать эту игру *конаются*, кому первому *забивать*. Кто не окончитъ игры, того *маютъ;* начинаетъ маять тотъ, кто раньше кончилъ. Маяніе бываетъ разное: бѣганіе на кулѝ, ка́шица, скаканіе на одной ножкѣ, катаніе на себѣ верхомъ и прочее.

Интересны игры *шаровка* и *мазёлки*, или мазлы. Участники игры «шаровки» дѣлятся на двѣ партіи: одна изъ нихъ, находящаяся въ *полѣ, водитъ*, а другая, *забивающая*, становится въ очерченномъ кону, въ городѣ. У каждаго члена забивающей партіи имѣется шаровка — палка длиною аршина полтора. Одинъ изъ водящей партіи становится *поддавальщикомъ;* въ рукахъ онъ держитъ шаръ изъ корня дерева величиною немного меньше куринаго яйца. Поддавальщикъ подбрасываетъ шаръ вверхъ, а защитники города по-очереди бьютъ по нему шаровками. Кто попадетъ въ шаръ, тотъ

кидается за шаровкой, а стоящіе въ полѣ ловятъ на воздухѣ или на землѣ шаръ, а затѣмъ всѣ спѣшатъ къ городу, около котораго выкопана яма. Въ эту яму одни стараются какъ можно скорѣе положить шаръ, а бросившійся за шаровкой — упереться въ нее этой палкой. Если прежде будетъ положенъ шаръ, то партіи мѣняютъ свои мѣста. «Мазёлки»—это длинныя палки. Ими *елютъ*, т. е. отбиваютъ, круглый *мосолъ* (кость), который одинъ человѣкъ, водящій, стремится загнать въ вырытую въ землѣ яму.

Въ праздники казачата устраиваютъ *качели*, на масляницу [1]) берутъ *снѣжные городки* и *катаются верхами*, крича «ура» передъ домами зажиточныхъ домохозяевъ и получая за то деньги и гостинцы. Любятъ они *гонять голубей*, играть въ *чушки*, или чурки, особенно же въ *войну*. Зимой катаются на *конькахъ* и на *чиркахъ* [2]).

Лѣтомъ самое любимое развлеченье у казачатъ—*купанье*. Подбѣгая къ рѣкѣ, казачата кричатъ: «Рубашка горитъ!»—и въ мигъ рубашки слетаютъ съ ихъ тѣлъ. Потомъ раздается возгласъ: «Самъ горишь!» — и всѣ стремглавъ бросаются въ воду. Въ водѣ они ныряютъ вдаль, достаютъ дно, плаваютъ различными способами и взапуски «на ту сторону» рѣки, прыгаютъ съ яра въ воду, «варятъ кашу», извёртываются сомомъ и т. д.. Кто рѣшится разстроить компанію и вылѣзетъ первымъ изъ воды, тогда какъ другіе еще желаютъ купаться, того предлагаютъ *посолить*. «Соленіе» заключается въ томъ, что на голое мокрое тѣло нарушителя удовольствія сыпятъ песокъ, и тому приходится обратно лѣзть въ воду обмываться.

[1]) Какъ проводятъ оренбургскіе казаки масляницу, описано въ журналѣ «Родникъ» 1889 г. № 3.

[2]) «Чирки»—деревянные коньки безъ желѣзныхъ полосъ.

Нарѣзвившись вдоволь, казачата вылѣзаютъ на берегъ и здѣсь, нѣжась на пескѣ, принимаютъ солнечныя ванны до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не крикнетъ: «Ну, ребята, давайте начисто, набѣло, на гусиное перо!» и вся ватага бросается въ воду, омывается, послѣ чего всѣ вылѣзаютъ и одѣваются.

Ст. Богуславская, 1910 г., юнкеръ Николай Мякутинъ по наблюденіямъ въ Оренбургскомъ поселкѣ.

ОТДѢЛЪ X.

ЦАРЬ МАКСИМИЛІАНЪ.

Царь Максимиліанъ (или «Тронъ царя Максимиліана»).

Дѣйствующія лица.

1) Царь Максимиліанъ.
2) Адольфъ — его наслѣдникъ.
3) Два пажа.
4) Маршалъ-скороходъ.
5) Король Никей.
6) Богиня.
7) Брамбайлъ—палачъ.
8) Аника—воинъ.
9) Старикъ.
10) Старуха.
11) Чертенокъ (чортъ).
12) Кузнецъ.
13) Докторъ.
14) Фельдшеръ.
15) Смерть.
16) Король Мамай.
17) Племянникъ короля Мамая.
18) Герцогъ.

Дѣйствія происходятъ въ отдѣльной комнатѣ, въ которой почти все время находится царь Максимиліанъ. Онъ сидитъ на тронѣ при шашкѣ и револьверѣ. По сторонамъ его стоятъ два пажа. Остальныя дѣйствующія лица располагаются въ сосѣдней комнатѣ и входятъ въ первую комнату только по вызову царя Максимиліана. Правый пажъ вызываетъ постоянно маршала-скорохода, а лѣвый пажъ одинъ только разъ разговариваетъ съ королемъ Никеемъ. Публика находится въ первой комнатѣ.

Дѣйствіе I.

Всѣ участвующія лица поютъ въ общей комнатѣ хоромъ пѣсню:

«Ѣздилъ Русскій Бѣлый Царь,
Православный Государь,
Изъ своей земли далеко
Злобу поражать.
Онъ за зло платилъ добромъ,
Воскресилъ *вселенный* домъ,
Имя русское прославилъ,
Миръ вселенной далъ;
Тамъ лились кровью моря,
Смерть летала вкругъ Царя,
Посреди военной бури
Богъ его хранилъ.
Ждетъ его Царица-мать,
Ждетъ прекрасная царевна,
Ждетъ Святая Русь». [1])

Съ послѣднимъ словомъ «Русь» царь Максиміанъ выходитъ въ первую комнату съ револьверомъ и обращается къ зрителямъ со словами: «Здравствуйте, господа! Вотъ и я прибылъ къ вамъ сюда. За кого вы меня признаете: за принца прусскаго или короля французскаго? Я не есть принцъ прусскій или король французскій, а есть истинный царь Максиміанъ».

Во все время своей рѣчи онъ жестикулируетъ правой рукой, т. е. энергично приподнимаетъ и опускаетъ револьверъ. Затѣмъ, указывая на тронъ, говоритъ. «Сей честный тронъ уже тридцать пять лѣтъ какъ для меня сооруженъ; сяду на оный и буду судить людей по закону». Царь Максими-

[1]) Ч. I стр. 96.

ліанъ начинаетъ, разсуждая, ходитъ взадъ и впередъ, а чертенокъ входитъ незамѣтно въ комнату вслѣдъ за Максиміліаномъ и также незамѣтно садится на тронъ. Царь хочетъ сѣсть на тронъ, но къ изумленію своему видитъ: сидитъ чертенокъ, котораго онъ бьетъ наотмашъ; послѣдній отбѣгаетъ куда-нибудь въ уголъ. Царь садится на тронъ и вызываетъ пажей словами: «Всепокорнѣйшіе пажи, явитесь предо мной!» и указываетъ оружіемъ впередъ. Пажи выходятъ рядомъ и одновременно салютуютъ, а правый пажъ обращается со словами къ царю Максиміліану: «О, великій императоръ, грозный царь Максиміліанъ, на что всепокорнѣйшихъ пажей призываешь? или какіе указы, или дѣла дѣлать повелѣваешь, или службу налагаешь?»

Царь.

«Вотъ что, любезные мои пажи; подите въ мои бѣлокаменныя палаты и принесите скипетръ, державу и на главу мою царскую корону!»

Пажи.

«Пойдемъ въ Вашу бѣлокаменную палату и принесемъ Вамъ скипетръ, державу и на главу царскую корону».

Пажи уходятъ въ общую комнату и оттуда выносятъ на соболяхъ корону, а скороходъ-маршалъ поддерживаетъ корону сзади, и всѣ поютъ пѣсню:

«Мы къ царю идемъ,
Златъ вѣнецъ ему несемъ,
На головушку надѣнемъ,
Сами пѣсню запоемъ!..»

Когда царь надѣнетъ корону, указанныя лица втроемъ поютъ пѣсню: «Славься, славься, Русскій

Царь, Православный Государь,—отъ своей земли далеко злобу поражалъ». Скороходъ уходитъ въ общую комнату, а царь встаетъ съ трона и обращается къ зрителямъ со словами: «Получилъ я (выставляетъ правую ногу впередъ, а револьверомъ потрясаетъ въ воздухѣ) скипетръ, державу и на главу свою царскую корону; теперь я королей и принцевъ буду судить по закону!» Садится на тронъ, прогоняя чертенка наотмашъ, и опускаетъ револьверъ книзу. Тогда изъ другой общей комнаты выходитъ король Никей.

Король Никей.

(Обращаясь къ лѣвому пажу). «Пажъ-маршалъ!»

Пажъ.

«Чего изволите, король Никей?»

Король Никей.

«*Я имѣю* съ вами небольшой разговоръ».

Пажъ.

«Можете говорить, король Никей».

Король Никей.

«Я наслышался отъ палача Брамбаила, будто бы сынъ царя Максимиліана Адольфъ не вѣруетъ вашимъ богамъ, а вѣруетъ въ Распятаго».

Пажъ.

«Можетъ-ли это быть?»

Король Никей.

«Да, можетъ быть!»

Пажъ.

«Я пойду сейчасъ и доложу объ этомъ царю».

Король Никей.

«Я Вамъ не для этого сказалъ, чтобы вы доложили царю Максимиліану, такъ какъ онъ—любезнѣйшій товарищъ палачу Брамбаилу. Прошу не докладывать».

Пажъ.

«Нѣтъ пойду и доложу».

(Въ это время король Никей уходитъ въ общую комнату, а пажъ подходитъ къ царю, салютуетъ шашкой и говоритъ:)

Пажъ.

«О, великій императоръ, грозный царь Максиміанъ. Я наслышался отъ короля Никея, будто бы Вашъ сынъ Адольфъ не вѣруетъ Вамъ и вашимъ кумирскимъ богамъ, а вѣруетъ въ Распятаго».

Царь.

«Мы его заставимъ вѣровать, пажъ-маршалъ.»

Пажъ.

«Скороходъ-маршалъ, явись, явись передъ тономъ своего монарха»!

(Скороходъ-маршалъ быстро выбѣгаетъ, и въ это время пажи соединяютъ концы клинковъ между собой надъ головой царя, а скороходъ, подойдя къ царю, разбиваетъ своимъ клинкомъ скрещенныя шашки и говоритъ:)

Скороходъ-маршалъ.

«О, великій повелитель, всѣхъ странъ покоритель, на что скорохода-маршала призываешъ? или какіе указы, или дѣла дѣлать повелѣваешь, или службу какую налагаешь?»

Царь.

«Вотъ что, любезнѣйшій скороходъ-маршалъ, иди въ мои бѣлокаменныя палаты и приведи любезнѣйшаго моего сына Адольфа».

Скороходъ-маршалъ.

«Пойду въ Ваши бѣлокаменныя палаты и приведу любезнѣйшаго Вашего сына Адольфа. Одна нога—здѣсь, другая—тамъ, черезъ три дня буду самъ».

(Уходитъ въ общую комнату, откуда посылаетъ Адольфа).

Адольфъ.

(Подходя къ царю, прикладываетъ руку къ головному убору).

«О, дражайшій мой родитель, на что ты своего сына призываешь? или какія дѣла дѣлать повелѣваешь, или службу какую налагаешь?»

Царь.

«Вотъ что, любезнѣйшій мой сынъ; я наслышался отъ вѣрнаго мнѣ пажа, которому передалъ король Никей, будто ты не вѣруешь Намъ и нашимъ кумирскимъ богамъ, а вѣруешь въ Распятаго?»

Адольфъ.

«Я вѣрую Вамъ, но не вѣрую вашимъ кумирскимъ богамъ».

Царь.

«Прочь непокорный! Пажъ, позови скорохода-маршала».

Пажъ.

«Скороходъ-маршалъ, тайныхъ дѣлъ совѣтникъ, явись, явись передъ тономъ своего монарха!»

(Скороходъ-маршалъ выбѣгаетъ изъ общей комнаты, часто топая ногами, подбѣгаетъ къ царю, разбиваетъ накрестъ сложенные клинки пажей и говоритъ:)

Скороходъ-маршалъ.

«О, великій императоръ, грозный царь Максиміанъ, на что, на что скорохода-маршала призываешь? или какіе указы, или дѣла дѣлать повелѣваешь, или какую службу налагаешь?»

Царь.

«Вотъ что, любезный скороходъ-маршалъ, пойди и отведи непокорнаго и непослушнаго моего сына въ темную темницу, чтобы онъ тамъ одумался».

Скороходъ-маршалъ.

«О! иду и отведу непокорнаго Вашего сына въ темницу, чтобы онъ тамъ одумался».

(Адольфъ удаляется тихимъ шагомъ, и ходя взадъ-впередъ по комнатѣ, поетъ:

«Я въ пустыню удаляюсь
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ.
Сколько горести-печали
Послѣ матери перенесъ!
Знать, судьба мнѣ такъ судила,
Одному въ пустынѣ жить»).

Царь.

(Поворачивается къ пажу). «Пажъ-маршалъ».

Пажъ.

«Скороходъ-маршалъ, тайныхъ дѣлъ совѣтникъ (протягиваетъ шашку по направленію къ комнатѣ, изъ которой долженъ выйти скороходъ), явись, явись (указываетъ шашкой по направленію къ царю) передъ тономъ своего монарха».

Скороходъ-маршалъ.

«О, великій императоръ, грозный царь Максиміанъ, на что скорохода-маршала призываешь? или какіе указы» и проч.

Царь.

«Вотъ что, любезный скороходъ-маршалъ, пойди въ темную темницу и приведи мнѣ непокорнаго сына моего Адольфа».

Скороходъ-маршалъ.

«Пойду и приведу непокорнаго Вашего сына». (Уходитъ и приводитъ сына Адольфа).

Адольфъ.

«О, дражайшій родитель, на что своего сына призываешь?»

Царь.

«Вотъ что, любезный сынъ, сидѣлъ ты въ темницѣ, въ дикой пустынѣ и одумался ли ты?»

Адольфъ.

«Какъ вчера, такъ и сегодня».

Царь.

«Вѣруешь ли намъ и нашимъ кумирскимъ богамъ?»

Адольфъ.

«Я ваши кумирскіе боги *терзаю подъ ноги*, а вѣрую въ Распятаго».

Царь.

(Въ изступленіи топая ногой кричитъ:) «Прочь непокорный! Пажъ-маршалъ!»

Пажъ.

«Скороходъ-маршалъ, тайныхъ дѣлъ совѣтникъ, явись, явись передъ тономъ своего монарха!»

Скороходъ-маршалъ.

(Быстро вбѣгаетъ и громко произноситъ:) «О, великій императоръ, грозный царь Максиміанъ, на что скорохода-маршала призываешь» и проч.

Царь.

«Вотъ что, любезный скороходъ-маршалъ, пойди и отведи непокорнаго моего сына въ темную темницу; и заморить его тамъ голодною смертью: не давать ни пить, ни ѣсть, кромѣ хлѣба и воды».

Скороходъ-маршалъ.

«Пойду и отведу его въ темную темницу и заморю его голодной смертью: не дамъ ни пить, ни ѣсть, кромѣ бѣлаго хлѣба съ медомъ.»

Скороходъ-маршалъ уходитъ съ Адольфомъ въ общую комнату, гдѣ всѣ дѣйствующія лица поютъ:

«Не слышно шуму городского,
За невской башней тишина,
И на штыкѣ у часового
Горитъ полуночная луна.
Здѣсь—бѣдный юноша, ровесникъ
Роднымъ цвѣтущимъ деревамъ,
И онъ въ тюрьмѣ заводитъ пѣсню
И отдаетъ тоску волнамъ.
Прощай, мой край, моя отчизна,
Прощай, мой домъ, моя семья,
Прощай, отецъ, моя невѣста,
Снимись, вѣнчальное кольцо.
Здѣсь за рѣшоткою желѣзной
Навѣкъ сокрылся отъ васъ я».

Царь.

«Пажъ-маршалъ! Позови скорохода-маршала».

Пажъ.

«Скороходъ-маршалъ, темныхъ дѣлъ совѣтникъ, явись, явись передъ тономъ своего монарха!»

Когда скороходъ собирается выходить, то въ комнатѣ поютъ:

«Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Чернобровую дѣвицу,
Златогриваго коня.

Конь давно въ полѣ гуляетъ
Безъ уздечки безъ своей,
Безъ уздечки конь гуляетъ:
Всю онъ сбрую растерялъ.
На коня скоро вскочу,
Въ путь-дорогу полечу».

Скороходъ-маршалъ.

(Подходитъ къ царю и говоритъ:)

«О, великій императоръ, грозный царь Максиміанъ» и проч.

Царь.

«Вотъ что, любезный скороходъ-маршалъ, пойди въ темницу, во дикую пустыню и приведи непокорнаго и непослушнаго моего сына Адольфа съ большимъ конвоемъ и главнымъ адъютантомъ».

Скороходъ-маршалъ.

«Пойду и приведу изъ темницы непокорнаго» и проч.

Выводятъ Адольфа съ конвоемъ (группа казаковъ съ обнаженными шашками), а скороходъ-маршалъ идетъ сзади и держитъ шашку надъ головой Адольфа.

Адольфъ.

(Опустившись передъ царемъ на лѣвое колѣно, тихо говоритъ:) «На что призываешь меня, царь?»

Царь.

«Вотъ что, любезный мой сынъ; сидѣлъ ты въ темницѣ, во дикой пустынѣ и одумался ли ты?»

Адольфъ.

«Одумался, родитель».

Царь.

«Какъ же ты одумался?»

Адольфъ.

«Какъ вчера, такъ и сегодня».

Царь.

«Вѣруешь ли Намъ и нашимъ кумурскимъ богамъ?»

Адольфъ.

«Я вѣрую Вамъ, но не вѣрую вашимъ кумирскимъ богамъ и не буду вѣровать».

Царь.

«Прочь непокорный!» (Адольфъ отходитъ съ горестью въ душѣ въ сторону).

Царь.

«Пажъ-маршалъ! скороходъ-маршалъ, тайныхъ дѣлъ совѣтникъ, явись» и проч.

Царь.

«Вотъ что, любезный скороходъ-маршалъ, пойди въ мои бѣлокаменныя палаты и приведи грознаго палача Брамбаила».

Скороходъ-маршалъ.

«Пойду и приведу грознаго палача Брамбаила».

Брамбаилъ.

(Входитъ вмѣстѣ съ скороходомъ-маршаломъ и, разсѣкая снизу сложенные накрестъ надъ головой царя клинки, громко говоритъ): «О, великій покоритель, грозный царь Максимиліанъ», и проч.

Царь.

«Пойди и выведи моего непокорнаго и непослушнаго сына Адольфа въ чистое поле, сорви съ него всѣ кресты, галуны и ленты и предай его злой смерти и брось его какъ скотину, чтобы его тѣло сверху земли истлѣло, сверху дождь мочилъ, изъ-подъ низу червь точилъ».

Брамбаилъ.

«Пойду и выведу Вашего непокорнаго и непослушнаго сына въ чистое поле» и проч. (Потомъ громко произноситъ:) «У меня рука не дрогнетъ!»

(Подходитъ къ Адольфу. Строго взглянувъ на него, видитъ, что онъ подъ карауломъ. Спрашиваетъ главнаго адъютанта:) «Кѣмъ караулъ поставленъ?»

Адъютантъ.

«Царемъ Максимиліаномъ».

Брамбаилъ.

«О, великій императоръ, грозный царь Максимиліанъ» и проч. «Освободи своего сына отъ главнаго караула».

Услышавъ разрѣшеніе царя объ отмѣнѣ караула, адъютантъ командуетъ: «Караулъ, шагъ впередъ! Маршъ!» и уводитъ караулъ. Палачъ Брамбаилъ

подходитъ къ Адольфу и срываетъ съ него галуны, ордена и ленты. Адолфъ, утирая глаза плачетъ. Послѣ этого Адольфъ запѣваетъ жалобно пѣсню, а въ общей комнатѣ хоромъ подхватываютъ эту пѣсню: «Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ» и т. д. По окончаніи пѣсни, снявъ съ Адольфа доспѣхи, Брамбаилъ говоритъ Адольфу.

Брамбаилъ.

«Ну, вотъ что, любезный товарищъ; я тебѣ служилъ и тебя любилъ, а теперь пришелъ твоей жизни конецъ».

Адольфъ.

«Да можетъ ли это быть?»

Брамбаилъ.

«Да, дѣйствительно, можетъ быть».

Адольфъ.

«Вотъ, что, любезнѣйшій товарищъ; сходи и попроси моего родителя, не проститъ ли онъ меня?»

Брамбаилъ.

«Пойду и попрошу. (Подойдя къ царю). О, великій императоръ, грозный царь Максимиліанъ, прости своего сына!»

Царь.

«Не прощаю, а злой смертью награждаю».

Брамбаилъ.

(Обращаясь къ Адольфу). «Не прощаетъ, а злой смертью награждаетъ».

Адольфъ.

«Вотъ что, любезный товарищъ; ты мнѣ служилъ, и я тебя любилъ, сослужи послѣднюю службу: сходи къ родителю, не проститъ ли меня, а если не проститъ, то не позволитъ ли мнѣ передъ смертью пѣсню спѣть?»

Брамбаилъ.

«Пойду и попрошу. (Идетъ къ царю и докладываетъ о сынѣ). О, великій императоръ, грозный царь Максиміанъ, прости, прости своего сына, а, если не простишь, то позволь ему передъ смертью спѣть любимую пѣсню».

Царь.

«Простить не прощаю, а пѣсню пѣть дозволяю».

Брамбаилъ.

(Обращаясь къ Адольфу). «Царь не прощаетъ, а пѣсню пѣть дозволяетъ».

Адольфъ.

(Ходитъ по комнатѣ и поетъ пѣсню:)

Адольфъ. «Вседражайшій родитель, не казни, отецъ родной!»

Хоръ. Боги, вы, боги, помилуйте его!

Адольфъ. «Не держите остру саблю надъ моей головой!»

Хоръ. Боги, вы, боги, помилуйте вы насъ!

Адольфъ. «Предъ смертью я хожу по краю могилы».

Хоръ. Боги, вы, боги, номилуйте вы насъ.

Адольфъ, (поворотившись къ публикѣ, поетъ):

«Вы прощайте, люди добры, я не увижу больше васъ».

Хоръ. Боги, вы, боги, помилуйте вы насъ.

Брамбаилъ.

(По окончаніи пѣсни подходитъ къ царю и говоритъ:) «О, великій императоръ, грозный царь Максимиліанъ, на что ты своего сына губишь, на что съ него голову рубишь, ему не златъ вѣнецъ принимать и престоломъ наслѣдовать? Онъ помретъ, ему царскія двери растворятся, и онъ будетъ надъ тобой же насмѣхаться».

Царь.

(Встаетъ и говоритъ): «Врагъ, срази!»

Адольфъ.

(Обращаясь къ отцу): «О, дражайшій родитель, дѣтей своихъ губитель! Ты же меня поилъ-кормилъ, и ты же со свѣту сжилъ. Теперь ты мнѣ не отецъ, когда лишаешь жизни наконецъ. (Затѣмъ обратившись къ Брамбаилу). Ты, любезный товарищъ, бей да не жалѣй».

Брамбаилъ.

(Поднимаетъ шашку кверху и взмахиваетъ надъ головой Адольфа и говоритъ): «Надъ головой шашка сіяетъ, и кровь горячая кипитъ, моя рука шашку крѣпко сжимаетъ, и жизнь Адольфа на волоскѣ виситъ. О, любезный Адольфъ, я тебя любилъ и тебѣ вѣрно служилъ, я тебѣ голову срублю и самъ себя заколю!!.. (Размахивается и показываетъ видъ, что срубаетъ Адольфу голову, и, обращаясь къ царю, говоритъ:) «Когда ты сына своего срубилъ, то я себя срублю». (Падаетъ рядомъ съ Адольфомъ).

Царь.

(Встаетъ съ трона и, пройдясь раза два по комнатѣ, говоритъ:) «Хожу я и гуляю по лобному мѣсту и вижу предъ собою два нетлѣнныхъ тѣла: тѣло любезнѣйшаго сына и тѣло палача Брамбаила. Не жаль мнѣ тѣла непокорнаго и непослушнаго сына, а жаль мнѣ тѣло палача Брамбаила. (Обращаясь къ пажамъ). Всепокорнѣйшіе пажи, приберите тѣло палача Брамбаила, чтобы оно сверхъ земли не тлѣло...» (Пажи уносятъ Брамбаила въ общую комнату и возвращаются на свои мѣста).

Царь.

«Пажъ-маршалъ».

Пажъ.

«Скороходъ-маршалъ, явись, явись передъ тономъ своего монарха».

Скороходъ.

(Вбѣгаетъ и говоритъ): «О, великій императоръ, грозный царь Максимиліанъ! На что»...

Царь.

«Вотъ что, любезный скороходъ-маршалъ, поди и приведи мнѣ старѣйшаго старика гробокопателя».

Скороходъ.

«Пойду и приведу. Одна нога—тамъ, другая—здѣсь, чрезъ три дня буду самъ. (Уходитъ въ другую комнату и кричитъ:) Дѣдушка, а дѣдушка! (Дѣдушка лежитъ на порогѣ и откликается: «Ну!»). Иди къ царю: экстреннно нуженъ».

Старикъ.

«Я и дорогу-то не знаю, вотъ лукавый васъ носитъ».

Скороходъ.

«Дорога, дѣдушка, извѣстна».

Старикъ.

«Тѣсно?.. Какъ же я пойду?».

Скороходъ.

«Вставай, дѣдушка, я тебя доведу».

Старикъ.

«Ну доведешь, такъ дѣлать нечего; видно, облокусь да поволокусь (встаетъ, охая). Какъ скучно, какъ грустно, соловушки-то не каркаютъ, да и воронушки-то не поютъ. Гдѣ же мой сивенькій, кауренькій жеребчикъ? Ужъ я бъ сѣлъ бы на него да и поѣхалъ». (Жеребчика замѣняетъ чортъ).

Чортъ.

(Выбѣгаетъ и поворачивается задомъ къ старику и ржетъ).

Старикъ.

«Вотъ то грѣхъ-то какой, видно хозяина-то и не узналъ? Положимъ, я тебѣ сѣна-то не давалъ и овса-то не показывалъ. (Садится на чорта, а чортъ сшибаетъ его. Старикъ ворчитъ). Видно, пастухи наплоховали; погляжу, моя ли мѣта-то; навѣрное, не съ этой стороны зашелъ? (Переходитъ на другую сторону и, отпрупрукивая, садится задомъ напередъ и запѣваетъ: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ...» Тутъ чортъ его сшибаетъ

и убѣгаетъ куда-нибудь въ уголъ. Старикъ поднимается и говоритъ: «Навѣрное, чортъ былъ? дѣлать нечего, видно, придется пѣшкомъ итти». Идетъ пѣшкомъ къ царю). Здравствуй, Ваше царское величество!»

Царь.

«Здравствуй, здравствуй, дѣдушка! Почему ты такъ долго? Я тебя давно, вѣдь, жду».

Старикъ.

(Какъ будто не разслышавъ словъ царя): «Узду, узду! жеребеночекъ съ уздою убѣгъ».

Царь.

«Слушай же, слушай, старикъ! сколько времени я тебя жду!»

Старикъ.

«Да! Да вишь, какіе морозы, Ваше царское величество: я всю головушку-то опалилъ и бородушку-тоознобилъ».

Царь.

«Ну, надѣлъ бы тулупъ».

Старикъ.

«Я не глупъ, — въ патрикеевскомъ училищѣ учился».

Царь.

«Слушай же, старикъ, я тебѣ говорю, надѣлъ бы шубу».

Старикъ.

«Безъ того голова полна шуму».

Царь.

«Дѣдушка, ты, видно, нездоровъ?»

Старикъ.

«Я не пасъ коровъ; телятъ гонялъ вчера на водопой».

Царь.

«Слушай же, дѣдушка, ты нездоровъ и тебя нужно полѣчить».

Старикъ.

«Поучить?!... Я и такъ много знаю».

Царь.

«Полѣчить, дѣдушка, полѣчить».

Старикъ.

«Да, да, полѣчить».

Царь.

«Ну, дѣдушка, садись вотъ сюда». (Старикъ садится на полъ).

Царь.

«Пажъ-маршалъ».

Пажъ.

«Скороходъ-маршалъ, тайныхъ дѣлъ совѣтникъ, явись, явись передъ тономъ своего монарха».

Скороходъ.

«О, великій царь Максимиліанъ»...

Царь.

«Вотъ что, любезный скороходъ-маршалъ, пойди и приведи первѣйшаго доктора деревенской аптеки».

Докторъ.

(Выходитъ изъ общей комнаты). «Здравствуйте, господа! Вотъ и я прибылъ изъ деревни къ вамъ сюда. Не сомнѣвайтесь, я живыхъ людей лѣчу, изъ мертвыхъ кровь мечу, здоровыя мѣста вырѣзаю—въ болячки вставляю; ко мнѣ приходятъ на ногахъ, а отъ меня увозятъ на дровняхъ; вонъ (указываетъ на кладбище) кресты и кучки, это все ходили мои ручки. У меня есть лѣкарства: заячье молоко, собачья сметана, туръ-турской, купоросъ морской: въ одинъ глазъ пускаю, а другой самъ вылѣзаетъ. (Подходитъ къ царю и говоритъ): О, великій императоръ, грозный царь Максимиліанъ, на что доктора изъ деревни призываешь? или какіе указы, или дѣла» и проч.

Царь.

«Вотъ что, докторъ. Этотъ старикъ очень нездоровъ, нужно его полѣчить».

Докторъ.

«Слушаю, Ваше императорское величество. (Подойдя къ старику, кричитъ): Степка фельдшеръ! Степка фельдшеръ!»

Фельдшеръ.

«Калоши надѣваю, рюмку водки выпиваю и иду. (Идетъ и вихляясь поетъ): «Какъ по улицѣ фельдшеръ идетъ, по широкой разудала голова; сюртучекъ на немъ коротенькій, подпоясочка зелененькая!..» (Подходя къ доктору): Никакъ докторъ здѣсь?!»

Докторъ.

«Ты что пьянъ?»

Фельдшеръ.

«Нѣтъ я не пьянъ, а я такъ упрямъ!»

Докторъ.

«А сколько ты выпилъ?»

Фельдшеръ.

«Тридцать девять шкаликовъ и одну косушку».

Докторъ.

«Почему же не сорокъ?»

Фельдшеръ

«Жалованья не хватило».

Докторъ.

«Пришелъ бы ко мнѣ, я тебѣ бы далъ».

Фельдшеръ.

«А чортъ тебя зналъ». (Уходитъ).

Докторъ.

«Стой, Степка, куда ты уходишь? Обыщи вотъ этого старика и доложи, чѣмъ онъ нездоровъ».

Фельдшеръ.

(Беретъ старика за ноги и тащитъ по полу, а старикъ кричитъ: «Ой-ей-ой!!! ай-яй-яй!!!»).

Докторъ.

«Стой, фельдшеръ! Куда ты его потащилъ? Я тебѣ приказываю, чтобъ ты его осмотрѣлъ; что у него болитъ?»

Фельдшеръ.

«А я думалъ, что вы его велѣли оттащить, я его и потащилъ. Если же осмотрѣть, то я его сейчасъ осмотрю и узнаю, что у него болитъ». (Фельдшеръ приступаетъ къ осмотру старика и находитъ, что у него болитъ голова, о чемъ и докладываетъ доктору).

Докторъ.

(Обращаясь къ публикѣ). «У этого старика болитъ голова, нужно обрить ее до гола, мозговъ убавить, мякины прибавить,—она будетъ здорова. (Къ фельдшеру). Что у старика еще болитъ?»

Фельдшеръ.

(Фельдшеръ, приступая къ осмотру, карежитъ старика и узнаетъ, что у него болитъ еще спина, о чемъ и докладываетъ доктору).

Докторъ.

(Къ публикѣ). «У этого старика болитъ спина, а поэтому нужно поставить ему піявокъ и банокъ и отпустить ему сто пятьдесятъ палокъ». (Спрашиваетъ фельдшера, что еще у старика болитъ).

Фельдшеръ.

«У старика, болитъ еще животъ».

Докторъ.

«Ну это ничего: завтра все заживетъ». (Фельдшеръ поднимаетъ старика и вмѣстѣ съ докторомъ уходятъ въ общую комнату).

Царь.

(Старикъ подходитъ къ царю). «Ну, что, дѣдушка, тебя полѣчили?»

Старикъ.

«Поучили-то, поучили, да я и самъ раньше много зналъ».

Царь.

«Я тебя спрашиваю, старина, что тебя полѣчили?»

Старикъ.

«Да, да, полѣчили».

Царь.

«Ну, что же?»

Старикъ.

«Извѣстны, вѣдь, доктора-то Вашему царскому величеству? Дали мнѣ какія-то капли, бальзамъ за № 2, я чуть-то духъ перевелъ».

Царь.

«Навѣрное, доктора знаютъ лѣкарство по твоей болѣзни».

Старикъ.

«Да оно полезно-то, полезно, да толку-то мало отъ этого».

Царь.

«Ну, вотъ, дѣдушка, я тебѣ дамъ работу».

Старикъ.

«Заботу!? Да у меня ее и такъ много».

Царь.

«Я тебѣ говорю работу, мертвое тѣло предать сырой землѣ, т. е. по христіански похоронить».

Старикъ.

«А за работу-то что»?

Царь.

«За работу-то, приходи въ субботу, я тебѣ дамъ мѣшокъ крупы».

Старикъ.

«Мѣшокъ крупы, Захаркѣ на кашу... А еще что?»

Царь.

«Еще мѣшокъ муки».

Старикъ.

«Захаркѣ на лепешки... А еще что дадите?»

Царь.

«Еще я тебѣ дамъ мѣшокъ воды».

Старикъ.

«Ха! ха! ха! У насъ воды-то въ Уралѣ хоть бочками вози».

Царь.

«Ну ладно, дѣдушка, еще я тебѣ дамъ золотую монету».

Старикъ.

«Да у меня и кармана-то нѣтъ, куда я ее буду класть»?

Царь.

«Ну пришьешь съ помощью Патрикеевны».

Старикъ.

«Да она у меня не видитъ ни тѣнь, ни телелень».

Царь.

«Ну, ладно, дѣдушка, какъ-нибудь пришьешь! Ступай, дѣдушка, убирай тѣло».

Старикъ.

(Отходитъ отъ царя назадъ и зоветъ Патрикеевну): «Патрикеевна! А, Патрикеевна! Что ты тамъ оглохла что ли? Навѣрное, Патрикеевна со Степкой ватажится? (Обращаясь къ публикѣ). Позавидывала, навѣрное, кушачку зелененькому».

Патрикеевна.

«Что ты, что ты, старичекъ?»

Старикъ.

«Что же ты и гдѣ тамъ ватажишься?»

Старуха.

«Я ничего, старикъ, нигдѣ; какъ закричалъ, такъ и пришла».

Старикъ.

«Ну, ладно, Патрикеевна, царь далъ намъ работу».

Старуха.

«Какую, старикъ?»

Старикъ.

«Вотъ какую, старуха: мертвое тѣло предать сырой землѣ, т. е. по христіански похоронить».

Старуха.

«А за работу-то что?»

Старикъ.

«За работу мѣшокъ крупы».

Старуха.

«Захаркѣ на кашу».

Старикъ.

«Мѣшокъ муки».

Старуха.

«Захаркѣ на лепешки».

Старикъ.

«Да еще золотую монету, а ты мнѣ карманъ-то не пришила? (Бьетъ старуху, а она его хватаетъ за бороду. Затѣмъ старикъ проситъ прощеніе у старухи). Старуха, давай поцѣлуемся?»

Старуха.

«Ну, давай, давай, старикъ». (Хотятъ цѣловаться, но въ это время чортъ подставляетъ старику ладонь, въ которую онъ чмокаетъ).

Старикъ.

«Ну, вотъ она: я цѣловать, а она ладонь подставляетъ». (Давай старуху клочить).

Старуха.

«Старикъ, старикъ, сотвори молитву!»

Старикъ.

«Ну, ладно, старуха! Навѣрное, чортъ былъ тутъ». (Подходятъ къ тѣлу. Старикъ подходитъ къ головѣ, а старуха—къ ногамъ, въ изумленіи

глядятъ на тѣло и заключаютъ, что, навѣрное, это былъ воинъ).

Старикъ.

«Старуха! давай его обыщемъ».

Старуха.

«Давай, старикъ». (Начинаютъ обыскивать, шарясь въ карманахъ. Ничего не находятъ при мертвомъ и заключаютъ, что онъ, навѣрное, такой же грѣшный, какъ они).

Старикъ.

«Ну, старуха, ладно! Давай его смѣримъ, а то какъ безъ мѣрки будемъ рыть могилу».

Старуха.

«Давай, старикъ».

Старикъ.

«А аршинъ-то принесла?»

Старуха.

«Нѣтъ, старикъ».

Старикъ.

«Ну если не принесла, то принеси». (Ударяетъ ее по головѣ).

Старуха.

(Старуха приноситъ аршинъ, подаетъ старику, который начинаетъ мѣрить тѣло съ головы).

Старикъ.

(Кладетъ аршинъ и считаетъ:) «Разъ, два»... (Чортъ въ это время говоритъ: «Три»). (Обращаясь къ Патрикеевнѣ:) «Вотъ она «три!». Что ты мѣшаешь?!» (Ударяетъ ее по уху).

Старуха.

«Что ты, что ты, старичекъ! Сотвори молитву».

Старикъ.

«Ну, ладно, старуха прости! Чортъ, навѣрное, тутъ былъ».

Старуха.

«Давай, старикъ, понюхаемъ».

Старикъ.

«Вотъ она, понюхаемъ! А хоронить-то когда будемъ? только и знаетъ, что нюхать».

Старуха.

«Похоронимъ, старикъ, время еще много».

Старикъ.

«Ну, давай, давай! (Вынимаетъ табакерку и натряхиваетъ на ноготь табаку себѣ, а затѣмъ хочетъ насыпать старухѣ, но въ это время чортъ подставляетъ руку). Вотъ она, тутъ и была съ двумя руками».

Старуха.

«Что ты, что ты, старикъ, я одну только подставляю».

(Когда они понюхаютъ, старикъ хочетъ мѣрить тѣло, но не находитъ аршина и начинаетъ бить старуху. Чортъ подкидываетъ старухѣ аршинъ).

Старуха.

«Что ты, что ты, старичекъ, вотъ онъ!»

Старикъ.

«Ну, ладно, старуха, прости!» (Начинаетъ мѣрить, но, домѣривъ до половины, обращается къ старухѣ:) «Тутъ нечего мѣрить».

Старуха.

«Старикъ, давай ему ноги выпрямимъ. (Начинаютъ выпрямлять, но мертвецъ обхватываетъ ногой шею старика. Старикъ вырываясь кричитъ: «Ой, ой, ой!» вырывается отъ ноги мертвеца и кричитъ старухѣ, что, вѣроятно, живое тѣло. Мертвецъ хватаетъ старика за бороду, старикъ кричитъ: «Ой, ой». Мертвецъ незамѣтно убѣгаетъ въ общую комнату, а на его мѣсто ложится чортъ. Старикъ и старуха подходятъ къ тѣлу, но, видя несуразную рожу, зажимаютъ головы и въ испугѣ убѣгаютъ въ общую комнату. Тѣмъ и кончается погребеніе).

Дѣйствіе II.

Богиня.

(Когда все стихнетъ послѣ исчезновенія старика и старухи, тогда выходитъ дѣвушка («богиня»), одѣтая въ хорошее платье и съ шалью, накинутой на голову; въ рукахъ у нея шашка; проходитъ нѣсколько разъ по комнатѣ, а затѣмъ говоритъ:) «Хожу я и гуляю по чистому полю, ищу себѣ встрѣчнаго-поперечнаго, съ кѣмъ бы мнѣ побиться, съ кѣмъ бы порубиться? Шашечка — кладенецъ, а копье булатное. Гдѣ бы увидать злодѣя царя Максимиліана? Я бы ему сейчасъ голову снесла. Онъ не есть дѣтямъ рачи-

тель, а онъ есть злой губитель; онъ же своего сына кормилъ-поилъ, и онъ же его со свѣта сжилъ».

Царь.

(Грозно къ богинѣ). «Ахъ, ты прескверная, баламутная дѣвченка! Что ты *возгласила надъ собою?* Или ты не знаешь, что смерть надъ твоей головой? Ты не знаешь меня, царя Максимиліана, что я силенъ, славенъ и непобѣдимъ и иду на тысячу одинъ! На гору встану—горы трещатъ, на воду лягу—вода кипитъ, на землю встану—дымъ столбомъ, земля съ трескомъ провалится... А ты не хочешь меня знать? Я тебѣ докажу: свой острый мечъ по эфесъ въ грудь тебѣ вонжу, алой кровью напою».

Богиня.

«Рано, рано, злодѣй хвалишься, но скоро подавишься. Не хвались, когда на пиръ идешь, но хвались, когда изъ пиру идешь».

Царь.

«Торкъ яма! Богиня, стой прямо! Видишь яму—не вались».

Богиня.

«Прежде *время* не хвались».

Царь.

«Сѣкись, богиня!... рубись».

Богиня.

(Богиня падаетъ на колѣни и поетъ:)

«У Венеры на колѣняхъ сыночекъ играетъ,
Сыночекъ играетъ, ничего не знаетъ,
Какъ пришлось-то мнѣ горевать».

Царь.

«Встань, встань, несчастная богиня, на свои рѣзвыя ноги и слѣдуй за мной въ мои чертоги».

Богиня.

(Встаетъ и говоритъ:) «О, великій императоръ, грозный царь Максиміанъ! Отъ кого вы наслышались, что Вашъ сынъ не вѣруетъ Вамъ и вашимъ кумирскимъ богамъ, а вѣруетъ въ Распятаго?»

Царь.

«Отъ вѣрнаго мнѣ пажа, которому передалъ король Никей».

Богиня.

«Позвольте мнѣ съ нимъ побиться».

Царь.

«Можете».

Богиня.

«Хожу я и гуляю по чистому полю, ищу себѣ встрѣчнаго-поперечнаго, съ кѣмъ бы мнѣ побиться, съ кѣмъ бы порубиться на мечѣ-кладенцѣ и на копьѣ булатномъ; гдѣ бы увидать злодѣя короля Никея? Я ему сейчасъ бы голову снесла».

Король Никей.

«Ахъ ты, прескверная, пребаламутная дѣвченка! что ты *возгласила надъ собой?* Или ты не знаешь, что смерть надъ твоей головой? Ты не знаешь меня, короля Никея, что силенъ, славенъ, непобѣдимъ!»

Богиня.

«Рано, рано, злодѣй, хвалишься, но рано и подавишься. Не хвались, когда въ пиръ идешь, а хвались тогда, когда изъ пиру идешь».

Король Никей.

«Торкъ яма! Видишь яму—не вались, сѣкись!»

Богиня.

«Стой прямо. Прежде *время* не хвались, рубись». (Богиня падаетъ со всѣхъ ногъ и лежитъ безъ чувствъ. Въ это время вбѣгаетъ старикъ со старухой и выносятъ богиню въ общую комнату, гдѣ поютъ хоромъ пѣсню: «Померла наша надежда»...).

Царь.

«Пажъ-маршалъ».

Пажъ.

«Скороходъ-маршалъ, тайныхъ дѣлъ совѣтникъ, явись, явись передъ тономъ своего монарха».

Скороходъ-маршалъ.

«О, великій повелитель, всѣхъ странъ покоритель»...

Царь.

«Вотъ что, любезнѣйшій скороходъ-маршалъ, поди и приведи храбраго рыцаря Анику-воина».

Скороходъ-маршалъ.

«Пойду и приведу!» (Уходитъ въ общую комнату и выводитъ Анику-воина, скованнаго въ желѣзы. На немъ накинутъ сѣрый кафтанъ и надѣта сѣрая фуражка. Аника-воинъ запѣваетъ пѣсню:

«Бывалъ я въ домѣ преобширномъ
Въ кругу родныхъ, своихъ друзей,
Проводилъ дни въ весельи мирно
И спалъ въ постели пуховой.
А нынѣ въ загорѣлой хатѣ
Между крестьянами живемъ»...).

Аника-воинъ.

(Подходитъ грозно къ царю). «На что призываешь? или какіе указы, или дѣла дѣлать повелѣваешь, или службу какую налагаешь?»

Царь.

«Вотъ что, любезнѣйшій Аника-воинъ, пойди въ мои заповѣдные луга и узнай, кто тамъ гуляетъ, кто царскій лугъ похищаетъ и приведи его сюда».

Аника-воинъ.

«Не могу».

Царь.

«Отчего же ты не можешь?»

Аника-воинъ.

«Оттого и не могу, что тридцать пять лѣтъ кандалы тру».

Царь.

«Пажъ-маршалъ».

Пажъ.

«Скороходъ-маршалъ, тайныхъ дѣлъ совѣтникъ, явись, явись передъ тономъ своего монарха».

Скороходъ-маршалъ.

«О, великій повелитель, всѣхъ странъ покоритель»...

Царь.

«Вотъ что, любезнѣйшій скороходъ-маршалъ, поди и приведи кузнеца и слесаря».

(Скороходъ выводитъ изъ общей комнаты кузнеца со всѣми кузнечными инструментами, который, переступая съ ноги на ногу и постукивая молотками, поетъ:

«Ой да я кузнечикъ молодой,
Славный мастеръ удалой.
Ой да начинаю я ковать,
Во всѣ стороны бросать.
Ой да скуй-ка, дѣвица, ключи,
Молоточкомъ не стучи».

Затѣмъ подходитъ къ царю и говоритъ:)

Кузнецъ.

«Изъ-подъ тучи гнилой, явился кузнецъ молодой; на что изволили требовать?»

Царь.

«Вотъ что, молодой человѣкъ, раскуй вотъ этого молодца».

Кузнецъ.

(Подходитъ къ Аникѣ-воину). «Ничего, дядя хорошій, закованъ!» (Зоветъ себѣ помощника, и къ нему подбѣгаетъ чертенокъ и подставляетъ свою ладонь. Кузнецъ стукаетъ по ладони и головѣ чертенка. Чортъ скрывается). Ничего, хорошій помощникъ былъ; должно быть, чортъ? Ну а съ чортомъ, братъ, дружба плохая». (Подходитъ къ царю и докладываетъ:) «Расковалъ, Ваше императорское величество!»

Царь.

«Ну можешь отправляться, откуда пришелъ».

Аника-воинъ.

(Топая ногой). «Освободился отъ сихъ желѣзъ! Позволь мнѣ получить мечъ-кладенецъ и прежніе мои доспѣхи».

Царь.

«Можешь получить».

(Аника-воинъ уходитъ въ общую комнату, одѣваетъ рыцарскую форму и выходитъ обратно, помахивая шашкой въ воздухѣ).

Аника-воинъ.

«Получилъ я мечь-кладенецъ и прежніе свои доспѣхи. Растворись врата градскія, иду за стѣны золотыя, во луга заповѣдные, дабы узнать, кто тамъ гуляетъ, кто царскій лугъ похищаетъ? (Замахивается шашкой на короля Никея). Кто тутъ гуляетъ?»

Король Никей.

«Тотъ, кто тебя не боится».

Аника-воинъ.

«*Кто ты есть такой?*»

Король Никей.

«Я король Никей, силенъ, славенъ, непобѣдимъ, иду на тысячу одинъ. На гору встану — горы трещатъ, на воду лягу — воды кипятъ, на землю встану—дымъ столбомъ, земля съ трескомъ

провалится! А, ты не хочешь меня знать!? Я тебѣ докажу: сей острый мечъ по эфесъ во грудь твою вонжу, алой кровью напою!

Аника-воинъ.

«Гордыя твои слова, но совѣсть твоя подла. Не хвались, когда въ пиръ идешь, а хвались, когда изъ пиру идешь. Торкъ яма!«

Король Никей.

«Стой прямо!»

Аника-воинъ.

«Видишь яму—не вались».

Король Никей.

«Прежде *время* не хвались».

Аника-воинъ.

«Сѣкись!»

Король Никей.

«Рубись!»

Аника-воинъ.

(Подходитъ къ царю). «О, великій императоръ, грозный царь Максиміанъ, сколько съ симъ противникомъ не сражался, но не беретъ сія сабля злодѣя короля Никея. (Бросаетъ саблю на полъ). Дай мнѣ тотъ пистолетъ, который на огнѣ тридцать пять лѣтъ свинцовой пулей заряженъ».

Царь.

«На, на тебѣ тотъ пистолетъ, который на огнѣ тридцать пять лѣтъ свинцовой пулей заряженъ и предай Никея злой смерти».

Аника-воинъ.

(Беретъ пистолетъ и цѣлится въ противника). «Получи, злодѣй! (Король Никей падаетъ. Старикъ со старухой уносятъ его. Аника-воинъ похваляется своей силой). Пала, пала съ неба звѣзда и осіяла весь вольный свѣтъ. Лежитъ убитый злодѣй король Никей, и нѣтъ сильнѣй и храбрѣй противъ меня богатырей. Гдѣ бы, гдѣ бы я смерть свою увидалъ и той бы сейчасъ голову снесъ». (Въ это время выходитъ смерть).

Смерть.

«Полно, полно, Аника-воинъ, выхваляться, не пора ли тебѣ на тотъ свѣтъ собираться».

Аника-воинъ.

«Что за плутовка, что ты за колдовка, что *ты есть* за горькая пьяница или подлая женщина? Я тебя не боюсь и острой твоей косы не страшусь».

Смерть.

«Я *не есть* колдовка, я *не есть* плутовка, я не горькая пьяница, а я *есть* истинная смерть твоя».

Аника-воинъ.

(Падаетъ на колѣни и молитъ смерть). «Ахъ ты смерть, моя смерть, дай мнѣ льготы на три года».

Смерть.

«Нѣтъ тебѣ и на три мѣсяца»

Аника-воинъ.

«Дай мнѣ на три недѣли».

Смерть.

«Нѣтъ тебѣ на три часа! Вотъ тебѣ моя острая коса. (Замахивается косой, Аника-воинъ падаетъ. Смерть уходитъ, а тѣло воина уносятъ въ общую комнату старикъ со старухой. Хоръ поетъ пѣсню: «Померла наша надежда»... Старикъ со старухой и кузнецомъ идутъ къ царю за деньгами, которыя тотъ обѣщалъ за ихъ работу. Царь назначаетъ имъ время получки денегъ, и они довольные возвращаются отъ царя).

Дѣйствіе III.

Мамай.

(Входитъ король Мамай въ комнату царя Максимиліана и любуется ею). «Ахъ, прекрасное зданіе, прелестный воздухъ! (Показывая рукой направо и налѣво). Здѣсь бы я разсадилъ садъ, а здѣсь поставилъ палисадъ, и сталъ бы со своимъ племянникомъ жить да поживать, ни конному, ни пѣшему проходу не давать. А гдѣ же мой племянникъ?»

Племянникъ короля Мамая.

«Здѣсь, дядя, здѣсь! Я являюсь, всѣми силами управляюсь. *Мое хваленіе передъ тобою*! могу хвалиться самъ собою: куда будешь посылать, то до послѣдней капли крови буду исполнять».

Мамай.

«Вотъ что, любезный мой племянничекъ, поди къ царю Максимиліану, отнеси ему грозное письмо и скажи, чтобы онъ уплатилъ мнѣ дань и пошлины за двѣнадцать лѣтъ, а на грудь мою возложилъ золотую цѣпь. Если не дастъ просимаго, то идемъ войною».

Племянникъ.

«Пойду и отнесу сіе грозное письмо царю Максимиліану и скажу ему, чтобы онъ платилъ дань и двѣнадцать лѣтъ пошлины и на грудь твою возложилъ золотую цѣпь». (Беретъ письмо и подходитъ къ царю).

Племянникъ.

«Зри! зри, великій императоръ, грозный царь Максимиліанъ, на сей листъ. Сей листъ палитъ, письмо грозное летитъ. Возьми, прочитай и головкой покачай».

Царь.

(Читаетъ письмо). «Что я вижу, что я читаю? Король Мамай мнѣ предписываетъ, чтобы я ему платилъ дань, пошлину и драгоцѣнные подарки, на грудь его возложилъ золотую цѣпь. Вмѣсто сихъ подарковъ посылаю ему: пули, ядра, картечи, и вамъ, обоимъ басурманамъ, — головы съ плечъ. Начнемъ войну».

Мамай.

«А гдѣ же мой племянникъ?»

Племянникъ.

«Здѣсь, дядя, здѣсь! Я являюсь, всѣми силами управляюсь. *Мое хваленіе передъ тобою*! могу хвалиться самъ собою: куда будешь посылать, до послѣдней капли крови буду исполнять».

Мамай.

«А что ходилъ ли ты къ царю Максимиліану?»

Племянникъ.

«Ходилъ, дядя».

Мамай.

«Все подробно разсказалъ ли?»

Племянникъ.

«Все подробно разсказалъ, но онъ мнѣ на это грубо отвѣчалъ. Вмѣсто подарковъ шлетъ: пули, ядра, картечи, а намъ, басурманамъ, головы долой съ плечъ».

Мамай.

«А ну, я впослѣдствіи ему докажу».

Племянникъ.

«А ну-ка, дядя, докажи».

Мамай.

«Вылетаетъ орелъ изъ дальнихъ сторонъ съ длинными усами, съ черными бровями—Бай-Мухаметъ Золотой Орды. Когда отецъ мой помиралъ, мнѣ наставленіе давалъ, чтобы карать васъ, злодѣевъ: правой рукой моею за ограду бросать. А

ты, *звьяроломный* Максимиліанъ, если не покоришься моей власти, изсѣку тебя на мелкія части; *свержу* тебя съ трона и растопчу, какъ кислую ворону».

Царь.

«Рано, рано, злодѣй хвалишься, но скоро подавишься; не хвались, когда въ пиръ идешь, хвались тогда, когда изъ пиру идешь».

Мамай.

«Торкъ яма! Видишь яму, не вались, сѣкись!»

Царь.

«Стой прямо! Прежде *время* не хвались, рубись!»

(Король Мамай падаетъ на одно колѣно и склоняетъ голову; а хоръ выходитъ изъ общей комнаты, становится кругомъ и поетъ пѣсню: «Алла, Алла, татарская столица. Она намъ не годится. Король Мамай какой былъ храбрый воинъ, теперь его нѣтъ»).

Мамай.

(Король Мамай пробуждается, будто бы отъ сна, и говоритъ:) «Ахъ вы, братцы, вы думали онъ меня убилъ? Нѣтъ онъ меня не убилъ, только лѣвую руку повредилъ. Пока моя правая рука владѣетъ, не будетъ жизни противника никогда».

Царь.

«Ахъ вы, братцы, кто бъ мой честной тронъ защитилъ, того бы златомъ-серебромъ наградилъ и на грудь его златую цѣпь возложилъ». (Въ это время изъ общей комнаты выбѣгаетъ храбрый

рыцарь герцогъ, забираетъ все свое оружіе, готовится въ бой и хочетъ защитить тронъ царя Максимиліана).

Король Мамай.

«Кто, кто хочетъ защитить тронъ царя Максимиліана? Я ручаюсь, что въ свѣтѣ его никто не можетъ защитить. А ты, мальчишка! тебѣ съ красными дѣвками въ хороводѣ играть, но не со мной, королемъ Мамаемъ, воевать. Ты не знаешь меня, короля Мамая, что я силенъ, славенъ, непобѣдимъ, иду на тысячу одинъ. На гору встану—горы трещатъ; на воду лягу—вода кипитъ; на землю встану—дымъ столбомъ, земля съ трескомъ провалится! А ты не хочешь меня знать? Я тебѣ покажу,—сей острый мечъ по эфесъ въ грудь твою вонжу, алой кровью напою».

Герцогъ.

«Рано, рано, злодѣй, хвалишься, скоро подавишься. Не хвались, когда въ пиръ идешь, а тогда хвались, когда изъ пиру идешь».

Мамай.

«Торкъ яма! Видишь яму, не вались, сѣкись!»

Герцогъ.

«Стой прямо. Прежде *время* не хвались, рубись!»

(Герцогъ падаетъ на землю мертвымъ. Царь встаетъ, цѣлится пистолетомъ въ противника и говоритъ: «Помри злодѣй!» Мамай падаетъ на полъ мертвымъ. Входитъ племянникъ).

Племянникъ.

«Хожу я и гуляю по чистому полю и вижу передъ собой тѣло дяди своего. Кѣмъ же онъ убитъ? Навѣрное, царемъ Максимиліаномъ? Хотя дядю моего онъ и убилъ, но я вмѣсто его заступилъ. Охъ, *звѣролобный* Максимиліанъ, строго я тебѣ отомщу за кровь дяди своего. *Свержу* тебя съ трона и растопчу, какъ кислую ворону».

Царь.

«Гордыя твои слова, но совѣсть подла».

Племянникъ.

«Если ты своей совѣстью дорожишь, то мечъ мой алой кровью напоишь».

Царь.

«Не хвались, подавись».

Племянникъ.

(Падая на колѣни передъ царемъ). «О, великій императоръ, грозный царь Максимиліанъ, куда мнѣ теперь дѣваться: удавиться или утопиться, или въ иныя земли удалиться?

Царь.

«Не примешь ли ты нашу вѣру?»

Племянникъ.

(Беретъ кинжалъ и говоритъ:) «Чѣмъ мнѣ вашу вѣру принимать, лучше я себя жизни лишу». (Проводитъ кинжаломъ по горлу и падаетъ).

Изъ общей комнаты выходитъ хоръ и поетъ:

«Все загорѣлось,
Все запылало:
Царское знамя,
Царская слава,
Честь Максимиліана,
Побѣда враговъ».

Ст. Донецкая, 1903 г., хорунжій Михаилъ Трунинъ и вольноопредѣляющійся Ф. М. Лѣтниковъ.

ОТДѢЛЪ XI.

Д О Б А В Л Е Н І Я.

А. ПѢСНИ ИСТОРИЧЕСКІЯ.

Заселеніе казаками Новоилецкой линіи въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія.

Я вечоръ своего милаго
Провожала далеко,
Провожала-вывожала,
Слезно плакала по немъ...

Прощай, Томск*а* и Тобольск*а*,
К*а*ндравинскій городокъ!
Прощай, Шаши, души наши,
Намъ топере не до васъ,
Нашъ приходитъ горькій часъ!
Во солдаты везутъ насъ!

Изъ-подъ бѣлою березы
Быстро рѣченька бѣжитъ.
Какъ по этой быстрой рѣчкѣ
Съ верху лодочка бѣжитъ.
Какъ на этой легкой лодкѣ
Храбры молодцы сидятъ,
Про разлуку говорятъ:
Ужъ ты, скука, зла разлука,
Чужа дальна сторона!
Разлучила-развела
Съ отцомъ, съ матерью меня,
Съ родомъ-племенемъ на вѣкъ!
Отправляться на *Илеть*!

На Илети нѣтъ ни ягодъ, ни цвѣтовъ,
Растетъ травка ковылёкъ.
Мы и будемъ тамъ стоять,
Черну пашенку пахать,
Арбузиковъ насѣвать,
Въ Казань городъ отсылать,
Много денегъ наживать!

(См. Соболевскаго т. VI, стр. 82. Записана въ Чебоксарскомъ уѣздѣ Казанской губерніи В. Магнитскимъ).

Генералушки неудачнымъ приказомъ отняли у казаченекъ волю.

Намъ недорого, хозяинъ, пиво хмельное твое,
Дорога намъ бесѣдушка казацкая.
Во бесѣдушкѣ сидятъ люди добрые православные,
Они баютъ, разсуждаютъ про казаченекъ Царя Бѣлаго:
Злы киргизушки ихъ измучили,—
Старъ и малаго во полонъ берутъ,
Во полонъ берутъ басурманики, все въ Хиву везутъ.
Нашъ надежда Православный Царь то не вѣдаетъ;
А генералушки приказъ отдали,
Отъ казаченекъ волю отняли:
«Вы не смѣйте де за Уралъ ходить, басурманъ громить» [1]).

К. Кузнецовъ. «Оренбургское казачье войско какъ община», 1909 г., г. Верхнеуральскъ, стр. 85.

[1]) Въ XVIII вѣкѣ начальникомъ Оренбургскаго края было отдано распоряженіе, по которому воспрещалось казакамъ переходить на лѣвый берегъ Урала даже и въ томъ случаѣ, когда киргизы схватывали съ поля человѣка и увозили его въ плѣнъ.

Пѣсня казаковъ, слѣдовавшихъ въ Хиву въ 1839 году.

Заскучалъ Перовскій дома
На Уралѣ кочевать
И, съ отвагой бывъ знакомый,
Вздумалъ въ Хивѣ побывать.
Вѣсть промчалась быстрой птицей.
Встрепенулся старъ и младъ,
И казаки вереницей
Прискакали на Уралъ.
Зовъ въ минуту разгадался.
Имъ указъ Царевъ прочли;
Духъ казацкій разгулялся;
Рѣчь про Хиву завели.
Братцы, тамъ томятъ въ неволѣ
Православныхъ христіанъ,
И Бековича оттолѣ
Вопль сто лѣтъ несется къ намъ.
А Державный Петръ Великій,
Вамъ извѣстно, что сказалъ:
«Не умретъ де срамъ толикій,
Доколь будетъ течь Уралъ».
Иль завѣтъ этотъ въ опалѣ?
Иль забытъ наказъ отцовъ?
Иль не стало на Уралѣ
Ужъ казаковъ молодцовъ?
Идемъ, братцы, въ Хиву въ гости,
Ихъ отворимъ ворота
И Бековичевы кости
Принесемъ съ собой сюда.
Грянемъ, други туда съ местью,
Такъ же съ братій узы снять. [1])
. . . . . .
. . . . . .

[1]) Ср. ч. I стр. 135.

Б. БЫЛИНА.

Старому казаку захотѣлось показаковать.

Ты старинушка, старинушка,
Ты старой казакъ.
У старинушки головушка
Сѣдымъ-сѣда,
Отъ головушки бородушка
Какъ лунь бѣла.
На старинушкѣ шубеночка
Худымъ-то худа,
Худымъ—худа
Вся изорвана.
У шубеночки лѣва полычка
Во пятьсотъ рублей,
У шубеночки права полычка
Во всю тысячу,
Какъ всей-то ей, шубеночкѣ,
Ей цѣны нѣтъ;
Какъ хотѣлось ему, казаченькѣ,
Показаковать,
Всходилъ-то онъ, казаченька,
Во конюшенку.
Выбралъ онъ себѣ коня
Что ни лучшаго,
Онъ накидывалъ сѣделице
Черкесское,
Онъ подтягивалъ двѣнадцать подпругъ
Шелковыхъ,
Онъ не для красы,
Для богатырской своей крѣпости;
Выѣзжалъ-то онъ, старинушка,
Во чисто поле,

Вызывалъ онъ, старинушка, на поединокъ
Себѣ избранничка [1]).

Ст. Оренбургская, 1904 г., урядникъ Савва Перовъ.

В. ПѢСНИ РАЗБОЙНИЧЬИ.

Есаулъ разбуживаетъ казаковъ разбойниковъ [2]).

На зарѣ было да разъ на зоренькѣ,
На восходѣ было красна солнышка.

* * *

На зарѣ было да ранней утренней.
Не соколъ леталъ по поднебесью.

* * *

Не соколъ леталъ по поднебесью—
Есаулъ гулялъ по-подъ лѣсику.

* * *

Есаулъ гулялъ по-подъ лѣсику,
Онъ гулялъ, гулялъ, всё разгуливалъ.

* * *

Онъ гулялъ, гулялъ, всё разгуливалъ,
Да добрыхъ молодцовъ всё разбуживалъ.

* * *

Да добрыхъ молодцовъ все разбуживалъ.
«Вы вставайте-ка, все казаченьки.

* * *

Вы вставайте-ка, все казаченьки,
Пробуждайтеся, все разбойнички.

* * *

---

[1]) Ср. былину «Богатырь Илья Муромецъ», ч. II, стр. 9).

[2]) Нѣкоторые казаки называютъ эту пѣсню «Пѣсней объ основаніи Оренбургскаго казачьяго войска».

Ср. ч. II, стр. 51 «Атаманушка».

Пробуждайтеся, все разбойнички,
Просыпайтеся отъ сна крѣпкаго»...

Пѣсня записана въ 1907 году сотникомъ Г. И. Мякутинымъ въ 3-мъ Оренбургскомъ казачьемъ полку.

Молодая вдова выдана замужъ за море.

На горѣ хуторочекъ стоитъ;
Какъ на томъ хуторкѣ—молодая вдова,
Какъ у этой у вдовы—семь сыновей,
А восьмая сама—молодая вдова.
Какъ жалѣли ее; пожалѣвши ее, замужъ выдали,
Замужъ за море да за барина за богатаго.
Стала мужа просить лошадей запрягать,
Лошадей запрягать, черезъ море переѣзжать.
Переѣхавши, стала коней кормить,
Стала коней кормить, дѣтямъ кашу варить.
Какъ на тотъ огонекъ—все разбойнички,
Какъ мужа-то ее все зарѣзали,
А дѣтей ее въ море бросили,
А ее молоду въ плѣнъ увезли. [1])

Ст. Городищенская, 1900 г., казакъ Федоръ Масленниковъ.

Побѣгъ изъ тюрьмы.

Какъ задумалъ воръ разбойникъ,
Изъ тюрьмы онъ убѣжать;
Не сталъ зари онъ дожидаться,
Сталъ стѣнушку ломать.
Подойду я къ коридору,
Не горитъ ли огонекъ?
Тутъ, гремя шпорой о шпору,
Ходитъ мрачный часовой.

[1]) Ср. ч. II стр. 31 «Сестра и братья разбойники».

Часовой съ своей онъ скуки
Притомился и заснулъ.
Подбѣгаю я къ воротамъ,
Всѣ желѣзныя они;
Ворота были замкнуты
На два желѣзные замка.
Я мигомъ черезъ ограду
Тѣнью быстрою промчусь:
Край родной спровѣдать нужно
И жену поцѣловать,
А дѣтей своихъ малютокъ
Къ ретиву сердцу прижать,
А потомъ подъ шелестъ листьевъ
Въ лѣсъ пойду я помирать.
Нѣтъ ножа, нѣтъ револьвера,
Не чѣмъ жизнь мнѣ прекратить.

Ст. Кундравинская, 1902 г., трубачъ Василій Комлевъ; записалъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

Г. ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ БЕЗЫМЯННЫЯ.

Убили молодого казака.

Гей въ Таганрогѣ, гей въ Таганрогѣ,
Въ Таганрогѣ солучилася бѣда. (2 р.).
Гей тамъ убили, гей тамъ убили,
Тамъ убили молодого казака. (2 р.)
Гей схоронили, гей схоронили,
Схоронили при широкой долинѣ. (2 р.)
Гей тамъ летѣли, гей тамъ летѣли,
Тамъ летѣли сизокрылые орлы. (2 р.)
Гей сѣли—пали, гей сѣли—пали,
Сѣли—пали у казачки на дворѣ. (2 р.)

Гей широкъ дворикъ, гей широкъ дворикъ,
Широкъ дворикъ крылышками размели. (2 р.)
Гей голосами, гей голосами,
Голосами все вдовушку будили: (2 р.)
«Гей ты послушай, гей ты послушай,
Ты послушай, молодая, ты, вдова! (2 р.)
Что люди баютъ, что люди баютъ,
Люди баютъ нехорошія слова: (2 р.)
Гей твого мужа, гей твого мужа,
Твого мужа во колясочкѣ везутъ; (2 р.)
Гей ворона коня, гей ворона коня,
Ворона коня за шелковъ поводъ ведутъ» (2 р). [1])

Ст. Разсыпная, 1905 г., нестр. старш. разр. Гавріилъ Гурѣевъ; ст. Устьуйская, 1902 г., казачка Александра Лосева (записалъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ).

Переженіе на Дальній Востокъ.

Покачнулись горы, долы,
Потрясалася мать-сыра земля:
Намъ приходятъ скоро вѣсти,
Не стоять намъ на мѣстѣ,
Постоять съ тоской немножко.
Во Иркутско есть дорожка;
Во Иркутско шли лѣсами
И покрыты небесами.
Изъ Иркутска пошли къ морю,
Навалилась тоска-горе.
Байкалъ-море устращалъ:
Насъ морской водой качалъ.
Переправившись Байкалъ,
У насъ свѣтъ изъ глазъ пропалъ.

Ст. Кундравинская, 1902 г., трубачъ Василій Комлевъ.

[1]) Ср. Желѣзнова стр. 89—90, Бигдая вып. VIII стр. 578 и вып. XIII, Мякушина стр. 202.

Генералушку сшибло парусомъ въ море.

Какъ со вечера погодушка дула, сподувала,
эй да сподувала,
На синемъ-то морѣ, на взморьицѣ волны разбивала,
эй разбивала,
Два корабличка только раздубовыхъ волной расшибала,
эй расшибало,
Молодого-то душу генералушку парусомъ сшибала,
да сшибала.
Что упалъ-то, упалъ душа генералушка въ синее море,
во море,
Еще поплылъ же душа генералушка бѣлымъ лебедочкомъ,
да лебедочкомъ.
Что заплылъ-то, приплылъ душа генералушка во камышъ во травку,
да во травку.
Увидали же душу генералушку молодые матросы,
да матросы.
Они взяли же душу генералушку на свою на шлюпку,
да на шлюпку,
Положили душу генералушку на простыя бочки,
да на бочки,
Что качали же душу генералушку ровно три часочка,
три часочка.
На четвертый часъ душа генералушка, онъ слово промолвилъ,
да промолвилъ,
Что спасибо вамъ, молодые матросики, за мое спасенье,
да спасенье.

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Ефимовъ.

Д. ПѢСНИ СЕМЕЙНЫЯ.

Мать и сынъ.

Мамонька Коленькѣ говаривала,
Государыня милому сыну наказывала:
«Тебѣ полно, Николай, за охотою ходить,
За охотой, за гульбой—за дѣвичьей красотой».
—«Охъ ты, мать моя, мать, теперь меня не унять,
Не унять, не унять: я повадился гулять,
За рѣку за быструю ходить,
У майора дочь Шашурочку любить.
У майора дочь Шашурочка, она очень хороша,
Лицо бѣлое, какъ снѣгъ, а щечки—маковъ цвѣтъ,
Румяна, румяна, румянешенька;
Она по двору ходила и меня къ себѣ манила».

Ст. Долгодеревенская, приказный Степанъ Ильичъ Подкорытовъ; сообщилъ подъесалъ Н. С. Головинъ.

Худа доленька молодца.

Гулялъ Ванюшка дружокъ недѣльку,
Расхорошій гулялъ ровно двѣ.
Шелъ Ванюша дружокъ со гулянья.
Распрогнѣвалъ Ваня отца-мать;
Свою Любушку, свою сударку,
До худой славушки довелъ.
Не за то ли дружка Ванюшу,
Во солдаты Ваню берутъ,
Что во тѣ ли во солдаты,
Въ гренадерскій славный полкъ.
Изошелъ дружочекъ Ванюша
Всѣ губерніи, города;
Не нашелъ дружочекъ Ванюша

Хуже солдатскаго житья.
Ты житье-ли, разжитышко,
Худа доленька моя.
Ни въ чомъ счастья доля не дала,—
Ни въ батюшкѣ доля, ни въ матушкѣ,
Ни въ молоденькой шельмѣ женѣ.
Ты жена-ли, моя разженушка,
Худа доленька моя!
Да за чужбинкой, женушка, пошла,
За чужбинкой, за гульбинкой,
За славушкой жена за худой.

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Ефимовъ.

Дрянь худа жена.

Ужъ ты, молодость, моя молодость,
Эй да ты когда прошла, прокатилася,
Эй да или днемъ прошла, или вечеромъ?
Я не днемъ прошла, я не вечеромъ,
Я прошла, прошла во глуху полночь.
Навязалась дрянь худа жена,
Не продать жену, не заложити,
На базаръ вести — никто грошъ не дастъ,
Во кабакъ вести — никто шкаличку.
Я пойду съ горя на сине море
Ужъ я къ плотничкамъ, къ корабельщикамъ.
Ужъ вы, плотнички, корабельщики,
Вы постройте-ка новъ высокъ корабль.
Я убью корабль плисомъ, бархатомъ,
Унижу корабль мелкимъ жемчугомъ,
Нагружу корабль златомъ-серебромъ,
Посажу въ корабль жену барыню.

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Ефимовъ.

Не по совѣсти жена.

Эй-да какъ у Ванюшки заболѣла голова
При дороженькѣ со зелена вина,
Тутъ построенъ не Синопъ городъ—Москва.
Во Москвѣ улочка широка,
Что никто-то по ней не проѣдетъ, не пройдетъ.
Только шелъ-то, прошелъ дѣтинушка младой.
У дѣтинушки нѣтъ заботы никакой.
Только есть у него заботушка-сухота.
Что заботушка—не по совѣсти жена,
Не по совѣсти да журитъ, бранитъ завсегда.
Отъ журьбы-то ея во горницу жить ушелъ.
При потемочкахъ онъ головушку чесалъ,
При ясномъ-то огнѣ русы кудри завивалъ.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Фил. Ефимовъ.

Старый мужъ.

Вышла дѣвка на три горя горевать, —
Первое горе—вышла замужъ молода,
Второе горе—за стараго старика,
Третье горе—не пускаетъ старъ гулять.
Хоть отпуститъ, самъ на лавкѣ просидитъ,
Бѣлой грудью на окошкѣ пролежитъ,
Сквозь нѣмецкое стеклышко проглядитъ,
Не стоитъ ли молода жена съ кѣмъ,
Не цѣлуетъ ли молода жена кого.
Я стояла съ миленькимъ одинъ часъ,
Я роняла горючи слезы изъ глазъ,
Обронила изъ рукъ бѣленькій платокъ.

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Ефимовъ.

Е. ПѢСНИ ЛЮБОВНЫЯ (ЛИРИЧЕСКІЯ).

Рыцарская любовь.

Полюбилъ я душу-дѣвицу;
За нее готовъ душу отдать.
Бирюзой изукрашу свѣтлицу
И поставлю золотую кровать;
На кроватку—лебяжью перину
И коверъ изъ душистыхъ цвѣтовъ;
Самъ поѣду въ ино государство,
И разобью я тамъ сто городовъ;
И вернусь я съ богатой добычей
И отдамъ это все за любовь.
Ты не пой-ка, не пой, соловейко,
Хорошо на родимыхъ поляхъ;
Ты не плачка, не плачь, Марусенька,
Далеко отъ родимой семьи.
Изъ-за Васъ, изъ-за Васъ я страдаю,
Изъ-за Васъ, я печалюсь, крушусь,
Изъ-за Васъ, изъ-за Васъ помираю,
Изъ-за Васъ я въ могилу сойду.

Ст. Устьуйская, 1902 г., казачка Александра Андреевна Лосева; записалъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

У молодца кручина на сердцѣ.

Ты, кручина ли, моя кручинушка великая,
Никому ты, моя кручинушка, неизвѣстна,
Только извѣстна моя кручинушка моему сердцу.
Безъ огня-то, огня мое сердечушко все сгорѣло,
Почернѣло-то мое сердечушко чернѣе грязи,
Запечалилось мое ретивое бѣлой грудью.
Ты, долина ли, моя долинушка широкая,

Ничего моя долина не родила,
Породила же моя долинушка кустъ калиновый.
Какъ на томъ-то кусту, на калинушкѣ, — соловейка,
Онъ сидитъ-то, сидитъ да младъ соловушекъ громко свищетъ —
По неволюшкѣ добрый молодецъ письмо пишетъ,
Онъ не ко батюшкѣ, да не ко матушкѣ посылаетъ,
Онъ посылаетъ, добрый молодецъ, ко душѣ ко дѣвицѣ.
Не стоскуйся-ка ты, красна дѣвица, не сгорюйся,
Только я то одинъ, да добрый молодецъ, стосковался,
Я отъ батюшки да я отъ матушки глупъ остался,
Воспоили, воскормили добра молодца чужи люди,
Возлелѣяла да добраго молодца легка лодка.

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Ефимовъ.

Молодцу нѣтъ отрадушки.

Ты воспой-ка, воспой,
Соловей молодой,
Громку пѣсенку,
Громку пѣсенку,
Ты еще-то воспой
Для забавы своей,
Вынь изъ груди моей
Грусть-кручинушку.
У меня-ль молодца
Нѣтъ родного отца
И нѣтъ матери.
Надо правду сказать,
Еще есть у меня мать,

Да спесивая;
Еще есть у меня отецъ
Да и тотъ наконецъ.
Онъ забылъ меня;
Не хотятъ подарить,
Не хотятъ наградить
Словомъ ласковымъ.
Ужъ какъ мнѣ-ль, молодцу,
На чужой сторонѣ
Нѣтъ отрадушки.
Мнѣ отрада одна,
Мнѣ когда-то была
Красная дѣвица,
Красная дѣвица.
Она шлетъ письмецо,
Что пропало кольцо
Обручальное,
Обручальное.
Разступись, мать-земля,
Для меня молодца
Страшной пропастью,
Страшной пропастью.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

У милой переболѣло сердце по любезномъ дружкѣ.

Эй да ты не пой-ка, не пой
Да, разсоловушекъ, во зеленомъ саду.
Не давай-ка тоски-раззолушки
Сердечку, сердцу моему.
Безъ того-то мое да разсердечушко
Все изныло во мнѣ,
Что изныло же да переболѣло
По тебѣ; любезный, дружокъ мой.

Ужъ я лѣсомъ шла,
Да шла я темнымъ,
Казался въ лѣсѣ алый цвѣтъ;
Расшелковая да мелкая травонька,
Сплетала травка за мной слѣдъ.
Что не шумъ-то шумитъ,
Да что не громъ гремитъ,
Лавровый листъ въ полѣ шумитъ.
Не шумите-ка, разлавровые,
На одинъ хоть вы на часокъ.
Вы, часы ли мои да развеселые,
Пріутѣшьте меня молодца.
Вы за то ли меня пріутѣшили,
Одинъ сынъ былъ я у отца,
Разъединый да былъ дѣтище;
Уродился такой я молодецъ,
Спородила меня да родна матушка.
Во чистомъ да во полѣ,
Какъ во чистомъ было да во полечкѣ,
Сѣрый камешекъ во полѣ лежитъ,
Изъ-подъ этого да было камешку,
Быстра рѣченька, рѣчка бѣжитъ.
Какъ по этой да быстрой рѣченькѣ
Легка лодочка, лодка бѣжитъ,
Какъ во этой да легкой лодочкѣ
Мой миленькій дружокъ лежитъ.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Дѣвица груститъ по миломъ дружкѣ.

А.

Въ сегодняшній день скуки
Не знаю, что начать,
Пришелъ ко мнѣ другъ милый,
Началъ меня ласкать:

«Красавица моя милая,
Послушай, что скажу,
На прелесть не взираю,
Одну тебя люблю».
—«Не смѣйся, другъ мой милый,
Не смѣйся надо мной,
Красавицъ въ свѣтѣ много,
Найдешь лучше меня,
Получше, покрасивѣй,
Повѣжливѣй меня».
Гуляла я въ садочкѣ,
Гуляла въ зеленомъ,
Искала я слѣдочки,
Гдѣ милый проходилъ.
Садилась подъ кусточекъ
На крутой бережокъ.
Летѣли двѣ голубки,
Садились на тотъ кустъ.
Одна изъ нихъ спорхнула
Ко мнѣ на бѣлу грудь,
А я жъ, млада, вздохнула
По миломъ по дружкѣ.

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Ефимовъ.

Б. Раззалетная вольная пташечка,
Что сидишь одна?
Не вьешь себѣ теплаго гнѣздышка,
Знать-то горькая сирота?
— На что было пташкѣ гнѣздышко?
Былъ пташкинъ отвѣтъ.
Мы летѣли съ дружкомъ за море,
Со милымъ самъ другъ.

Взвился соколъ изъ-подъ небеси,
Накрылъ на насъ вдругъ.
Ушибъ, убилъ дружка милаго,
А самъ улетѣлъ.
Со родимой, со сторонушки
Вѣтеръ подуваетъ,
Со прекраснаго со деревца
Вѣточки срываетъ.
Пала, пала эта вѣточка
Во синее-то море,
Поплыла же эта вѣточка
Изъ краю во конецъ.
Знать-то, знать тебѣ, вѣточка,
Съ деревцомъ не сростись.
Знать-то, знать тебѣ, дѣвица,
Съ милымъ не сойтись [1]).

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Ефимовъ.

Любушка не послушала наказа своего милаго друга.

Говорилъ-то мой милъ да другъ, наказывалъ,—
Посмирнѣй живи, моя Любушка,
Ужъ ты, сизая моя голубушка.
Я наказу его не послушала,
Приказанья его не исполнила,
Со инымъ дружкомъ поводилася,
Поводившись, съ дружкомъ разбранилася.
Разбранившись съ дружкомъ, слезно всплакнула,
Во слезахъ-то съ дружкомъ слово молвила:
Не стой, миленькій, у новыхъ воротъ,
Ты взойди-ка, взойди, милъ, во горенку,
Ужъ мы сядемъ-ка съ тобой, милъ, на лавочку,
Поглядимъ-ка мы съ тобой, милъ, въ окошечко,

[1]) Ср. ч. III, стр. 32.

Какъ у насъ-то на дворѣ день туманъ-туманомъ,
Не одинъ-то туманъ, а со частымъ дождемъ,
На синемъ-то морѣ вьетъ погодушка,
Въ ретивомъ сердцѣ есть зазнобушка.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Ф. Ефимовъ.

Разнесчастная дѣвченка уродилась безъ дружка.

Проходи-ка ты, мое скучное времечко,
Ой да скучное времечко.
Скучное время, пройди поскорѣе,
Ой да поскорѣе,
Протекайте-ка, злы часы, минуточки,
Ой да злы минуточки,
Злы минуты, люты дни,
Ой да люты дни.
Подъ окошечкомъ бѣдная дѣвченка призадумалась, сидитъ,
Ой да призадумалась, сидитъ.
Плакала дѣвица, рыдала, въ слезахъ рѣчи говоритъ,
Ой да рѣчи говоритъ.
Долго-ль сердцемъ сокрушаться и доколѣ буду я страдать,
Ой да я страдать,
Сколько видѣла молодцовъ хорошихъ, а моего дружка не нашла,
Ой да не нашла.
Съ того горюшка, съ великой кручинушки удалюсь я въ темный лѣсъ,
Ой да въ темный лѣсъ.
Ничего въ лѣсикѣ не слышно, только видно одно стадо лебедей,
Ой да стадо лебедей.

Всѣ-то лебедушки плаваютъ по-парно, а у одной пары нѣтъ,
Ой да пары нѣтъ.
Только я бѣдна-разнесчастная уродилась безъ дружка,
Ой да безъ дружка.

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Ефимовъ.

Ж. ПѢСНЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Спи, внучекъ, пока заботъ не знаешь.

Баю, баю, баю,
Внучекъ миленькій мой!
Твой отецъ живетъ на краю.
Онъ не бѣденъ, не богатъ,—
Имѣетъ четверо ребятъ.
Всякій мамыньку кричитъ.
Спи, младенецъ, Богъ съ тобой.
Баюшки баю.
Спи ничего, другъ, не бойся:
Есть хранитель надъ тобой:
Херувимы, серафимы,
Они вьются надъ тобой,
Надъ твоею головой.
Золотую колыбельку
Покрываютъ крыломъ.
Спи пока заботъ не знаешь.
Баюшки баю.

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., казачка Прасковья Семенова.

3. ПѢСНИ БЫТОВЫЯ ВООБЩЕ.

У вдовушки растетъ хорошая дочь.

Какъ за рѣченькой слободушка стоитъ,
Во слободушкѣ молода вдова живетъ.
У вдовушки дочь хорошая растетъ.
Про нее слава порядочная идетъ.
У ней лицо—въ полѣ бѣленькій снѣжокъ,
Щечки алы—въ саду розовый цвѣтокъ,
Брови черны, развеселые глаза,
Рѣчь умильна, съ прелестью словеса.
Слышу, миленькій смѣется надо мной.
Ты не смѣйся, другъ Ванюша, надо мной,
Намъ не долго жить-бесѣдовать съ тобой,
Намъ недолго толпы рѣчи говорить.
Пойду, выйду на крылечко, постою,
Погляжу млада въ подзорную трубу,
Во подзорную по чистому по полю.
Во чистомъ полѣ бѣлый шатричекъ стоитъ,
Во шатричкѣ два урядничка сидятъ,
Про между собою рѣчи говорятъ,
Меня молодую ругаютъ и бранятъ.

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Ефимовъ.

У молодца изныло сердечко при разыскиванiи скрывшейся милой.

A_1.

Ты, соловушекъ лѣсной,
Ты не пой рано весной,
Не давай тоски—назолы
Сердечушку моему.
Безъ того мое сердечко
Все изныло во груди,
Все изныло, переболѣло

По Сашуренькѣ своей.
Сашуренька, жизнь радость моя!
Куда скрылась отъ меня?
Куда скрылась?—Удалилась
Въ ины дальни города,
Въ ины дальни города,
Да во матушку во Москву.
По Москвѣ мальчикъ гулялъ
Да все сударушку искалъ,
Все сударушку искалъ
Да все товару закупалъ.
Онъ товару закупилъ,
Да къ ней пару извощиковъ нанялъ.
Сударушки не нашелъ,
Съ горя заплакалъ да пошелъ.

—

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

—

A_2. Соловушекъ маленькій, голосочекъ тоненькій!
Не пой тонкимъ, ты не пой громкимъ голосомъ;
Не грусти ты меня молодца,—
Безъ того тошно, грустно.
Ой да жаль мнѣ сударушку свою.
Сударушка, жизнь—радость моя!
Куда скрылась ты отъ меня?
Куда скрылась ты, куда удалилась?
За четыре ровно ста,
За четыре она, за пять сотъ,
За двѣнадцать городовъ,
За двѣнадцать или за тринадцать—
Во матушку во Москву.
Въ Москвѣ молодецъ гулялъ,
Онъ товару себѣ закупалъ,
Извощиковъ нанималъ;

Извощиковъ не нашелъ,
Самъ заплакалъ и ушелъ [1]).

Записана подъесауломъ М. Т. Лобановымъ отъ урядника Гирьяльской станицы Новокрещенова.

Дружокъ вернулся къ грустившей по немъ милой.

Ужъ ты, ночка ли моя, ночка,
Ночка темненькая.
Головка ли, ты, моя головка,
Головушка бѣдная.
Не придумала головка,
Съ кѣмъ мнѣ ночку ночевать,
Съ кѣмъ мнѣ ночку ночевати,
Съ кѣмъ осеннюю коротать.
Я одна въ лѣсѣ боюся,
Товарища со мной нѣтъ.
Нѣту, нѣтъ со мной товарища.
Нѣту милаго дружка,
Нѣту милаго дружка,
Иванушки сокола.
Съ того горя, со кручины
На Дунай рѣчку пойду.
По Дунаю погуляю,
Во рѣчушкѣ утоплюсь,
Во рѣчушкѣ утоплюсь,
На сосенкѣ удавлюсь.
На ту пору, на то время
Идетъ милый стороной,
Идетъ миленькій сторонкой
Машетъ правою рукой.
Не топися ты, моя милая,
Да на сосенкѣ не давись.
Намощу я мостикъ

[1]) Казаки эту пѣсню называютъ «Соловушекъ маленькій».

Да пододвину лодочку,
Первезу сударушку,
Да на свою сторонушку.

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Ефимовъ.

Расхорошенькій мальчишка покинулъ милую на чужой сторонѣ.

Расхорошенькій шельма мальчишка,
Что ты сдѣлалъ надо мной?
Что ты сдѣлалъ, мальчикъ? Насмѣялся
Да надъ дѣвченкой мальчикъ молодой.
Клялся маменькой мальчикъ, божился,
Хотѣлъ до вѣку со мной прожить.
До того, Машенька, до вѣку,
Знать до жизни до своей.
Теперь ласточку меня покинулъ
Въ чужой дальней сторонѣ,
Въ чужой дальней сторонѣ
Да нѣту радостей на часъ.
Нѣту радостей, веселья
Да ни съ которой стороны,
Ни съ которой стороны,
Ни съ работы, ни съ гульбы.

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Ефимовъ.

Молодецъ проспалъ свою голубушку.

Вечоръ у меня голубка была,
Голубка была да рядомъ сидѣла,
Рядышкомъ сидѣла, чай-кофе пила,
Чай-кофе пила, дружкомъ называла:
Дружочекъ, мой милый не проспи меня.
Проснулся милый—голубушки нѣтъ,
Нѣтъ сизой голубушки, не милъ вольный свѣтъ,

Не милъ вольный свѣтъ да ни мать, ни отецъ.
Кидался, бросался по всѣмъ сторонамъ,
По всѣмъ сторонамъ да по барскимъ дворамъ,
По барскимъ дворамъ да по купеческимъ.
Купеческій сынъ да охотничекъ былъ,
Охотничекъ былъ да ружьецо пыталъ,
Ружьецо пыталъ да соловья стрѣлялъ,
Соловья стрѣлялъ да въ голубку попалъ,
Въ голубку попалъ да въ правое крыло,
Въ правое крыло да въ ретивое сердце.

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Ефимовъ.

Мальчикъ разставаться сталъ съ дѣвицей, спознавъ чужу сторону.

Хорошъ мальчикъ уродился,
Онъ недолго съ ней водился,
Онъ не долго съ ней водился,
Разставаться шельма сталъ,
Разставаться шельма сталъ,
Да чужу сторону спозналъ.
Мнѣ чужая сторона
Да съ измалешеньку мила,
Да тамъ сударушка была.
Сударушка дѣвушка,
Да бѣлая лебедушка,
Бѣлолица, круглолица
Раскудрявая,
Да принапудренная.
Ты, сударушка моя,
Да не пудрися для меня,
Не пудрися, не бѣлися,
Не румянься для меня,
Не пудрися, не бѣлися,
Не румянься, душа.
Не румянься, душа,

Да безъ того люблю тебя,
Во Казань городъ вступлю
Да плису, бархату куплю,
Да тесову кровать обобью.
Самъ сяду на кровать,
Буду плакать, горевать,
Буду плакать, горевать,
Не придетъ-ли мила назадъ.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Молодецъ любуется, глядя на милую.

Хожу я улицей
Да не нахожуся,
Гляжу на милую,
Да не нагляжуся.

Припѣвъ:

Ахти люли, ахти люли,
Ахти люшеньки мои.

Свѣти, свѣти,
Свѣтелъ мѣсяцъ,
Не низко,
Высоко и далеко.

Припѣвъ.

Ты не низко,
Не низко,
Высоко, не близко,
Далеко и далеко.

Припѣвъ.

Въ этомъ полѣ
Во широкомъ полѣ,
Въ широкомъ полѣ,
Во раздольѣ.

Припѣвъ.

Въ этомъ полѣ во широкомъ,
Въ широкомъ полѣ, въ раздольѣ,
Дѣвченочка просо полетъ,
Бѣлы ручки колетъ.

Припѣвъ.

Жалко мнѣ, жалко,
Жалко мнѣ дѣвицу.
Куплю я дѣвицѣ
Рукавицы.

Припѣвъ.

Пущай она просо полетъ,
Бѣлыхъ рукъ не колетъ,
Бѣлыхъ рукъ не колетъ
И не мараетъ.

Припѣвъ.

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., бомбардиръ Василій Ефимовичъ Стрижевъ 56 лѣтъ.

У красавицы была побраночка съ миленькимъ.

Чернобровый, черноглазый, душа мой,
Ты не чувствуешь любови никакой,
Какова любовь на свѣтѣ горяча,
Горяча любовь слезами улита.
Какъ у Машеньки заплаканы глаза,
У красавицы затерты рукава,—
Вечеръ съ миленькимъ побраночка была,
Что побраночка не маленькая.
Вечоръ миленькій побили за тебя,
За тебя, милъ, за худыя за дѣла,
За худыя, за поздніе вечера.
Я съ тѣхъ-то побой во постелюшку легла,
Во постели три недѣли лежала,
На четверту выздоравливала,
Я на пяту въ зеленъ садъ гулять пошла.

Мимо рощицы зеленаго саду
Пролегала дороженька торна,
Что торнымъ-то торна,
Пробита до песка;
Знаю, знаю, кто дороженьку торилъ,—
Молодой парень ко дѣвицѣ ходилъ,
Онъ не такъ-то ходилъ,
Гостинцевъ носилъ,
Что гостинцы—сладкой водки полуштофъ,
На закуску сладкихъ яблочковъ пятокъ.

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Ефимовъ.

Дѣвченочка сушитъ, крушитъ молодца.

Сухота ли, сухота,
Молодецкая красота.
Сушитъ, крушитъ дѣвченочка
Удалого молодца,
Вынимаетъ румянчики
Изъ его бѣла лица,
Изъ его ли бѣла лица
Да изъ румяныхъ щекъ.
Я разсѣю грусть-тоску
Да по зеленому саду.
Ты расти, расти, кручина,
Вырастай, моя печаль,
Вырастай, моя печаль,
Да алымъ цвѣтомъ расцвѣтай.
У моего у батюшки
Да много въ саду вишенья,
Много въ саду вишенья,
Винограду съ грушею,
Виноградъ растетъ на вѣткѣ,
Соловей поетъ во клѣткѣ;
А я мальчикъ перенималъ,

Подъ кустомъ сидѣлъ, дремалъ,
Нерадошенъ, невеселъ.
Изъ-подъ куста всталъ, пошелъ,
Изъ-подъ куста всталъ, пошелъ,
Да во высокій теремъ зашелъ.
Трое дверей отворялъ,
Да ничего я не видалъ.
Я четверты отворилъ—
Да много зеркалъ и картинъ,
Много зеркалъ и картинъ,
А я молодецъ одинъ.
Удивляюсь я тому,
Въ домѣ нѣту народу,
Ко мнѣ Сашенька придетъ
Всѣ утѣхи принесетъ.

Ст Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Ефимовъ.

У размолоденькой дѣвченки умъ-разумъ несетъ туда, куда подуетъ вѣтеръ.

Размолоденька шельма дѣвчёнка,
Ой-да расхорошенькій разумокъ,
Куда вѣтеръ только ни подуетъ,
Ой-да туда умъ-разумъ несетъ.
На молоденькаго да на мальчишку
Ой-да очи ясны продала;
Ой-да продавши свои ясны очи,
Успокоилась она.
Ой-да тебѣ, милый, не жениться,
Ой-да мнѣ замужъ не ходить.
Вышла, вышла разлюбезна
За товарища моего,
Товарищу любо будетъ,
А мнѣ горе да печаль.

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Ефимовъ.

Дѣвица померла отъ любви.

Сонъ мой милый, сонъ счастливый,
Воротися, сонъ, назадъ,
Сдѣлай дѣвицу счастливой
Во послѣдній горькій часъ.
Двѣ кукушечки кукуютъ,
Соловей въ саду поетъ,
Двѣ любимыя подружки
Подъ окошечкомъ сидятъ.
Они слова не промолвятъ,
Про милого говорятъ:
Ужъ ты, милый, другъ хорошій,
Скажи, любишь или нѣтъ?
Если ты же меня любишь,
Возьми замужъ за себя;
Если ты меня не любишь,
Жить на свѣтѣ не хочу,
Я ручки къ сердцу приложу.
Приложила ручки къ сердцу,
Грудь покрыла полотномъ.
Полотенчикомъ покрыли,
На кладбище понесли,
На кладбище приносили,
Воздохнула мать земля,
Вся вселенна говорила —
Отъ любви она померла.

Ст. Магнитная, 1908 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Машенька навадилась гулять.

Ужъ ты, Машенька, несчастная,
Уродилася злосчастная.
Не знаю какъ и быть,
Во несчастьѣ какъ и жить.
Во несчастьѣ жить не стану,
Тужить, плакать перестану,

По миленькомъ тосковать,
Да слезы проливать.
Пускай люди говорятъ,
Что я извадилась гулять,
Холостыхъ ребятъ привлекать,
Холостыхъ ребятъ любила,
А женатиковъ сушила.
Все это пустыя, наносныя слова.
Пустыхъ словъ я не боюся,
Никого я не стыжуся.
Пошлю къ милому посла,
Чтобы миленькій пришелъ.
Поклонъ милому отдавши,
Пріобнявши, цѣловавши,
Сяду съ миленькимъ въ траву
Подъ яблоней въ саду.
Стой ты, яблоня, не шатайся,
Стой, кудрявая, не ломайся,
Подъ тобой съ милымъ сижу,
Рѣчи сладки говорю.
Я казаченька любила,
Кисетъ съ трубкой подарила.
Онъ недолго со мной жилъ
Да въ походъ скоро вступилъ.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Смерть полюбовника.

Ждала, ждала дѣвченочка
Полковничка въ гости,
Не дождавшись полковничка,
Поздно спать ложилась.
По утру рано вставала,
Вѣсти получала:
Померъ, померъ полюбовникъ,

Казачій полковникъ;
Остается конь вороный
Съ сбруей золотою,
Его сбруя золотая,
Жена молодая.
Тѣло несутъ, коня ведутъ,
Конь головку клонитъ.
У молоденькой дѣвченки
Сердечушко ноетъ;
Оно ноетъ, занываетъ,
Къ тоскѣ припадаетъ [1]).

Ст. Кундравинская, 1902 г., трубачъ Василій Комлевъ; записалъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

И. ПѢСНИ ПРИ ПРОВОДАХЪ КАЗАКА НА СЛУЖБУ.

Проводы мужа на службу [2]).

Ужъ ты, Ваня, разудала голова,
Да сколь далеко отъѣзжаешь отъ меня?
На кого ты покидаешь, другъ, меня?
Аль на друга, аль на брата своего?
Съ кѣмъ я буду эту зиму зимовать?
Да съ кѣмъ я буду тепло лѣтичко гулять?
— Гуляй, гуляй, моя милая, одна.
Я уѣду во иные дальни города.
Не пріѣду черезъ годикъ, а можетъ два.
— Голубчикъ мой, что сдѣлалъ ты надо мной?
Ты оставилъ меня ни дѣвкой, ни вдовой?
Что ни дѣвкой, ни вдовой, —
«Армейкой» [3]) молодой.

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Ф. Ефимовъ.

[1]) Ср. ч. II, стр. 116—118.
[2]) Ср. ч. III, стр. 159.
[3]) «Армейка»—жена ушедшаго на службу казака.

Казакъ соѣзжаетъ съ квартирушки.

Ты, долина ли, моя долинушка, раздолье широкое!
На этой на долинушкѣ выросла береза.
Какъ съ корешку-то бѣлая береза она свилевата,
Подъ вершинку бѣлая береза была кудревата.
Какъ на этой на березонькѣ гнѣздо соколино.
Соколиное теплое гнѣздышко оно раззорено.
Раззорено теплое гнѣздышко по-напрасну.
Раззорили теплое гнѣздышко малые ребята.
Не ясенъ соколъ съ тепла гнѣздышка слетаетъ—
Молодой казакъ съ квартирушки соѣзжаетъ.
Не отецъ, не мать казаченьку провожаютъ.
Провожали же казаченьку чужіе люди [1]).

Ст. Магнитная, 1905 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Отправленіе на службу.

Какъ на горкѣ, на горочкѣ,
Горькія ягодки растутъ.
У насъ въ селѣ было два брата:
Одинъ холостъ, другой женатъ.
Ты, братъ, холостъ, а я женатый:
Тебя сравнивать со мной нельзя.
Оставить дѣтокъ сиротами,
Отца отнять у нихъ нельзя.
Отецъ и мать, спѣши скорѣе
Везти служить меня.
Малютки, вы со мной проститесь:
Быть можетъ, въ послѣдній разъ у васъ [2]).

Ст. Нижнеозерная, 1901 г., урядникъ П. Чумаковъ.

[1]) Ср. ч. III, стр. 155.
[2]) Ср. Якушкина стр. 555.

I. ПѢСНИ СТРОЕВЫЯ.

Житьё бытьё казячье на войнѣ.

Сядемъ, братцы, въ круговую,
Запоемъ мы въ добрый часъ
Пѣсню русскую простую
Про житье-бытье свое.

—

Мы не знали, да только не боялись,
Какъ пришлось намъ крѣпость взять,
Мы не знали, да какъ пришлося,
Мы съ привычки только спознались.

—

Да на войнѣ не объ чемъ тужить:
Царь насъ кормитъ, одѣваетъ,
Да честью лестно ему
Только служить.

—

Онъ за храбрость украшаетъ
Крестомъ бѣлымъ на груди.
У насъ казаки не зѣваютъ,
Куда хочешь — хоть въ огонь!

—

У насъ казаки, право, не зѣваютъ,
Куда хочешь — хоть въ огонь!
У насъ казаки не зѣваютъ, —
Лучше русскихъ насъ не тронь!

———

Ст. Нижнеувельская, 1901 г., казаки братья Романъ и Филиппъ Тутаевы.

Служба канонира.

Мнѣ сказали въ кананерахъ хорошо.
Въ кананерахъ распроклятое житье:

По три денежки на суточки даютъ,
По пятисотъ на бѣлу спину кладутъ,
А шестую съ пересыпочкою.

«Оренбургскій край», 1894 г. («Казакъ плѣнникъ»).

Казаки у жида въ шабашъ.

Изъ-за лѣсу, изъ-за горъ
Ѣхали казаки.
Припѣвъ:
Ой, вей! Ой, гвалтъ!
Стралимбомъ! Стралимбомъ!
Ѣхали казаки.
Ѣхали казаки,
Высокія шапки.
Припѣвъ.
Ой, вей! Ой гвалтъ!
Стралимбомъ! Стралимбомъ!
Высокія шапки.
Высокія шапки,
Ѣдутъ на лошадкѣ.
Припѣвъ.
Ѣдутъ на лошадкѣ,
Въ рукахъ по нагайкѣ.
Припѣвъ.
Заѣхали казаки
Къ жиду на шабашъ.
Припѣвъ.
Попросили казаки
У жида горѣлочки.
Припѣвъ.
У жида горѣлочки,
Четыре манерочки.
Припѣвъ.

Четыре манерочки,
Пирогъ на тарелочкѣ.
Припѣвъ.
Заставляли казаки
Жида въ шабашѣ танцовать.
Припѣвъ.
Жидъ сказалъ: «Я не умѣю»;
Жидовочка: «Я не смѣю».
Припѣвъ.
Жидъ жидовку—подъ бока,
Жидовочка—казака.
Припѣвъ.
Жидовочка казака
Подъ бѣлы руки взяла.
Припѣвъ.
За бѣлы руки взяла,
Съ нимъ по горенкѣ пошла.
Припѣвъ.

Ст. Гирьяльская, 1902 г., нестр. старш. разр. Иванъ Вишняковъ.

Казаки въ харчевнѣ.

Какъ во Брестѣ, Брестѣ,
На прекрасномъ мѣстѣ,
На прекрасномъ мѣстѣ,
Стояла харчевня.
Припѣвъ: Ой вей, ой вай, ну-ну-ну,
Стояла харчевня.
Харчевка новая,
Хайка молодая.
Припѣвъ.
Хайка молодая
Водкой торговала.
Припѣвъ.

Какъ у этой хайки
Три казака были.
Припѣвъ.
Три казака были,
Горилочку пили.
Припѣвъ.
Денегъ не платили,
Все хайку манили.
Припѣвъ.
Прелестная хайка,
Поѣдемъ-ка съ нами.
Припѣвъ.
Съ нами, казаками,
На вороной парѣ.
Припѣвъ.
На вороной парѣ,
Въ золотой каретѣ.
Припѣвъ [1]).

Ст. Нижнеувельская, 1902 г., казаки братья Романъ и Филиппъ Тутаевы.

Батарейные казаки и цѣловальникъ.

Какъ по рѣчкѣ, по песку
Течетъ рѣчка во Москву.
Разъ два, ой да
Течетъ рѣчка во Москву.
Какъ по этому песочку
Красны дѣвицы идутъ.
Къ намъ, къ намъ, ой-да
Красны дѣвицы идутъ.
Красны дѣвицы идутъ,
Во рукахъ платки несутъ.
Намъ, намъ, ой-да
Во рукахъ платки несутъ.

[1]) Ср. ч. II, стр. 123—125.

Черезъ рѣчку перешли,
Къ батареѣ подошли,
Къ намъ, къ намъ, ой-да
Къ батареѣ подошли.
Батарейные казаки
Хоть голы да удалы.
Мы, мы, ой-да
Хоть голы да удалы.
Хоть голы да удалы,
Люди мудреные.
Мы, мы, ой-да
Люди мудреные.
Люди мудреные,
Кудри пудреныя.
У насъ, у насъ, ой-да
Кудри пудреныя.
Мы зато кудри пудримъ,
Чтобы дѣвицы любили
Насъ, насъ, ой-да
Чтобы дѣвицы любили.
Чтобы дѣвицы любили,
Во кабакъ часто водили
Насъ, насъ, ой-да
Во кабакъ часто водили.
Мы подходимъ къ кабаку,
Цѣловальникъ на боку
Спитъ, спитъ, ой-да
Цѣловальникъ на боку.
Цѣловальникъ, чумакъ,
Отворяй новый кабакъ
Намъ, намъ, ой-да
Отворяй новый кабакъ.
Отворяй новый кабакъ,
Наливай вина такъ
Намъ, намъ, ой-да
Наливай вина такъ.

Наливай вина осьмуху,
Мы ударимъ тебя въ ухо.
Бьемъ, бьемъ, ой-да
Мы ударимъ тебя въ ухо.
Мы за то тебя по уху,
Не люби нашу Катюху,
Ой-да, ой-да
Катю, Катеньку душу.

Ст. Магнитная 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ

Кутёжъ.

Ванюша, Ванюша
Молоденькій былъ;
Онъ царскую службу
Прелестно любилъ.
Мундиръ, эполеты
Блестѣли на немъ.
Однажды я дожилъ
До чернаго дня.
Пошелъ на службу,
Тамъ нѣтъ никого.
Пришелъ съ ученья,
Созвалъ я гостей.
Всю ночь мы кутили,
И я не отсталъ.
По утру съ похмѣлья
Насилу я всталъ.
Взглянулъ я въ зало,
Тамъ нѣтъ никого,
Пустыя бутылки
Валялись въ углахъ;
Табакъ, милы карты
На пыльномъ столѣ.

Взглянулъ я въ окошечко—
Дежурный идетъ,
Дежурный по сотнѣ
Урядничекъ нашъ.
— Ваше Благородіе,
Васъ требуетъ князь.
— Налилъ я стаканчикъ,
Выпилъ другой
И пошелъ въ казарму.
Навстрѣчу ему—князь.
—«Такъ не нужно дѣлать,
По ночамъ гулять.
Ваше только дѣло
За сотней слѣдить.
Вонъ ваша-то сотня
Въ трактирѣ сидитъ.
Уряднички пьяны
За бочкой лежатъ,
Кашеваръ въ шинели
Стоитъ у котла.
Хлѣбопёкъ въ мундирѣ
Зарылся въ мукѣ».

Ст. Звѣриноголовская, 1902 г., казакъ Григорій Матвѣевъ.

К. ДѢТСКІЯ ИГРЫ И ПѢСЕНКИ.

Въ церкви оборвали колокола.

У Петра, у Николы
Оборвали колоколы,
Два старичка сѣденькихъ,
Двѣ старушки слѣпенькихъ.

Ст. Богуславская, 1910 г., жена полковника А. Е. Мякутина.

Прибаутка въ Вербное воскресеніе.

Верба, хлестъ,
Бьетъ до слезъ.
Верба бѣла
Бьетъ за дѣло.
Верба красна
Бьетъ напрасно.

Ст. Богуславская, 1910 г., юнкеръ Николай Мякутинъ.

Л. СТИХОТВОРЕНІЯ, ОТНОСЯЩІЯСЯ ДО ОРЕНБУРГСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА.

Надпись казачьяго офицера на фотографической карточкѣ для друга.

Сигналъ «сберитесь» твердо знали
И исполняли его мы,
Другъ другу мысли повѣряли,
Сбираясь часто въ оны дни.
Судьба «разсыпку» подала,
И мы разсыпались тотчасъ,
Благодаря-жъ «летучей почтѣ»,
Не разлучила она насъ:
При помощи письмописанья,
Въ часы служебнаго досуга,
Сердцами близки были мы,
«Подравниваясь» другъ на друга.
Когда собрались мы въ «резервъ»,
Придя на льготу, кончивъ службу,
Мы вспомнили сигналъ «сберитесь»
И «укрѣпили» нашу дружбу.
Но «по переднему уступу»
Сигналъ раздастся — мы опять

Разстанемся, пойдемъ на службу,
Чуръ друга другъ не забывать!
Я убѣдительно прошу:
Когда разстанемся съ тобой,
Воспоминаньямъ обо мнѣ
Ты не сыграй въ душѣ «отбой».

А. Андреевъ.

Письмо молодого казачьяго офицера другу.

Меня ты часто въ нашихъ спорахъ
За кровожадность упрекалъ,
За страсть къ клинкамъ и мной созданный
Желанной битвы идеалъ.
Но я признаюсь: все же мнѣ,
Что говорилъ я, будетъ мило,
И ужъ меня, какъ горбуна,
Исправитъ, знать, одна могила.
Я повторяю: былъ бы радъ,
Коль вдругъ бы громъ военный грянулъ,
И оренбургскій бы казакъ
По слову Царскому воспрянулъ.
Онъ бросилъ бы семью и домъ,
Усердьемъ къ службѣ лишь горя,
Помчались бы съ врагомъ на сѣчу
За Русь, за вѣру, за Царя.
Я лично для себя желаю
Немного: только лишь бы мнѣ
Помѣриться клинкомъ съ врагами
И имъ служить родной странѣ.
Не задаюсь большой задачей,—
Стратегомъ быть я не хочу,
И буду радъ, коль полусотню
Я подъ команду получу.
Но только бъ съ этой полусотней
Попасть хоть разъ въ горячій бой,

Натѣшиться клинкомъ до сыта,
А тамъ—хоть голова долой.
Теперь и голову не жалко:
Жены дѣтей нѣтъ у меня,
И думы лишь однѣ заботятъ
Про строй, оружье и коня.
А безъ меня отцу поддержка
Четыре сына есть и дочь:
Подъ старость одинокъ не будетъ
И есть кому ему помочь.

А. Андреевъ.

N N.

Слава тебѣ, пыль вѣковъ отъ хартій отряса-
ющій
И надъ стариной завѣсу намъ открывающій,
Дѣлами дѣдовъ внуковъ поучающій,
Родному войску послужить желающій,
Слава тебѣ!

А. Андреевъ.

ГОРОДОКЪ [1]).

Наша площадь войсковая
Вся народомъ занята;
А на солнышкѣ играя
Стояла съ башнями стѣна;
Гордо въ ней и величаво
Снѣжный великанъ стоялъ
И съ презрѣніемъ, лукаво
Вдаль на казаковъ взиралъ.

[1]) Городки устраиваются и берутся на масляницѣ.

Казаки ужъ строятъ лаву,
Впередъ тихонечко идутъ;
Каждый жаждетъ себѣ славу.
Всѣ съ волненьемъ что-то ждутъ.
За стѣной вдругъ услыхали,
Какъ сигналъ труба трубитъ...
На валы враги вбѣгали...
Казачекъ стрѣлой летитъ!...
Зажгли солому на стѣнахъ;
Пушки въ башняхъ загремѣли...
Крикъ; гикъ! Съ лопатами въ рукахъ
Враги всѣ разомъ присмирѣли...
Казаки летятъ въ атаку!...
Скрылись въ снѣговой пыли...
Выскочивъ, вступили въ драку,
Всѣхъ защитниковъ смели!...
Прошло затѣмъ мгновенья два,
На самой вышкѣ городка,
Какъ бывало и всегда,
Народъ увидѣлъ казака!
Казакъ призомъ награжденъ,
Съ флагомъ скачетъ по станицѣ,
Весь народъ имъ восхищенъ,
Имъ дивуются дѣвицы.

Н. М.

ЯИКЪ.

«Одинъ живой свидѣтель славный
Дѣяній прошлыхъ казака,
Яикъ, великая рѣка!
Когда-то грозно, величаво
Катилъ ты къ Каспію волну,
И лѣсъ шумѣлъ на берегу;

Свою вширь влагу голубую
Бывало бѣшенно бросая
И объ утесы разбивая,
Долину воемъ наполняя,
Ревѣлъ, гудѣлъ какъ дикій звѣрь.
А что, скажи, съ тобой теперь?
Зачѣмъ склонилъ свою ты выю?
Тебя совсѣмъ не слышно стало,
Тебя какъ будто оковало.
Когда-то ты, воитель славный,
Пѣлъ пѣсни намъ о старинѣ
И о любимцѣ казакѣ.
Скажи, зачѣмъ ты мирно, плавно
Бѣжишь въ перинахъ-берегахъ
И не гремишь о казакахъ?
Не мечешь такъ, какъ встарь, ты воды.
Теперь къ землѣ главой поникъ;
Сталъ старикомъ, вѣрно, Яикъ?»—
Вотъ вижу я Яикъ поднялся,
Сверкнули молоньи изъ глазъ,
И началъ свой въ отвѣтъ разсказъ:
«Когда-то берегъ мой пріольный
Отраду людямъ подавалъ:
Бѣднякъ тутъ горе забывалъ,
Меня любилъ страдалецъ скорбный,
Удалый находилъ раздолье,
Номадъ степной—стадамъ приволье.
Но скоро бой кровавый грянулъ
Тутъ азіата съ казакомъ,
Здѣсь долго кровь лилась ручьемъ.
Я радъ былъ дать пріютъ страдальцу:
За казака стоялъ душой,
Но цѣлый вѣкъ тотъ длился бой.
Когда жъ киргизъ былъ побѣжденъ,
Я полагалъ, что рай земной
И вѣчный вмѣстѣ съ тѣмъ покой

На берегахъ моихъ настанутъ,
Но надежда обманула,—
Все судьба перевернула.
Прошелъ еще вѣкъ... Что же вижу?
Тамъ, гдѣ рыскалъ нѣкогда киргизъ,
Пашетъ землю нѣмецъ—колонистъ.
Какъ цѣпью, мостъ сковалъ чугунный
Меня, привольную рѣку,
И паровозъ на берегу
Свиститъ, летитъ быстрѣе птицы,
Гдѣ прежде прыгалъ лишь сайгакъ,
Да вольно жилъ одинъ казакъ.
Я вижу странное явленье:
Киргизецъ ѣдетъ подъ зонтомъ
И упивается виномъ;
На клочья землю подѣлили,
И тамъ, гдѣ прежде росъ ковыль,
Съ полей столбомъ несется пыль.
Ужель и я, какъ сестра Волга,
Меркантилизмомъ заражусь,
И лишь купцамъ я пригожусь!
Мнѣ тяжело... Я задыхаюсь...
Я не купецъ, я великанъ,
Отважной рати атаманъ!»
. . . . . .
. . . . . .
Поникъ Яикъ главой сѣдою,
И дрогнулъ голосъ старика,
Очи подернула слеза.
И палъ онъ снова на перины,
Ничего мнѣ больше не сказалъ
И, глаза закрывши, зарыдалъ...

Ал. М.

ОРЕНБУРГСКАЯ КАЗАЧЬЯ ПѢСНЯ.

I.

Вдалекѣ, вдалекѣ,
На зыбучемъ пескѣ,
Близъ Урала рѣки
Все живутъ казаки;
Землю пашутъ, поютъ,
Мечи остры куютъ;
То на коняхъ они
Скачутъ цѣлые дни.
И давно по степямъ,
По башкирскимъ полямъ
Знаютъ тѣхъ удальцовъ,
Казаковъ молодцовъ.
Но не все лихачи
Только дома живутъ,
Далеко ловкачи
И за домомъ слывутъ.

II.

Загляните на югъ,
На Памирахъ средь вьюгъ,
И въ ташкентскихъ садахъ,
И въ ферганскихъ горахъ,
Вы услышите тамъ,
Какъ поютъ казакамъ
Славу. Громы гремятъ,
Трубы громко трубятъ,
Барабаны стучатъ,
Бубны, домбры бренчатъ,
Величаютъ бойцовъ,
Имъ желаютъ вѣнцовъ.

Но не все только тамъ,
По другимъ по мѣстамъ
Почитаютъ орловъ,
Хвалятъ тѣхъ казаковъ.

III.

Вотъ нашъ Дальній Востокъ.
Гдѣ Сунгари истокъ,
Тамъ гдѣ сопки бѣгутъ,
Тамъ, лѣса гдѣ идутъ,
Гдѣ манчжурская степь,
Гдѣ японская цѣпь,
Въ гаолянѣ, горахъ,
Да въ китайскихъ стѣнахъ,
На снѣгу, на вѣтру,
И во мглу и въ жару,
Казаки тамъ стоятъ,
На японцевъ глядятъ.
Но и все это имъ,
Забіакамъ большимъ,
Нипочемъ, нипочемъ,
Хоть далеко ихъ домъ!

IV.

Посмотрите туда...
Тамъ, гдѣ Вислы вода
Мутно плещетъ межъ сёлъ,
Гдѣ Флорьяна костелъ
Бросилъ сотни шпилей,
Гдѣ стоитъ мавзолей
Польской славѣ былой, —
Тамъ казакъ нашъ герой,
День и ночь напролетъ
Сторожитъ. Онъ оплотъ
Русской власти въ краю,

Служитъ вѣрно Царю.
И немного южнѣй,
Въ странѣ грязи, дождей,
Въ Волочискѣ глухомъ
Поютъ пѣсни о немъ.

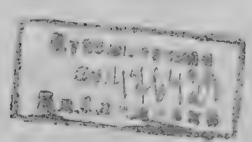
V.

А вотъ сѣверъ глухой.
Ель, сосна; вѣтра вой.
Топь болотъ; моря плескъ.
Скалы, мохъ; озеръ блескъ.
Но надъ славной Невой
Стоитъ городъ большой.
Здѣсь живетъ Государь,
Православный нашъ Царь,
У его-то палатъ
Казаки сторожатъ.

—

Эй, воспойте живѣй,
Возвеличьте скорѣй
Моего землячка,
Казачка простачка.
Труба, громче труби!
Ура, всюду греми!
Людъ честной, веселись!
Казаки!! Отзовись!!!...

Ал. М.



Работы А. И. Мякутина.

1) [illegible]

Передъ чтеніемъ покорнѣйше просятъ исправить искажающіе смыслъ опечатки.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
III	1 сн.	912	291
253	19 св.	сака	ника

АДРЕСЪ: Г. Ташкентъ. Военно-Окружный Судъ.

Служитъ вѣрно Царю.
И немного южнѣй,
Въ странѣ грязи, дождей,
Въ Волочискѣ глухомъ
Поютъ пѣсни о немъ.

V.

[redacted]

Казаки!! Отзовись!!!...

Ал. М.

Куйбышевская
Обл. 476428
Библиотека

Работы А. И. Мякутина.

1) Пѣсни оренбургскихъ казаковъ.

Ч. I. Пѣсни историческія. Стр. IV+294. Распродано.

Ч. II. Пѣсни былевыя. Стр. X+162. Цѣна **90** коп.

Ч. III. Пѣсни бытовыя. Стр. XVII+314. Цѣна **1** руб. **15** коп.

Ч. IV. Пѣсни обрядовыя. Духовные стихи. Апокрифы и проч. Стр. XXVIII+352. Цѣна **1** р. **40** к.

2) Казачья памятка. Цѣна **5** коп. (сотня **4** рубля).

3) Преподобная великая княгиня Анна Кашинская какъ супруга, мать, истая дочь своей родины и христіанка. Цѣна **6** коп.

Для лицъ, принадлежащихъ къ войсковому сословію Оренбургскаго казачьяго войска, цѣны уменьшенныя.

АДРЕСЪ: Г. Ташкентъ. Военно-Окружный Судъ.

ЦѢНА 1 РУБ. 40 КОП.